

alex cailinicos
AN ANTI-CAPITALIST
MANIFESTO

алекс каллиникос
АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЙ
МАНИФЕСТ

Праксис
Москва 2005

ББК66.4
К 17

Каллиншос А.

Антикапиталистический манифест. — М.: Праксис, 2005. — 192 с.

ISBN 5-901574-42-7

Демонстрации в Сиэтле и Генуе открыли новую эпоху массовых движений протеста. Неолиберальная экономическая политика, проводимая странами «Большой семерки» порождает растущее сопротивление во всем мире. Все большее число людей заявляет о своем неприятии ценностей «свободного рынка» и власти транснациональных корпораций. В своей новой книге британский политический философ Алекс Каллиникос исследует развитие современного антикапиталистического движения, анализирует состав входящих в него политических сил, а также выявляет стоящие перед ним стратегические задачи.

ББК 66.4

ISBN 5-901574-42-7

- © А. Т. Callinicos, 2003
- © Издательская группа «Праксис», 2005
- © Published by arrangement with Polity Press
- © Оформление обложки А. Кулагин, 2005
- © Переводсангл.А. Смирнов

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
<i>Благодарности</i>	8
Введение	9
<i>Незапланированное событие</i>	9
Оживление социальной критики	14
<i>Название движения</i>	21
<i>Еще одно незапланированное событие</i>	24
Капитализм против планеты	29
<i>В чем же проблема?</i>	29
<i>Финансовые причуды</i>	36
<i>Машина с вечным двигателем</i>	43
<i>Накопление и катастрофа</i>	52
<i>Меч Левиафана</i>	58
<i>Резюме</i>	74
Разновидности и стратегии	77
Разновидности антшсагштализлю	77
Реакционный антикапитализм	77
Буржуазный антшсшштализл!	80
<i>Локалиапский антикапитализм</i>	84
<i>Рефюрлштский антикагшпгализлс</i>	86
<i>Автономистский антикапитализм</i>	90
Социалистический антикапитализм	94
<i>Реформа или революция?</i>	96
Резкхме	115

Представляя другие миры	117
<i>Антикапиталистические ценности</i>	117
<i>Замечание о многообразии</i>	123
<i>Что не так с рынком?</i>	125
<i>Зачем нам нужно планирование</i>	133
<i>Переходная программа</i>	144
<i>Резюме</i>	154
Послесловие	157

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга была задумана и написана на бегу, в промежутках между контр-саммитами и массовыми выступлениями. Я набросал окончательный план книги в зале ожидания аэропорта Порту-Алегри после второго Всемирного социального форума и написал ее во время подготовки к первому Европейскому социальному форуму во Флоренции. Оглядываясь в прошлое, эту книгу можно считать заключительной частью трилогии, которая была начата «Равенством» (1999) и продолжена работой «Против "третьего пути"» (2001). Хотя это не входило в первоначальный замысел, три эти книги можно представить в виде гегельянской триады, в которой «Равенство» рассматривает универсальные принципы справедливости, «Против "третьего пути"» представляет собой отрицательный момент критики, а «Антикапиталистический манифест» анализирует конкретные движения, которые теперь ведут борьбу за осуществление этих принципов, закладывая основы иного мира. Или же — менее претенциозно — эта книга может быть прочитана сама по себе как повествование о характере международного движения против капиталистической глобализации и своеобразная стратегия и программа, которым оно должно следовать.

В «Антикапиталистическом манифесте» отражен вклад, прямой и косвенный, многих активистов и интеллектуалов в это движение. В диалоге, ведущемся с европейскими радикальными левыми, особенно полезными были мои контакты с Даниэлем Бенсаидом, работы которого стали для меня важным ориентиром. Майк Гонсалес сопровождал меня в Порту-Алегри II, и я много извлек для себя из тогдашних наших с ним бесед. Крис Бамбери, Крис Харман, Крис Найнхэм и анонимный рецензент читали черновик рукописи — хотел бы поблагодарить их всех за их советы и поддержку. Работа с «Полити», как обычно, принесла одно удовольствие: я особенно благодарен Элен Грэй, Дэвиду Хелду, Рэйчел Керр и Пэм Томас. Но больше всего я обязан Сэм Ашман: она разделяла

ПРЕДИСЛОВИЕ

со мной многое из того, что стояло за книгой, читала и высказывала свои соображения о черновом варианте, а также была неиссякаемым источником идей и советов. Как того требует справедливость, «Антикапиталистический манифест» я посвятил именно ей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор и издатели хотели бы выразить благодарность за разрешение на использование следующих материалов, защищенных авторским правом:

Financial Times — за четыре цитаты (с. 00-00, 00-00, 00-00 и 00-00), права на которые принадлежат *Financial Times*; *Guardian* — за две цитаты (с. 00 и 00); Наоми Кляйн — за цитаты из статей "The Vision Thing", опубликованной в *The Nation*, 10.07.2000, pp. 18-21, и "Masochistic Capitalists", опубликованной в *Guardian*, 15.02.2002.

Были предприняты все усилия, чтобы отыскать правообладателей, но если по недосмотру кто-то остался незамеченным, издатели при первой же возможности с готовностью примут все необходимые меры.

ВВЕДЕНИЕ

НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ СОБЫТИЕ

Что-то странное произошло в конце 1990-х. Десятилетием ранее либеральный капитализм праздновал победу после краха коммунистических режимов. Фрэнсис Фукуяма лихо заявлял, что такое развитие событий знаменует собой Конец Истории: крах коммунизма показал, что никакая прогрессивная системная альтернатива либеральному капитализму невозможна. Мало кого подкупил предложенный Фукуямой странный коктейль из неогегельянской философии и рейгановской воодушевленности. Но многие согласились с его сутью. Во всяком случае, постмодернизм и его отпрыски (например, постколониальная теория), завоевавшие прочные позиции в либеральных англоязычных университетах, задолго до этого провозгласили «крах великих нарративов» и приход фрагментированного, пестрого мира, в котором сама мысль о том, чтобы поставить под сомнение либеральный капитализм, грозит возрождением тоталитаризма, ответственного за Освенцим и архипелаг Гулаг.²

Куда более важно, что то же общее представление нашло свое отражение также и в государственной политике. В 1990 году экономист Джон Уильямсон придумал выражение «Вашингтонский консенсус» для обозначения не менее десятка областей политики, в которых лица, принимающие решения, во всем мире согласились с неолиберальной программой, — финансово-бюджетная дисциплина, приоритеты расходов на государственные нужды, налоговая реформа, финансовая либерализация, конкурентный валютный курс, либерализация торговли, прямые иностранные инвестиции, приватизация, дерегуляция и права собственности.³ Во время длительного бума 1950- 1960-х такая политика по большей части была бы отвергнута и объявлена фантазией экономических еретиков, мечтающих о возврате в девятнадцатый век: преобладавшая точка зрения в том или ином виде отражала

ВВЕДЕНИЕ

утверждение Мейнарда Кейнса о том, что стабильность капитализма зависит от государственного вмешательства в деле обеспечения полной занятости. Поэтому Сьюзен Джордж лишь слегка преувеличивает, когда пишет: «Если бы вы всерьез предложили какую-нибудь идею или политику, входящую в сегодняшний стандартный неолиберальный инструментарий, в 1945 или 1950 году, вам пришлось бы отшучиваться или отправиться в сумасшедший дом».⁴

Но первый крупный послевоенный спад середины 1970-х создал более благоприятную обстановку для восприятия этих ересей. В результате серьезной политической и идеологической борьбы неолиберализм все же сменил кейнсианство в качестве общепринятой экономической теории и практики. На протяжении 1980-х Рональд Рейган в Соединенных Штатах и Маргарет Тэтчер в Великобритании с успехом проводили политику свободного рынка, преодолев сопротивление как части истеблишмента, так и влиятельных групп рабочих вроде американских авиадиспетчеров в 1981 году и британских шахтеров в 1984-1985 годах. К концу десятилетия сложилась благоприятная обстановка для того, чтобы эти нововведения стали общим правилом на мировой арене. С одной стороны, долговой кризис, унаследованный от второго значительного экономического спада в начале 1980-х, дал Международному валютному фонду и Всемирному банку рычаги, в которых они нуждались, чтобы заставить правительства стран «третьего мира» принять неолиберальные программы «структурного регулирования»; с другой стороны, крах коммунизма позволил Соединенным Штатам, в частности, оказать поддержку режимам-преемникам в Центральной и Восточной Европе, а также в бывшем Советском Союзе при проведении «шоковой терапии», которая внезапно вывела их экономику из состояния контролируемой государством автаркии и способствовала вхождению в высоко конкурентный мировой рынок.⁵

На глобальном уровне навязывание неолиберальной ортодоксии, по крайней мере отчасти, отражало осознанную стратегию, которой следовали удачливые американские администрации для сохранения гегемонии Соединенных Штатов в эпоху, наступившую после окончания холодной войны:

ВВЕДЕНИЕ

само название, данное этой политике, — «Вашингтонский консенсус» — указывает на роль, которую сыграл в ее осуществлении институциональный комплекс, связующий воедино Министерство финансов США, МВФ и Всемирный банк.⁶ Но особое значение торжество этих идей приобрело после их признания многими левыми во всем мире. Третий путь возник как лозунг, призванный отделить «новых демократов» Билла Клинтона как от рейгановского республиканизма, так и от государственнического подхода к экономическим и социальным проблемам, олицетворяемого такими прежними президентами-демократами, как Франклин Рузвельт и Линдон Джонсон. В сущности, приверженность администрации Клинтона к неолиберальной программе вскоре получила свое подтверждение в ее активных и успешных усилиях, в тесном союзе с крупным бизнесом и республиканскими правыми, направленных на склонение конгресса к принятию Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) в 1993 году.⁷

Проповедуемый с миссионерским рвением Тони Блэром и его придворным философом Энтони Гидденсом «третий путь» требовал одобрения того, что выдавалось за экономическую необходимость. Глобализация объявила устаревшими такие проверенные левые средства, как перераспределение и государственную собственность; обновленный «левый центр» должен был сочетать либеральную экономику и авторитарную социальную политику, несколько приукрашенную коммуитарной риторикой.⁸ В итоге произошло, если можно так выразиться, изъятие политики из политики: с учетом того, что с либеральным капитализмом согласны все значимые фигуры, политические дебаты могут вестись только вокруг второстепенных технических проблем и конкретных личностей. В такой обстановке успех Тони Блэра не вызывает удивления: последствия его господства в британской политике наилучшим образом проявились в удивительно скучных всеобщих выборах июня 2001 года. Отсутствие существенных различий между двумя ведущими кандидатами было важным фактором неожиданного успеха Жана-Мари Ле Пена во время первого тура президентских выборов во Франции в апреле 2002 года, когда он оттеснил премьер-министра,

ВВЕДЕНИЕ

Лионеля Жоспена, на третье место. Казалось, что конец идеологии, несколько преждевременно объявленный Дэниелом Беллом в начале 1960-х, наступил окончательно и бесповоротно. Или, скорее, одна идеология окончательно вытеснила все остальные. Перри Андерсон, один из ключевых интеллектуалов западных левых последнего поколения, писал: «Впервые со времен Реформации нет больше никаких существенных противоречий — систематических соперничающих мировоззрений — в мыслительном мире Запада; и вряд ли они есть в мире в целом, если считать религиозные доктрины в значительной степени не имеющими силы архаизмами».⁹

К тому времени, когда это суждение было озвучено в начале 2000 года, оно уже стало достоянием истории. Ибо что-то неприятное произошло в конце ноября 1999 года в Сиэтле. Всемирная торговая организация собралась в этом городе, чтобы начать новый раунд переговоров о торговле. На повестке дня стояла либерализация торговли в сфере обслуживания: инвестиционные банки и мультинациональные корпорации, которые уже неплохо заработали на приватизации, жадно устремили свои взоры на множество государственных и муниципальных служб, которым до сих пор удавалось выживать. Что могло стать более подходящим местом для очередной победы «Вашингтонского консенсуса», чем Сиэтл, столица «новой экономики», воспевавшейся тогда множеством профессиональных экономистов и консультантов по инвестициям? Но появились какие-то незваные гости — 40000 демонстрантов, среди которых были самые разные люди: от представителей основных американских профсоюзов (например, водители грузовиков, докеры, машинисты) до многочисленных неправительственных организаций и объединений активистов, озабоченных проблемами, к примеру, окружающей среды, взаимовыгодной торговли и долга «третьего мира». Число и воинственный настрой протестующих, а также использованные ими передовые методы организации застали власти врасплох. Возникшая сумятица помешала западным правительствам (не имевшим единого мнения, в частности, по ряду спорных вопросов между США и Европейским союзом) объединить свои усилия и побудила представителей стран «третьего мира» не поддаваться на за-

ВВЕДЕНИЕ

пугивание со стороны больших держав. И так, переговоры потерпели провал. Асфальтовый каток неолиберализма, по крайней мере на какое-то время, приостановил свое движение.

При этом Сиэтл не был дымом без огня. Застигнутые врасплох неолиберальные комментаторы и некоторые старые левые назвали демонстрантов протекционистским сбродом.¹⁰ Но успех протеста помог придать миллионам людей во всем мире готовность также бросить вызов неолиберализму. Симптомом глобализации, которому тем не менее следует дать объяснение, стал быстрый рост числа встреч на высшем уровне, обозначенных множеством акронимов — G8 («большая восьмерка»), МВФ (Международный валютный фонд), ЕС (Европейский союз), АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество), АЗСТ (Американская зона свободной торговли)... Выступления протеста, направленные главным образом против этих встреч, распространились с невероятной скоростью — Вашингтон (16 апреля 2000 года), Мийо (30 июня 2000 года), Мельбурн (11 сентября 2000 года), Прага (26 сентября 2000 года), Сеул (10 октября 2000 года), Ницца (6-7 декабря 2000 года), вновь Вашингтон (20 января 2001 года), Квебек-Сити (20-21 апреля 2001 года), Гетеборг (14-16 июня 2001 года)... В ходе всех этих выступлений кривая противостояния между демонстрантами и полицией росла, достигнув высшей (на настоящий момент) точки в гигантских выступлениях протеста во время саммита «большой восьмерки» в Генуе 20-21 июля 2001 года, когда полиция использовала деструктивную тактику меньшинства демонстрантов (из анархистского «Черного блока»), чтобы развязать вакханалию насилия, приведшую к убийству местного юноши Карло Джулиани.

После Генуи *Financial Times* опубликовала ряд статей по теме «Капитализм в осаде», пытаясь проследить возникновение явления, названного «контрkapитализмом». В нем участвовали десятки тысяч активистов, связанных с глобальным политическим движением, которое охватывает десятки миллионов людей.

Немногим более десятилетия спустя, после падения Берлинской стены и обещанного Фрэнсисом Фукуямой «Конца

Истории», ... усиливается ощущение того, что глобальный капитализм опять вынужден отстаивать свои идеи... Новая волна политической активности масс сосредоточилась вокруг простой идеи о том, что капитализм зашел слишком далеко. Причем проявляется она и как общий настрой, и как движение, нечто контркультурное. Она движима подозрением, что компании, вынуждаемые фондовой биржей постоянно бороться за увеличение прибыли, разоряют окружающую среду, уничтожая жизнь и не выполняя обещания обогатить бедняков. К тому же она питается опасением, что демократия не в силах их остановить, поскольку считается, что политики куплены компаниями, а международные политические институты рабски следуют корпоративной программе."

ОЖИВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КРИТИКИ

Если неолиберальная гегемония началась с падением Берлинской стены 9 ноября 1989 года, то продлилась она всего десять лет до первой крупной демонстрации в Сиэтле 30 ноября 1999 года. «Вашингтонский консенсус» по-прежнему служит основой для разработки политического курса практически во всех странах, но теперь он все чаще встречает отпор. Сиэтл не ознаменовал собой начало такого сопротивления, хотя и оказал его на качественно новом уровне. Эта книга не является историей движения против глобального капитализма, но тем не менее полезно упомянуть ряд факторов, способствовавших его возникновению.

- Решающим событием оказалось заключение НАФТА. Хотя сопротивление принятию этого соглашения потерпело провал, оно способствовало началу дебатов о глобализации. Поэтому, как выразился Марк Руперт, «господствующий либеральный нарратив глобализации оспаривается в Соединенных Штатах по крайней мере с двух различных позиций. Первую можно назвать позицией космополитических и демократических левых. Другую я бы назвал националистической крайне правой». Первая позиция — та, которую Руперт называет «установкой на активное транснациональное политическое участие», — была связана с организациями активистов, составивших левую оппозицию НАФТА и продолжавших

ВВЕДЕНИЕ

организовывать все более широкое сопротивление программе свободной торговли, что, поспособствовав впоследствии провалу в 1998 году переговоров относительно Многостороннего соглашения об инвестициях, которое было разработано для того, чтобы сделать мир безопасным для транснациональных корпораций, привело к выступлениям протеста в Сиэтле.¹²

- **НАФТА** было важно еще в одном отношении. В день вступления соглашения в силу — 1 января 1994 года — в штате Чьяпас на юго-востоке Мексики произошло вооруженное восстание. Субкоманданте Маркое, лидер Сапатистской армии национального освобождения (САНО), начавший восстание, осудил НАФТА, согласно которому упразднялось конституционное право крестьян на доступ к общественным землям, назвав его «смертным приговором коренным народам Мексики».¹³ Таким образом, связь, установленная между тяжелым положением коренных общин Мексики и неолиберализмом (названным Маркосом «Четвертой мировой войной», в которой глобализация действовала как «тоталитарное распространение логики финансовых рынков на все стороны жизни»), стала постоянной темой сапатистской пропаганды.¹⁴ Высокоэффективное использование лидерами САНО средств массовой информации и Интернета превратило их дело в одну из объединяющих идей зарождающегося глобального движения. В действительности, кампания в Чьяпасе была лишь одним из многих проявлений борьбы на Юге, благодаря которой постепенно оформилось сознание всемирного сопротивления неолиберализму. Нигерийский активист Кен Саро-Вива, казненный нигерийским военным режимом в ноябре 1995 года за проводившуюся им кампанию по защите народа огони от разорения в результате деятельности «Шелл», стал еще одним символом сопротивления коренных народов тирании глобального капитализма.
- Распространению нового движения также способствовало формирование того, что стало называться «мировым правительством», которое было не простым расширением формальных институтов межправительственного сотрудничества, наподобие Организации Объединенных Наций, «большой восьмерки» и ЕС, а включало в себя также транснациональную публичную сферу, возникновение которой началось в результате стремительной экспансии

ВВЕДЕНИЕ

неправительственных организаций. Джон Ллойд говорит, что поддержка, полученная неправительственными организациями после участия в официальных конференциях, например саммита 1992 года в Рио-де-Жанейро, посвященного глобальному потеплению, помогала вызывать негативную реакцию, когда правительства не выказывали ни малейшего желания достичь амбициозных целей, поставленных на такого рода встречах.¹⁵ Распространение неправительственных организаций способствовало возникновению новых объединений активистов, которые первоначально занимались исправлением каких-либо конкретных проявлений несправедливости, — например, международных гуманитарных активистских движений (так называемый *'sans frontiers'*) во Франции и движения «Нет потогонкам!», выступавшего против эксплуатации рабочих «третьего мира», в североамериканских университетских городках.

- Позорный факт существования долга «третьего мира» стал еще одной точкой сближения. Проведение движениями кампаний, наподобие Юбилея 2000, привело к намного более широкому развертыванию сети политической активности благодаря успешному привлечению на свою сторону церковью и других организаций, обычно не отличавшихся воинственностью. Оглядываясь в прошлое, можно сказать, что крупные выступления за списание долга во время саммитов «большой восьмерки» в Бирмингеме в 1998 году и в Кельне в 1999 году были первыми ласточками более впечатляющих протестов в Сиэтле и Генуе.¹⁶
- Еще одним важным событием стал восточноазиатский финансовый и экономический кризис 1997-1998 годов. Хотя сторонники «Вашингтонского консенсуса» ухватились за него как за доказательство превосходства англо-американской модели над азиатским капитализмом «для своих», для многих других он послужил доказательством опасности дерегулированной мировой экономики, где огромные потоки спекулятивного капитала могли неожиданно создавать или разрушать целые страны. Сам кризис в сочетании с «помощью» МВФ, который предложил в качестве лекарственного средства еще более неолиберальные меры, имел серьезные идеологические последствия, поскольку отдельные представители истеблишмента — импресарио хеджевых фондов Джордж Сорос и экономисты Джозеф Стиглиц, Пол Кругман

ВВЕДЕНИЕ

и Джеффри Сакс — выступили в роли яростных критиков #Вашингтонского консенсуса». Внезапное смещение Стиглица с поста главы Всемирного банка накануне выступлений протеста в Сиэтле способствовало созданию такой обстановки, при которой законность международных финансовых институтов все более ставилась под сомнение.¹⁷

- Наконец, масштабное сопротивление неолиберализму было оказано в одной из стран самой «большой семерки» — во Франции. Массовые забастовки в государственном секторе в ноябре-декабре 1995 года вызвали крах программы «реформ» свободного рынка, предложенной консервативной коалицией, и способствовали широкому сдвигу влево, который привел к власти в июне 1997 года правительство «многочисленных левых» под руководством Лионеля Жоспена. Жоспен продолжил (под дымовой завесой из социалистической риторики) приватизацию в еще большем масштабе, чем его правые предшественники. В противовес его правительству новые левые объединились вокруг ежемесячного журнала *he Monde diplomatique* и движения против международных финансовых спекуляций АТТАК.¹⁸ Первым проявлением этого процесса радикализации стал первый тур президентских выборов во Франции в апреле 2002 года: хотя Жоспен неожиданно выпал из гонки, кандидаты от крайне левых получили 10% голосов. Глобальную ориентацию этих новых левых можно проиллюстрировать различными способами — появлением крестьянского лидера Жозе Бове как символа сопротивления генетически измененным организмам и другим угрозам здоровым методам ведения сельского хозяйства, той ролью, которую сыграли *he Monde diplomatique* и АТТАК Всемирных социальных форумах, прошедших в Порту-Алегри (Бразилия), и распространением АТТАК по всему миру (к началу 2002 года организация имела отделения в сорока странах).

Этот процесс противоборства связан не только с кампаниями активистов и уличными выступлениями протеста. Одна из причин того, почему мы можем говорить о глобальном *движении* заключается в том, что оно нашло идеологическую формулировку в корпусе критических работ, созданных множеством интеллектуалов. Среди них выделяются две главные фигуры. С забастовок 1995 года и до своей смерти в январе 2002 года Пьер Бурдые бросил свой огромный

ВВЕДЕНИЕ

авторитет ведущего французского интеллектуала на борьбу против неолиберализма; вместе с «Поводами к действию», группой ученых-активистов, он выпустил ряд небольших недорогих книг, включая два тома собственных полемических статей — «Ответный огонь» и «Ответный огонь 2». Ноам Хомский — единственный, но последовательный критик американской внешней политики последнего поколения — получил всемирную аудиторию, которая с готовностью откликнулась на его призыв осадить притязания американской империи, выявленной им в контексте глобального капитализма. Рядом с этими двумя главными фигурами старшего поколения стояли многие другие, уже известные авторы и активисты, которые теперь завоевали значительную аудиторию — например, Майкл Альберт, Уолден Белло, Сьюзен Джордж и Тони Негри, — и более молодые интеллектуалы, которые неожиданно получили широкую известность, в особенности Наоми Кляйн и Майкл Хардт. Все они — авторы важных книг, но еще более широко читаемыми они стали благодаря хаотичной циркуляции их текстов в Интернете.

Появление этого корпуса сочинений обозначило масштабный сдвиг в интеллектуальной констелляции. В монументальном исследовании, которое само по себе служит вкладом в жанр, им же анализируемый. Люк Болтански и Эв Кьяпелло документально обосновали наличие того, что было названо ими «оживлением социальной критики» во Франции в 1990-х в ответ на опыт неолиберализма.¹⁹ Но социальная критика была именно тем видом дискурса, на который постмодернизм стремился наложить запрет. Жан Бодрийяр, например, пишет: «Все наши проблемы сегодня как цивилизованных существ проистекают отсюда: не от избытка отчуждения, а от исчезновения отчуждения ради максимальной прозрачности между субъектами».²⁰ Понятие отчуждения, которое служит одной из основных тем марксистской критики капитализма, предполагает противопоставление подлинного субъекта и существующих общественных отношений, препятствующих его самореализации. Такое противопоставление, например, присуще критике «общества спектакля», развернутой в 1960-х ситуационистами. Согласно Ги Дебору, современные капиталистические общества характеризуются

ВВЕДЕНИЕ

господством спектакля: «Все, что раньше переживалось непосредственно, теперь отстраняется в представление», положение дел, означающее «конкретную инверсию жизни».²¹

Но, как замечают Болтански и Кьяпелло, в то же самое время концепция подлинности стала предметом чудовищных интеллектуальных нападков со стороны таких мыслителей, как Жиль Делез и Жак Деррида, работы которых оказали определяющее влияние на постмодернизм. Болтански и Кьяпелло говорят, что разрушение ими противоположности между подлинностью и неподлинностью способствовало победе неоллиберализма в 1980-х — начале 1990-х: «Намного более действенным, с точки зрения бесконечного накопления, было замалчивание проблемы, что люди убеждают сами себя в том, что все вокруг теперь есть не что иное, как симулякр, что "истинная" подлинность отныне изгнана из мира или что стремление к "подлинному" — это всего лишь иллюзия».²² Бодрийяр — глашатай этой деконструкции подлинности, утверждающий, что критическая мысль и политическая борьба устарели в обществе уже не спектакля, а симуляции, где образы отныне больше не представляют, а составляют реальность.²³

Поэтому возрождение антикапиталистических дискурсов и движений знаменует собой крах гегемонии, которую постмодернизм установил над передовой мыслью последних двух десятилетий. Один из признаков этого интеллектуального сдвига — угасание едва ли не навязчивой озабоченности культурными проблемами, которая овладела радикальными университетскими кругами в 1990-х, и возрождение интереса к материальному. Иногда это лучше всего заметно у мыслителей, имена которых прежде ассоциировались с постмодернизмом. Ричард Рорти, сочинения которого сыграли решающую роль в рецепции постмодернизма американской интеллектуальной культурой, например, недавно занялся критикой тех, кого он называет американскими «культурными левыми», за их невнимание к растущим в американском обществе противоречиям, вызванным глобализацией.²⁴ То обстоятельство, что Рорти сам способствовал изобретению этих культурных левых и что его рецепт — возвращение к социал-демократии — кажется явно неуместным, ни в коей мере не отменяет правильность его диагноза.

ВВЕДЕНИЕ

Можно привести и другие примеры такого рода превращения, — одним из наиболее выдающихся служит энтузиазм, с которым лаканианский теоретик культуры Славой Жижек в последние годы обратился к Марксу и даже к Ленину.²³ Но наилучшим примером замены культурной критики более традиционной критикой капитализма служит самый известный текст нового движения. *No Logo* Наоми Кляйн. Эта книга искусно и остроумно захватывает излюбленную интеллектуальную область тысяч кафедр культурных исследований, выросших на Бодрийяре, — невнятное описание современных тенденций массовой культуры — лишь для того, чтобы вывести своих читателей на новое поле боя, используя тонкости корпоративного брэндинга для разоблачения преобладающих моделей капиталистического господства и демонстрации зарождающихся форм сопротивления. В главе, где Кляйн показывает, что озабоченность ее поколения студенческих активистов политикой идентичности и политической корректностью в конце 1980-х — начале 1990-х в действительности отвечала корпоративным стратегиям, направленным на извлечение выгоды из мультикультурализма, мы можем услышать грохот крушения целой интеллектуальной парадигмы:

И что больше всего поражает в ретроспективе, так это то, что в те самые годы, когда политкорректность как политическая субстанция достигла в собственном представлении своего апогея, весь остальной мир занимался совсем иным: он смотрел вовне и расширялся. В тот момент, когда поле зрения большинства левых сузилось настолько, что стало вмещать только их непосредственное окружение, горизонты глобального бизнеса расширялись и уже начинали вмещать в себя весь мир.... Когда мы смотрим назад, это выглядит как сознательная слепота. Замена радикальных экономических оснований женского движения и движения за гражданские права сплавом различных интересов, который стали называть политической корректностью, с успехом воспитала поколения активистов в политической борьбе образа, а не действия. И если оккупанты-рекламисты вторглись в наши школы и жилые кварталы, не встречая сопротивления, то это произошло, хотя бы отчасти, из-за того, что политические модели,

ВВЕДЕНИЕ

бывшие в ходу во время вторжения, плохо вооружили нас для достойной встречи с вопросами, имевшими больше отношения к правам собственности, чем к представительству меньшинств. Мы были слишком погружены в анализ проецируемых на стену картинок, чтобы заметить, что саму стену уже продали.²⁶

НАЗВАНИЕ ДВИЖЕНИЯ

Итак, великий спор о капитализме возобновился два века спустя после того, как он начался после завершения Великой французской революции. Теперь постмодернизм стал историей. Его позиции слишком прочны, особенно в североамериканских университетах, чтобы просто исчезнуть, а потому он еще просуществует какое-то время и, возможно, даже воспрянет духом в дисциплинах, слишком ограниченных, чтобы заметить первые проявления его критики (особенно забавной в последние годы была мода на постмодернизм в англоязычной политической науке и среди специалистов в области международных отношений). Тем не менее спор о капитализме получил продолжение, не столько вследствие некоторого решающего теоретического опровержения постмодернизма (самая разрушительная философская критика была дана во время его расцвета и, видимо, ничуть не ослабила его влияние), сколько из-за изменения интеллектуальной повестки дня вследствие всемирного сопротивления капиталистической глобализации.

Однако есть одна проблема, вызывающая определенное замешательство. Как нам следует называть это новое движение? Ярлык, обычно на него навешиваемый, — движение антиглобализма — представляет собой совершенно абсурдное название для движения, которое подчеркивает как раз свой международный характер и которое весьма эффективно может мобилизовать людей всех пяти континентов, преодолевая национальные границы. Ведущие фигуры движения благоразумно дистанцировались от такого названия. Наоми Кляйн пишет: «Нет никакой пользы от использования языка антиглобализма».²⁷ На первом Всемирном социальном

ВВЕДЕНИЕ

форуме в Порту-Алегри в январе 2001 года Сьюзен Джордж сказала: «Мы — "проглобалисты", потому что мы выступаем за общие дружбу, культуру, кухню, солидарность, богатство и ресурсы».²⁸ Лидер Генуэзского социального форума Витторио Аньоетто выразил свое недовольство ярлыком 'p-global', под которым движение известно в Италии.²⁹

Многие североамериканские активисты склоняются к различению, впервые, по-видимому, проведенному Ричардом Фальком, между двумя видами глобализации — «глобализацией сверху, отражающей сотрудничество ведущих государств и основных агентов накопления капитала», и «глобализацией снизу, ... множества транснациональных социальных сил, движимых заботой об окружающей среде, правах человека, враждебностью к патриархату и представлением о человеческом сообществе, основанном на единстве разнообразных культур, стремящемся положить конец бедности, притеснению, унижению и коллективному насилию».³⁰ Другие пытаются назвать тот вид глобализации, против которого они выступают, «корпоративной», «неолиберальной» или (совсем непонятно для носителей английского языка) «либеральной» глобализацией. Такое многообразие употреблений отражает не просто терминологические различия. Общим местом стало говорить, что проще понять, против чего выступает движение Сиэтла и Генуи, чем то, за что оно выступает. Но это не вполне верно: бесспорно, в движении остается открытым вопрос как о том, в чем состоит альтернатива неолиберализму, так и о том, как оно намерено ее достичь. Но такая неопределенность связана с отсутствием ясности в вопросе о том, кто является противником. В конце концов, является ли противником неолиберализм, то есть политика, воплотившаяся в «Вашингтонском консенсусе» и англо-американской модели капитализма, которую эта политика пытается распространить на весь мир, или же сам капиталистический способ производства? Ответ на этот вопрос поможет определить предпочтительную альтернативу и стратегию, необходимую для ее осуществления.

На мой взгляд, лучше всего называть движение антикапиталистическим. Не потому, что большинство активистов считает, что можно или, возможно, даже желательно найти

ВВЕДЕНИЕ

замену капитализму в целом. Крах коммунизма до сих пор дает о себе знать в сравнительной слабости традиционных левых и нехватке доверия к социализму как системной альтернативе капитализму. Тем не менее Джованни Арриги, Теренс Хопкинс и Иммануэль Валлерстайн вполне могли бы назвать его *антисистемным* движением.³¹ То есть оно не просто выступает за исправление какой-то конкретной несправедливости или решение проблемы (скажем, свободной торговли, окружающей среды или долга «третьего мира»), а движимо пониманием взаимосвязи между широким разнообразием различных проявлений несправедливости и опасностей. Аньоетто описал траекторию своего политического развития как представителя движения, переходившего от частного к общему, причем такой траектории следуют и многие другие активисты. Связанный с крайне левой «Пролетарской демократией» в 1970-х, он разошелся с ней и стал, будучи врачом, активным участником движения борьбы со СПИДом в Италии в 1980-1990-х годах. Когда в середине 1990-х годов антиретровирусные лекарства стали широко доступными на Севере, внимание Аньоетто переключилось на тяжелое положение страдающих от ВИЧ и СПИДа в «третьем мире». Здесь он столкнулся с препятствием в виде притязаний на патентные права со стороны компаний-производителей лекарств, поддерживаемых ВТО. Поэтому он установил связи с другими неправительственными организациями для проведения кампании против ВТО, а затем, после Генуи, стал одним из лидеров социальных форумов, распространившихся по всей Италии и ставших одним из основных центров глобального движения.³²

Такая глубина понимания системы лучше всего характеризует движение. Уже в Сиэтле Джеральд Макинти, лидер профсоюза американской федерации государственных, окружных и муниципальных служащих, возродил старый лозунг 1960-х: «Нам нужно назвать эту систему... и имя ей — корпоративный капитализм».³³ Тот факт, что профсоюзный лидер, горячо выступавший в поддержку администрации Клинтона, вынужден был прибегнуть к столь радикальной риторике, служит признаком меняющегося идеологического климата. Антисистемное содержание движения очевидно

ВВЕДЕНИЕ

из его самого важного до настоящего времени программно-го документа, «Призыва общественных движений», опубликованного на втором Всемирном социальном форуме в феврале 2002 года: «Мы создаем широкое объединение на основе нашей борьбы и сопротивления системе, основанной на сексизме, расизме и насилии, которая защищает привилегии капитала и патриархата в противоположность нуждам и стремлениям людей».³⁴

ЕЩЕ ОДНО НЕЗАПЛАНИРОВАННОЕ СОБЫТИЕ

Однако кому-то эта попытка правильного описания антикапиталистического движения покажется неуместной, поскольку они считают, что само движение было повергнуто в замешательство ходом событий. Первая часть цикла статей, посвященных «контркапитализму», была опубликована в *Firvancial Tirnesp* 11 сентября 2001 года. Газета, которая ранее пристально (и довольно нервно) следила за развитием движения, отметила несколько недель спустя после 11 сентября: «Одним из менее заметных последствий террористических нападений на США стало замешательство в массовом движении против глобализации».³⁵ Другие враждебные комментаторы пошли еще дальше, попытавшись опорочить движение связью с терроризмом. Согласно Джону Ллойд, журналисту, близкому к новым лейбористам, антиамериканизм, переходящий в терроризм или по крайней мере его поддерживающий, бросает тень на антиамериканизм некоторых глобальных движений. Он играет на тех же струнах; и учитывая, что ставки теперь очень высоки, те, кто придерживаются этих взглядов, должны принимать во внимание всю серьезность того, что они делают... Единственная политическая группировка, использующая теперь тактику, разработанную глобальными движениями, — спорадическое применение насилия и оппозиционная деятельность неконтролируемых и непредсказуемых сетей — это Аль-Каида бен Ладена.³⁶

Это довольно гнусные измышления. Здесь тайная организация, которая считает приемлемой тактикой массовые

ВВЕДЕНИЕ

«бийства пассажиров и экипажей самолетов, офисных работников и пожарников, приравнивается к движению, которое постоянно заявляет о своей приверженности к открытой и демократической самоорганизации и мирному протесту. Насилие, которое упрямо практиковалось крайними анархистами из «Черного блока» во время различных антикапиталистических выступлений, мелко: разгром Макдональдса или поджог нескольких торговых автоматов вряд ли сопоставимы со столкновением авиалайнеров со Всемирным торговым центром. Оружие, из которого стреляли во время акций протеста, находилось в руках полицейских, целившихся в демонстрантов. И называть движение, чье наиболее известное выступление протеста произошло в США, антиамериканским просто глупо.

Тем не менее 11 сентября оказалось ударом по антикапиталистическому движению, особенно в Северной Америке. Акции протеста, запланированные против ежегодных общих собраний МВФ и Всемирного банка в конце сентября 2001 года, были отменены. Совещание ВТО на уровне министров, прошедшее в ноябре того же года в Дохе, столице цитадели «демократического правления» в странах Персидского залива — эмирата Катар, благополучно открыло раунд переговоров о торговле, замороженных в Сиэтле. Объявление администрацией Буша «войны против терроризма» и связанное с ней сокращение гражданских свобод, особенно в США и Великобритании, создали куда менее благоприятную обстановку для любых форм выражения протеста (вызывает опасение, что ФБР и другие американские силовые ведомства заново открыли для себя маккартистское понятие «неамериканской деятельности»). Некоторые сторонники антикапиталистического движения нашли причины для поддержки войны в Афганистане, например, питая оказавшуюся иллюзорной надежду на то, что свержение Талибана избавит афганцев — и в частности афганских женщин — от правления нетерпимых исламистских полевых командиров.³⁷ И — быть может, самое серьезное в долгосрочной перспективе — массовое убийство 11 сентября как раз тех офисных служащих и работников физического труда, от поддержки которых зависел длительный успех антикапиталистического движения,

ВВЕДЕНИЕ

грозило уничтожить так называемый «союз дальнбойщика с черепахой»³⁸, который был столь важной особенностью Сиэтла и некоторых более поздних выступлений протеста (особенно в Квебек-Сити, Генуе и Барселоне).

Однако следствием этого отступления стало не уничтожение движения, а скорее смещение его центра тяжести из Северной Америки в Европу и Латинскую Америку. Демонстрации в Генуе в июле 2001 года обозначили первый этап процесса радикализации, охватившего итальянское общество, возрождения левых после двадцати лет депрессии. Генуэзский социальный форум, занимавшийся организацией выступлений протеста, послужил организационной моделью общенационального движения, в котором различные течения учились совместно вести конструктивную работу. Это движение ответило на войну в Афганистане рядом массовых выступлений протеста. В Великобритании, отправившей многих своих представителей для участия в выступлениях протеста в Генуе, неприятие «войны с терроризмом» и господства израильского террора на оккупированных территориях впервые привело к возникновению движения, сопоставимого с движением в континентальной Европе и Северной Америке: на крупных антивоенных митингах и демонстрациях преобладали молодые активисты — народ Сиэтла и Генуи, если можно так выразиться.

Но гигантское выступление протеста «Против Европы капитала и войны» во время саммита ЕС в Барселоне 16 марта 2002 года затмило даже эти итальянские и британские движения. Организаторы и власти одинаково были поражены тем, как *полмиллиона* преимущественно местных жителей вышли для участия в том, что *Financial Times* назвала «мирной демонстрацией против глобального капитализма, ... показав, что их движение не умерло с нападениями 11 сентября на Соединенные Штаты и что их выступления протеста не обязательно должны сопровождаться насилием».³⁹ Между тем второй Всемирный социальный форум, прошедший в Порту-Алегри в начале февраля 2002 года, по численности участников втрое или вчетверо превысил своего предшественника. От 65000 до 80000 активистов, подавляющее большинство которых составляли сами бразильцы, собрались для

участия в своеобразном всемирном парламенте антикапиталистического движения. Всемирный социальный форум стал продолжением событий, происходивших на юге, — массового восстания против неолиберализма, которое разразилось в Аргентине в декабре 2001 года. Больше нельзя было уничтожительно объявлять движение делом богатого Севера.

В каком-то смысле 11 сентября и «война с терроризмом» — события неожиданные и пугающие — привели к расширению антикапиталистического движения. Они вынудили активистов выступить против того, что Клод Серфати называет «вооруженной глобализацией», процесса, в ходе которого капиталистическая глобализация обостряет существующие геополитические и социальные противоречия и, следовательно, требует применения военной силы, прежде всего США и их союзниками.⁴⁰ «Призыв общественных движений», принятый в Порту-Алегри II, осудил «начало непрерывной всемирной войны для укрепления господства правительства США и их союзников.... Противостояние войне — в самом сердце нашего движения». Другим признаком расширения горизонтов было участие сотен антикапиталистически настроенных активистов в усилиях Международного движения солидарности, направленных на создание живых щитов из людей, чтобы заблокировать переход на Западный берег во время жестокого наступления Израильских сил обороны на палестинские власти весной 2002 года. Джордж Монбиот комментировал:

Приход движения на Западный берег — это органическое продолжение его деятельности в других местах. Годами оно боролось с деструктивной внешней политикой самых влиятельных в мире правительств и соответствующей неспособностью многосторонних органов их обуздать... В Палестине, как и везде, оно стремится поставить себя между властью и теми, на кого она воздействует.⁴¹

Но если антикапиталистическое движение выжило после 11 сентября и в результате «войны с терроризмом» расширило сферу своего внимания, по-прежнему остаются очень важные вопросы, которые ему необходимо решить. Они, как я уже отметил, касаются природы врага, стратегии, необходимой для победы над ним, и альтернативного общества, которое будет создано после победы. Во многих отношениях

ВВЕДЕНИЕ

отсутствие однозначного ответа на эти вопросы было источником силы движения, но из этого не следует, что так будет и впредь. Цель этой книги заключается в том, чтобы предложить ряд ответов на эти вопросы. Хотя в ней и содержится программа (в третьей главе), она представляет собой не столько политический манифест, сколько подробное изложение того, за что должно выступать антикапиталистическое движение. В какой-то степени она написана под влиянием «Манифеста Коммунистической партии» Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Безусловно, глупой затеей была бы попытка поправить или подновить такое классическое произведение. Но «Манифест» — это самое известное у Маркса изложение критики капиталистического способа производства, критики, которую антикапиталистическое движение продолжает в теории и на практике, даже если большинство его активистов отвергло бы ярлык «марксистского» движения. Поэтому Маркс служил мне основным ориентиром, и время от времени я обращался к форме «Манифеста». ⁴² Разумеется, эта короткая книга ни в коей мере не может претендовать на окончательный ответ. Антикапиталистическое движение включает в себя самые различные политические взгляды, а приверженность к единству в многообразии — один из его наиболее горячо провозглашаемых (и широко практикуемых) организационных принципов. Это один из антикапиталистических манифестов: может и должно появиться много других. Моя аргументация — это одна из точек зрения на то, что собой представляет движение, — и она испытала большее влияние революционной марксистской традиции, чем, возможно, многие сочли бы приемлемым. Тем не менее я предлагаю им свой вклад в дебаты в рамках самого движения и надеюсь убедить большее число людей в том, что иной мир действительно возможен.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

В ЧЕМ ЖЕ ПРОБЛЕМА?

• Капитализм — это, несомненно, лучшая система для производства богатства, а свободная торговля и открытые рынки капитала привели к беспрецедентному экономическому росту если не во всем мире, то в большей его части». ¹ Это утверждение Норины Херц, достаточно давно связавшей себя с антикапиталистическим движением, довольно парадоксальным образом обобщило неолиберальные доводы. Для начала сосредоточим внимание на последней части высказывания. Здесь декларируется то, что всегда утверждали апологеты Всемирного банка и МВФ: либерализация торговли и инвестиций последних двух десятилетий привела к быстрому экономическому росту; защитники «Вашингтонского консенсуса» продолжают доказывать, что благодаря этому росту глобальная бедность и неравенство могут уменьшиться. Так, незадолго до того, как на встрече Всемирной торговой организации в Дохе в ноябре 2001 года был начат новый раунд переговоров о торговле. Всемирный банк опубликовал доклад, по оценкам которого снятие всех торговых ограничений могло бы увеличить глобальный доход на 2800 миллиардов долларов и вывести из состояния бедности 320 миллионов человек. ² В более грубом виде ту же идею выразила Клэр Шорт, министр по международному развитию правительства Великобритании, когда она, нападая на участников протеста в Сиэтле, сказала, что ВТО — это «ценнейший международный институт» и что «те, кто огульно критикуют ВТО, действуют вопреки интересам бедных и бесправных, а не во имя их». ³

Можно по-разному критиковать такого рода заявления. Можно, например, усомниться в постановке знака равенства между общественным развитием и экономическим ростом. ⁴ Можно также указать на очевидный и беспрестанный рост

глобального неравенства, который происходил во время расцвета «Вашингтонского консенсуса». Согласно исследованию Бранко Михайловича, посвященному Всемирному банку, в 1998 году доход 1% богатейшего населения планеты был равен доходу 57% беднейшего населения, тогда как мировой коэффициент Джини, который оценивает степень неравенства, вырос до 66.⁵ Однако важно понять, что неолиберальная идея также может быть опровергнута в ее основных посылах. Центр экономических и политических исследований (ЦЭПИ) провел доскональное сравнение эпохи глобализации (1980-2000) и предшествующих двух десятилетий (1960-1980), когда кейнсианская политика управления спросом сначала достигла своего апогея в США при администрациях Кеннеди и Джонсона, а затем потерпела крах в результате экономического кризиса середины 1970-х. Для сравнения показателей этих двух периодов ЦЭПИ использовал несколько индикаторов — рост дохода на душу населения, продолжительность жизни, смертность среди младенцев, детей и взрослых, грамотность и образование. Результаты этого сравнения подытожены следующим образом:

по экономическому росту и почти всем остальным показателям за последние 20 лет стало очевидным явное снижение темпов развития по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями. По каждому показателю страны были разделены на пять примерно равных групп, в соответствии с тем уровнем, которого эти страны достигли к началу периода (1960 или 1980). В результате:

- *Рост: падение темпов роста экономики выражено наиболее ярко и произошло во всех группах или странах. В беднейшей группе рост ВВП на душу населения, составлявший 1,9% ежегодно в период с 1960 по 1980 годы, снизился до 0,5% в год (1980-2000). В средней группе, включающей преимущественно бедные страны, произошло очень резкое снижение годовых темпов роста на душу населения с 3,6% до менее 1%. За двадцатилетний период это означает разницу между удвоением национального дохода на душу населения и его увеличением всего лишь на 21%. Другие группы также показали значительное снижение темпов роста.*
- *Средняя продолжительность жизни: рост средней продолжительности жизни также сократился в четырех из пяти*

групп стран, за исключением группы наиболее высоко развитых стран (средняя продолжительность жизни составляет 69-76 лет). Самое резкое снижение произошло во второй группе — ее показатели средней продолжительности жизни сравнялись с показателями худшей группы (средняя продолжительность жизни колеблется между 44 и 53 годами). Снижение роста средней продолжительности жизни и других показателей состояния здоровья населения нельзя объяснить пандемией СПИДа.

- *Младенческая и детская смертность: дальнейшее сокращение младенческой смертности также существенно замедлилось в течение периода глобализации (1980-1998) по сравнению с двумя предыдущими десятилетиями. Наиболее значительное ухудшение произошло в средней группе, показатели которой сравнялись с показателями худшей группы. Постепенный рост детской смертности (до 5 лет) также продолжился в средней группе, достигнув показателей худшей группы стран.*
- *Образование и грамотность: рост в области образования также замедлился в течение периода глобализации. Темпы роста числа получающих начальное, среднее и последующее образование в большинстве групп стран замедлились. Имеются некоторые исключения, но связаны они главным образом с группами стран с лучшими показателями. Почти по всем показателям в области образования, включая уровень грамотности, в средних и более бедных группах наблюдаются довольно незначительные успехи в период глобализации по сравнению с двумя предшествующими десятилетиями. Темп роста государственных расходов на образование в долях от ВВП также замедлился во всех группах стран.*⁶

Годовые темпы роста по регионам

Регион	1961-1980	1985-1998
ОЭСР	3.8	2.3
Латинская Америка	5,1	3.2
Африка южнее Сахары	4.2	2.1
Восточная и Юго-Восточная Азия	6,8	7,5
Южная Азия	3.6	5.6

Источник: J. Weeks, 'Globalize, Globa-lize, Global Lies: Myths of the World Economy in the 1990s'. in R. Albritton et al., eds. *Phases of Capitalist Development* (Houndmills. 2001)

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Эти сравнения не особенно подтверждают идею «просачивания», то есть мысль о том, что более быстрый экономический рост неизбежно должен улучшить положение бедных. Степень, в которой произошло такое улучшение в течение периода, названного в докладе ЦЭПИ «эпохой глобализации», оказалась более низкой по сравнению с показателями 1960-1970-х годов. Но, что еще более поразительно, темпы роста производства на душу населения в действительности упали именно тогда, когда ортодоксия свободного рынка предсказывала обратное, поскольку либерализация рынков капиталов и продуктов должна была (согласно теоремам неоклассической экономики) вызывать ускорение роста. Более того, как отмечают авторы, сравнение едва ли можно назвать некорректным по отношению к неолиберальной эпохе, учитывая, что ранний период включал 1970-е годы, которые были отмечены первым послевоенным резким спадом и началом второго. Другие исследования подтверждают ту же картину: рассмотрим, например, приведенную выше таблицу, в которой сравниваются темпы роста до и после триумфа неолиберализма. Джон Уикс комментирует:

группы стран, наиболее последовательно проводившие политику глобализации, в 1990-х годах добились наименьших успехов по сравнению с предыдущими десятилетиями (ОЭСР, страны Латинской Америки и южнее Сахары); в группе стран с лучшими показателями с 1960 года (Восточная и Юго-Восточная Азия) в 1990-х наступил серьезный спад; а группа, темпы роста которой улучшились в 1990-х при одновременном отсутствии спада (Южная Азия), в наименьшей степени проводила политику дерегуляции, либерализации торговли и отказа от контроля счета движения капитала. Гипотеза о том, что такая политика способствует росту, не подтверждается, — то есть это миф глобализации.⁷

За этими исследованиями стоит тот серьезный факт, что мировая экономика все же должна вернуться к темпам роста, которых она достигла во время Золотого века — того, что французы называют *Les Trentes glorieuses*, славным тридцатилетием — послевоенного бума, когда торговля и инвестиции регулировались в значительно большей степени,

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

нежели за последние два десятилетия. Если оценивать неолиберализм по его же критерию экономического роста, то он потерпел провал. Но, с точки зрения «Вашингтонского консенсуса», проблема возникла не из-за чрезмерной приватизации и дерегуляции, а из-за того, что они не были достаточно велики. Отсюда, к примеру, постоянные заявления о том, что экономики континентальной Европы и Японии, находящиеся в стагнации с начала 1990-х годов, должны провести «реформы», направленные на создание свободного рынка, которые позволили бы им приблизиться к англо-американской модели *la. issezja. ire* капитализма и тем самым достичь динамичного роста, который, как предполагается, служит отличительной особенностью этой модели.

Тот же ход мысли привел МВФ к требованию проведения в Аргентине в ответ на экономический кризис, поразивший ее в результате финансового краха в Восточной Азии в 1997-1998 годах, еще более жесткого сокращения бюджетных расходов. Джозеф Стиглиц замечает: «Предполагалось, что бюджетная экономия восстановит доверие. Но многое в программе МВФ было фантазией; любой экономист мог бы сказать, что политика бюджетного ограничения вызовет спад и что бюджетные задачи не будут выполнены... Сложно восстановить доверие, когда экономика погружается в глубокую рецессию, а процент безработицы измеряется двузначным числом».⁸ Даже после того, как эта политика ускорила финансовый крах и начало необычного восстания безработных и среднего класса, приведшего к свержению президента Фернандо де ла Руа в конце декабря 2001 года, МВФ и Министерство финансов США по-прежнему требовали от его преемника Эдуардо Дуальде проведения еще большего сокращения бюджетных расходов. *Financial Times* дала резкий комментарий: «Аргентина больше не может позволить себе свой средний класс. По подсчетам экономистов, чтобы вести конкурентную борьбу в мире на равных, реальная заработная плата в Аргентине должна упасть на 30%».⁹

Все большее число людей считает такой способ правления миром безумием. Они видят в неолиберализме не лекарство, а болезнь. Но насколько глубока проблема? Некоторые — Стиглиц служит показательным примером такого подхода —

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

полагают, что источником бед является не сам капитализм, а конкретный набор ошибочных политических мер, проводимых западными правительствами и международными финансовыми учреждениями. Другие предлагают схожую, хотя и несколько более радикальную критику, говоря, что все дело в господствующей модели капитализма. Если только принять политику, которая позволит вернуться к более регулируемому и гуманному капитализму послевоенной эпохи, то большинство болезней, поразивших человечество, можно будет начать лечить.¹⁰ Основная идея всей этой книги заключается в том, чтобы поставить под сомнение такого рода аргументацию. Проблема — в самом капитализме и логике, которая его определяет, — логике эксплуатации и конкурентного накопления. Неолиберализм, устраняя многие институты и практики, которые делали капитализм (по крайней мере на преуспевающем Севере) приемлемым, наиболее ярко обнажил присущие ему изъяны, но эти изъяны существовали всегда и могут быть удалены, я убежден, посредством его ниспровержения.

В оставшейся части этой главы я начну изложение доводов в пользу этого заключения (хотя, чтобы привести все мои доводы, потребуется целая книга). Для начала необходимо рассмотреть действие капитализма как экономической системы. Такого рода экономический анализ необходим для изложения доводов против капитализма. Во-первых, капитализм — это прежде всего экономическая система, то, что Маркс называл способом производства. Его защитники в значительной степени исходят из утверждения, что капитализм превосходит другие социальные системы в основном своей способностью порождать экономический рост. Во-вторых, экономика важна в том смысле, что возможность достижения индивидами материального благополучия и развитие способностей, которыми у них есть основания гордиться, во многом зависят от их доступа к средствам производства. Но доводы против капитализма не ограничиваются только экономикой. Очевидно, что одной из основных движущих сил антикапиталистического движения является сопротивление процессу товаризации, ускорившемуся с установлением неолиберальной гегемонии.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

• *he Monde N'est Pas Une Marchandise!* — «Мир не товар!» — таков один из основных лозунгов движения. Он отражает неприятие всеобъемлющей приватизации государственной собственности и служб, распространившейся, как рак, по всему миру под руководством объединения институтов «Вашингтонского консенсуса», политиков, которые поддерживают неолиберализм, исходя из своих убеждений или соображений выгоды, и инвестиционных банков, мультинациональных корпораций и местных предприятий, которые рассчитывают извлечь выгоду из сокращения государственного сектора." Но такое неприятие связано не только с убеждением, что приватизация ведет к отрицательным социально-экономическим последствиям, между прочим вполне оправданным, о чем свидетельствует опыт распродажи, например, британских железных дорог. Здесь также присутствует моральное неприятие обесценивания, вызываемого сведением всего к товару, который можно покупать и продавать. Причем в сфере культуры это проявляется наиболее ярко. Когда Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер придумали словосочетание «культурная индустрия», они считали его ироническим и критическим понятием: ничто не казалось им более абсурдным или противоречивым, чем сведение творческих процессов к индустрии, определяемой той же логикой рационализации, как и все остальное.¹² Но в сегодняшней Великобритании, которая, по крайней мере в Европе, стоит в авангарде неолиберальной коалиции, члены кабинета министров говорят о культурной индустрии без всякого ощущения парадоксальности или дискомфорта, а *Financial Times* имеет регулярное приложение под названием «Творческий бизнес». Последствия этого прямого подчинения культурной индустрии приоритетам накопления прибыли можно наблюдать каждый день на телевидении, где похоть, алчность, слава и образ жизни, усиливая друг друга, сливаются в круговороте кошмарной пошлости. И это касается не только «первого мира». Согласно лидеру сапатистов Маркосу, например, неолиберализм ведет «планетарную войну», одна из целей которой заключается в «историческом и культурном разрушении».¹³ Один из стимулов антикапиталистического движения состоит в желании порвать этот порочный круг, создать пространство, свободное от велений рынка.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

ФИНАНСОВЫЕ ПРИЧУДЫ

Но как велико должно быть это пространство? Чтобы ответить на этот вопрос, для начала нам следует рассмотреть, насколько глубоки трудности капитализма. Для многих проблема главным образом заключается в том влиянии, которое финансовые рынки приобрели в последние годы. Так, Уолден Белло, Камаль Малхотра, Никола Баллард и Марко Мещера пишут: «Глобализация финансовой системы означала, что ее динамика все больше играет роль двигателя глобальной капиталистической системы». ¹⁴ Широко распространенное представление, особенно после азиатского и российского крахов 1997-1998 годов, о том, что господство финансовых рынков значительно увеличило глобальную экономическую нестабильность, стало одним из основных стимулов быстрорастущего движения, возглавляемого АТТАК (Ассоциация в пользу налогообложения финансовых сделок для помощи гражданам) во Франции и ее отделениями повсюду, выступающего с требованием введения налога Тобина на международные валютные сделки. ¹⁵

За декларируемым господством финансового капитализма стоит множество различных, хотя и взаимосвязанных явлений:

- начать с того, что наблюдается явный рост глобально интегрированных финансовых рынков: ежедневные валютные операции выросли с 800 миллиардов долларов в 1992 году до 1200 миллиардов долларов в 1995 году и почти 1600 миллиардов долларов в 1998 году: ¹⁶ эти поразительные цифры отражают тот факт, что капитал стал гораздо более мобильным в международном масштабе, чем он был в эпоху Бреттон-Вудской системы после Второй мировой войны;
- национальные правительства стали гораздо более уязвимыми на международном рынке ценных бумаг, где их долги покупаются и продаются: как выразился Джон Грейль, «глобальный рынок ценных бумаг — это дамоклов меч, висящий над головами разработчиков политики внутри государств», даже самых могущественных государств, как открыла для себя в 1993 году администрация Клинтона; ¹⁷
- рост влияния инвестиционных решений фондовой биржи: возможны различные его проявления, от «секьюритизации» —

превращения всего, что только возможно, в финансовые активы, которые можно покупать, продавать и использовать для спекуляции на бирже (энергетическая империя «Энрон» среди прочего разрабатывала погодные фьючерсы), — до давления на руководство корпораций в пользу безусловного приоритета «рыночной стоимости акций» (высокая стоимость акций, отражающая по крайней мере перспективу значительного увеличения прибыли, развитие, которое приводит к тому, что Грейль называет «новым балансом сил между собственниками и менеджерами в значительной мере в пользу последних»);¹⁸

- стремительный рост спекуляций на все более сложных финансовых производных отразился на росте хеджевых фондов, которые специализируются на таких активах, деятельность которых потенциально может привести к серьезным последствиям для мировой экономики, как показал впечатляющий крах хеджевого фонда «Долгосрочное управление капиталом» в разгар глобальной финансовой паники после азиатского и российского крахов осенью 1998 года; американский бум конца 1990-х, когда действительный рост производства и производительности (хотя вопрос о том, увеличился ли показатель роста производительности вообще, а если увеличился, то насколько, остается весьма спорным) сочетался с раздуванием гигантского спекулятивного пузыря, сконцентрированного на Уолл-стрит: очковитирательство и экономическая реальность безнадежно смешивались в эйфористической — и быстро доказавшей свою несостоятельность — вере в то, что «новая экономика» олицетворяет избавление Америки от ограничений экономического цикла.¹⁹

Финансовые рынки часто воспринимаются как автономное, почти природное явление: так, новостные программы на телевидении сообщают о ценах на акции вместе с погодой. Маркс описал капитализм как «заколдованный, извращенный и на голову поставленный мир. в котором *monsieur le Capital* и *madame la Terre* как социальные характеры в то же время непосредственно, как просто вещи, справляют свой шабаш».²⁰ Образ финансовых рынков как вещи — явления природного порядка — это один из факторов, мешающих противодействовать их негативным последствиям. Но, безусловно, финансовые рынки — это социальные отношения,

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

а не вещи. К тому же рост их влияния (или, строго говоря, влияния участников, которые действуют преимущественно на финансовых рынках) на последнее поколение отчасти является результатом политической и идеологической борьбы.²¹ Так, двумя решающими этапами освобождения финансового капитализма в Великобритании были отмена валютного регулирования в 1979 году и дерегуляция лондонского Сити («большой взрыв») в 1986 году, меры, принятые правительством Тэтчер в качестве составной части его проекта перестройки британской экономики в соответствии с неолиберальной логикой.

Великобритания занимает особое место среди развитых капиталистических стран по относительному экономическому весу ее финансового сектора, но на мировой арене главную роль в обеспечении роста финансовых рынков сыграли Соединенные Штаты. Питер Гоуэн утверждал, что США несут ответственность за крах Бреттон-Вудской системы, создав вместо нее то, что он называет «долларовым режимом Уолл-стрит». Роль доллара, освободившегося в 1971 году от старого золотовалютного стандарта, в поддержании международной валютной системы дала США мощнейшие политические и экономические рычаги, в то время как новый мир «плавающих валют» способствовал международным финансовым спекуляциям, в которых особенно преуспели американские инвестиционные банки. Между тем ось, объединявшая Уолл-стрит, Министерство финансов США и международные финансовые учреждения, способствовала выработке политики «Вашингтонского консенсуса», которая открыла национальные экономики для иностранных инвестиций и сделала их более уязвимыми перед колебаниями финансовых рынков и, следовательно, более зависимыми от этой оси.²²

Это подводит нас к тому, что стало одной из хронических особенностей неолиберальной эпохи, — финансовым крахам «развивающихся рынков». Среди наиболее заметных жертв этого явления были Мексика (1994–1995), Восточная Азия (1997–1998), Россия (1998) и Аргентина (2001–). Одно из основных требований, выполняемых государствами, претерпевающими структурную перестройку, заключается в либерализации их

счета движения капитала, то есть предоставлении возможности свободного движения капитала через границы.²³ В странах, которые, как принято считать, имеют многообещающие перспективы в отношении финансовых рынков, наблюдается значительный приток капитала. В действительности это сомнительное преимущество, поскольку (как, например, в случае Восточной Азии) избыток иностранного капитала, как правило, способствует значительному переинвестированию и возникновению масштабного избытка производственных мощностей, понижающего доходность. Когда иностранные инвесторы начинают это понимать, возникает паника и такая же стремительная и масштабная утечка капитала, каким прежде был его приток. В итоге вместо увеличения темпов роста экономики происходит глубокий спад, хотя последствия могут быть намного более глубокими. По некоторым оценкам, азиатский кризис и его последствия привели к сокращению мирового производства в 1998-2000 годах на два триллиона долларов, что составило около 6% мирового ВВП.²⁴

Защитники «Вашингтонского консенсуса» склонны изображать эти кризисы в виде последствий культурных и институциональных изъянов пострадавших обществ. Классическим примером тому служат западные обвинения в адрес капитализма «для своих» после кризиса в Восточной Азии, как будто коррупционные связи между политиками, бюрократами и руководством корпораций были монополией одних лишь Японии или Кореи. Крах «Энрон» зимой 2001-2002 годов — одного из флагманов финансового пузыря Уолл-стрит, биржевая стоимость которого в течение года упала с 70 миллиардов долларов практически до нуля, уничтожив сбережения своих служащих и угрожая тем же миллионам других работников, пенсионные фонды которых сделали значительные инвестиции в «Энрон», — обнажил паутину мошенничества, простирающуюся от головных офисов корпорации через банки, составление отчетности и страхование до самого Вашингтона. Выяснилось, что не менее 212 из 248 членов конгресса США, входивших в состав комитетов по расследованию скандала, получали деньги от «Энрон» или его скомпрометированного аудитора «Артура Андерсена».²⁵

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Сразу же последовали крупные скандалы, связанные с другими преуспевающими корпорациями, например «УорлдКом».

Тот же спекулятивный капитализм Севера, ответственный за аферы «Энрон» и «УорлдКом», сыграл центральную роль в финансовых крахах «развивающихся рынков». То, что Джеффри Уинтерс пишет об утечке капитала из Юго-Восточной Азии в 1997 году, справедливо и в отношении всех остальных кризисов эпохи неолиберализма:

Цепная реакция была запущена валютными спекулянтами и управляющими крупными пулами портфельного капитала, которые действуют в условиях жесткой конкуренции, вынуждающей их поступать таким образом, который объективно оказывается неразумным и разрушительным для всей системы, в особенности для входящих в нее стран, но с субъективной точки зрения является рациональным и необходимым, ибо нацелен на индивидуальное выживание.²⁶

«Меры по спасению», предлагаемые МВФ и «большой восьмеркой» после крахов «развивающихся рынков», как правило, снимают ответственность с финансовых спекулянтов за последствия их авантюры и тем самым создают то, что консервативные банкиры склонны с осуждением называть «опасностью безответственности», поощряющей инвесторов участвовать в будущем в еще более опасных предприятиях. Не менее важно то, что условия, на которых правительствам пострадавших стран предоставляются кредиты, требуют, чтобы они еще более последовательно проводили неолиберальную политику. Цель состоит в том, чтобы помочь иностранным инвесторам «отхватить» наиболее прибыльные активы, часто по заниженным вследствие экономического кризиса ценам, и сделать экономику еще более уязвимой для взлетов и падений финансовых рынков. Таким образом, как мы уже видели, болезнь предлагается в качестве лекарства от причиненного ею вреда.

Такая модель способствует возрастанию скептического отношения к неоклассической ортодоксии, согласно которой финансовые рынки никогда не ошибаются. Так, во

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

всяком случае, утверждает гипотеза эффективного рынка. Она была сформулирована Джорджем Гибсоном еще в 1883 году: «когда акции появляются на открытом рынке, стоимость, которую они получают, можно считать суждением о них лучшего ума». ²⁷ Эта «гипотеза» служит превосходным опровержением всех заявлений о том, что неоклассическая экономическая теория — это нейтральная наука. Она напоминает вольтеровского доктора Панглоса, который никогда не уставал утверждать, невзирая на несчастья, что все к лучшему в этом лучшем из возможных миров. Другие довольно влиятельные экономисты не склонны погружаться в такое непомерное самоуспокоение. Так, Стиглиц в специальной работе, которая принесла ему в 2001 году нобелевскую премию по экономике, показал, что, как только посылки теории общего равновесия слегка изменяются вследствие отказа от допущения, что экономические участники располагают полной информацией, финансовые рынки оказываются не саморегулирующимися: в частности, различная информация у заемщиков и кредиторов может привести к тому, что банки установят процентные ставки на уровне, привлекательном для спекулянтов, и откажут в кредите добропорядочным фирмам. Стиглиц и Эндрю Вейс заключают: «традиционный вывод экономической теории о том, что цены делают рынок понятнее, представляет собой частную модель и не является общей теорией рынков — безработица и ограничение кредита отнюдь не фантомы». ²⁸

А за всеми этими доводами маячит огромная тень Мейнарда Кейнса. Его «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) содержит язвительную критику иррациональности финансовых рынков, включая известное сравнение их с казино. ²⁹ Обратная сторона этой критики заключается в том, что капитализм — это по сути своей здоровая система: если государство вмешивается для регулирования финансовых рынков и сглаживания колебаний экономического цикла, то капитализм — это лучшая система производства. В кейнсианскую эпоху, датируемую приблизительно 1940-1970 годами, роль государства в основном заключалась в управлении платежеспособным спросом для поддержания полной

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

занятости и мягкого перераспределительного налогообложения, которое при субсидировании самого высокого в истории уровня расходов на социальные нужды способствовало выполнению этой стабилизирующей функции (хотя на деле самым высоким был уровень расходов на *вооружение*, чем главным образом и был обусловлен длительный период экономического роста капитализма в странах Запада после Второй мировой войны).³⁰

Во всяком случае, управление национальным спросом кажется не столь уж жизнеспособным в эпоху глобализации, хотя одна из основных задач антиглобалистского движения заключается во введении новых способов регулирования финансовых рынков. Джеймс Тобин первым предложил ввести налог на валютные операции, «чтобы вставить палки в колеса наших чересчур эффективных финансовых рынков» и «вернуть национальным экономикам и правительствам некоторую степень краткосрочной автономии, которая была у них до того, как конвертируемость валюты настолько упростилась».³¹ Согласно движениям наподобие АТТАК преимущество налога Тобина заключается не только в замедлении обращения глобальных финансов, но и в создании средств, которые можно было бы использовать для финансирования развития «третьего мира»: по некоторым оценкам, налог на все валютные операции в размере 0,25% в 1995 году мог бы принести доход, равный приблизительно 300 миллиардам долларов.³²

Сам по себе налог — это метод реформирования капитализма и — в особенности — восстановления национальных капитализмов. Тем самым предполагается, что можно дать довольно поверхностную критику капитализма, которая видит проблему в том, что Тобин называет «незакрепленными» финансовыми рынками, а не в самой системе.³³ Даже такой его горячий сторонник, как Хейкки Патомаки, признает, что налог Тобина не решает «проблему финансовой *кратковременности* в целом» или «управления кредитом и инвестициями в глобальной политической экономике».³⁴ Последняя проблема, в частности, поднимает вопрос о характере самой системы, а для ответа на него нам понадобится не Кейнс или Тобин, а Маркс.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

МАШИНА С ВЕЧНЫМ ДВИГАТЕЛЕМ

Маркс утверждает, что капитализму присущи две основные особенности — *эксплуатация наемного труда* и *конкурентное накопление капитала*. Они, в свою очередь, соотносятся с двумя типами основополагающих отношений при капитализме — между капиталом и трудом и между самими капиталами соответственно. Причем оба типа отношений являются конфликтными: «вертикальные» отношения между капиталом и трудом возникают вследствие антагонизма, который неизбежно существует между эксплуататором и эксплуатируемым, тогда как «горизонтальные» отношения между капиталами заключаются в конкурентной борьбе между эксплуататорами за распределение прибыли, совместными усилиями извлеченной из рабочего класса. Поэтому «капитал» в единственном числе, который относится ко всей совокупности отношений, образующих капиталистический способ производства, и к капиталистическому классу как общности, следует отличать от множества «капиталов», отдельных составляющих системы, которые введут борьбу за эксплуатацию и накопление.³⁵

Рассмотрение капитализма как социальной системы, основанной на эксплуатации, выполняет целый ряд задач. Здесь приведены пять из них.

1. Маркс утверждает, что *классовый антагонизм* не является второстепенной или случайной особенностью капитализма, а определяет саму его природу: капитал по сути своей чужд работающим на него наемным работникам, которые состоят из всех тех, кого экономические условия вынуждают продавать свою рабочую силу и трудиться под надзором, независимо от того, где именно (в промышленности или в сфере обслуживания) и чем именно (умственным или физическим трудом) приходится заниматься.
2. Говорить, как это делает Маркс в своей теории прибавочной стоимости, что прибыль, которую стремится получить капитал, извлекается из труда наемных работников, значит утверждать, что капитализм основывается на глубокой *несправедливости*: те, кто действительно занимаются производством товаров и услуг, вынуждены трудиться также для содержания капиталистов, чьи притязания на плоды производства основываются исключительно на их контроле над средствами производства.³⁶

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

3. Теория прибавочной стоимости Маркса *исторически соотносит* капитализм с более ранними классовыми способами производства: поскольку в этих социальных системах эксплуатация зависела от класса несвободных производителей (будь то рабы или некое зависимое крестьянство), при капитализме рабочие свободны в том смысле, что юридически они не обязаны служить своим эксплуататорам, — однако именно отсутствие экономической независимости вынуждает их работать на капиталистов на неравных условиях, что ведет к их эксплуатации.*
4. Эта система эксплуатации предполагает, что именно рабочие служат источником созидания при капитализме: созидательный потенциал капиталистов в лучшем случае оказывается потенциалом второго порядка, заключающимся в способности использовать преимущества предложенных другими нововведений и брать лучшее у своей рабочей силы и конкурентов (в этом состоит рациональное зерно теорий предпринимательства).³⁷
5. Теория капиталистической эксплуатации обозначает *пределы* системы в том смысле, что капиталисты как класс могут увеличивать свою сумму общей прибыли, лишь сокращая реальную заработную плату или увеличивая производительность рабочего класса, это отношение зависимости означает, что рабочие не являются просто эксплуатируемыми — они также представляют значительную силу.

Но Марксова теория капитализма уязвима, если она ограничивается вертикальными отношениями между капиталом и трудом. Горизонтальные отношения между капиталами важны по двум причинам. Во-первых, Маркс утверждает, что конкурентная борьба капиталов объясняет, *почему* эксплуатация и накопление присущи капитализму как экономической системе. Капитализм достаточно конкурентоспособен, ибо каждому конкретному капиталу необходимо постоянно сокращать издержки своего производства для поддержания или даже увеличения своей доли на рынке. Великодушный капиталист, который платит своим рабочим такую заработную плату, которая в целом соответствует произведенной им стоимости, вскоре окажется неудел. Ибо прямо или косвенно из прибылей выделяются капиталовложения, благодаря которым конкретные капиталы расширяют и/или улучшают

производственные мощности. Именно этот процесс увеличения производительности посредством повторного инвестирования прибыли Маркс (вслед за Адамом Смитом) называл накоплением капитала. Это конкурентный процесс, потому что стремление к накоплению вызвано внешней необходимостью: давление конкурентов вынуждает капиталы совершенствовать методы производства. Маркс предлагает *структурную теорию* накопления капитала: накопление следует объяснять не индивидуальной психологией или культурными процессами, рассмотренными Максом Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма», а структурой принуждения и поощрения, которой подчиняются конкретные капиталисты на рынке (хотя — по крайней мере в принципе — определенного рода культурные объяснения, предложенные Вебером, могли бы способствовать пониманию различной степени успеха отдельных групп, подчиняющихся рыночной дисциплине).

Во-вторых, рассмотрение капитализма как системы конкурентного накопления помогает объяснить его *развитие*. Капитализм одновременно характеризуется динамизмом и нестабильностью. Обе эти особенности проистекают из конкурентной борьбы между капиталистами. Повышающие производительность капиталовложения расширяют производственные возможности человечества. Именно за это развитие производительных сил Маркс хвалит капитализм в «Манифесте» и «Экономических рукописях 1857-1859 годов», хотя он и отличает капиталистические производственные отношения — исторически определенные формы контроля над средствами производства, которые образуют этот способ производства. — от роста производительности и производства, обеспечиваемого этими отношениями в данной социальной системе. Но характер этих производственных отношений также означает, что развитие производительных сил делает капитализм изначально подверженным кризисам.³⁸ Мы уже сталкивались с основным механизмом, отвечающим за работу финансовых рынков, где рациональный на индивидуальном уровне поступок часто приводит к не вполне оптимальным результатам для всех.

Индивидуальные капиталы инвестируются в совершенствование методов производства ради получения более

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

высокой отдачи. Рационализатор, как правило, может надеяться на успех (по крайней мере в ближайшей перспективе), поскольку, доведя свои производственные издержки до уровня ниже среднего в данном секторе, он может или нанести удар по своим конкурентам, снизив цену на свою продукцию и продав большее ее количество, или получить более высокую прибыль с каждой проданной единицы товара. В обоих случаях капитал, вкладываемый в инновации, должен оказывать на своих конкурентов в данном секторе повышенное давление. Поэтому они стремятся не отставать от его инноваций. В той мере, в какой им удастся в этом преуспеть, сократятся средние производственные издержки в данном секторе. Так как преимущество рационализатора проистекает из разницы между индивидуальными издержками и средними издержками в секторе, то после исчезновения такой разницы то же произойдет и с его добавочной прибылью (тем, что Маркс называет «сверхприбылью», а современные экономисты — «технологической рентой»). Улучшение производительности, как правило, зависит от роста предприятия и оборудования, на котором должен работать рабочий, поэтому инновация выиграет по цене более высоких инвестиций в предприятие и оборудование на рабочего (или, как довольно неудачно выразился Маркс, произойдет возрастание органического строения капитала). Но источник прибыли — это труд. Поэтому — если не увеличивается степень эксплуатации (прибыль на рабочего) — требуется большее количество капитала для получения того же количества прибыли от рабочей силы. Иными словами, норма прибыли — соотношение между прибылью и общим объемом капиталовложений — понижается. Погоня индивидуальных капиталов за наживой, — а с введением инноваций такое поведение становится правилом, — приводит, таким образом, к понижению общей нормы прибыли.

Распространенный на всю экономику, этот механизм отвечает за то, что Маркс называет тенденцией к понижению общей нормы прибыли. Это только тенденция, потому что она зависит от наличия определенных условий, большинство из которых (хотя и не все) Маркс перечисляет: производительность растет благодаря экономии труда, а не капитала;

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Степень эксплуатации не увеличивается до достаточного для нейтрализации последствий повышения органического строения капитала (соотношение между капиталовложениями в средства производства и капиталовложениями в рабочую силу) уровня; или средства производства не становятся дешевле из-за повышающей производительность инновации, что опять-таки препятствует понижению нормы прибыли (поскольку *стоимость* капиталовложений в предприятие и оборудование на рабочего может понизиться, даже если физическая *сумма*, которой она оперирует, выросла). Но Маркс, по-видимому, считает, что наиболее существенное «противодействующее влияние» оказывают экономические кризисы. Достаточно выраженное понижение нормы прибыли вынуждает капиталистов прекращать инвестиции и тем самым ускоряет наступление экономического спада. Основная особенность спада заключается в том, что капиталы либо банкротятся, либо сокращают производство и занятость. Последующий рост уровня безработицы приводит к ослаблению переговорных позиций рабочих, вынуждая тех, у кого еще есть работа, соглашаться с более низкой заработной платой, увеличением продолжительности рабочего дня и ухудшением условий труда. Это приводит к повышению степени эксплуатации. В то же самое время более сильные капиталы могут по низкой цене скупать фонды неплатежеспособных предприятий, а также поглощать на выгодных условиях более слабые из уцелевших. Тем самым сокращается стоимость имеющихся капиталовложений. Вместе оба эти процесса — повышение степени эксплуатации и разорение капитала — увеличивают массу прибыли относительно такого капитала. Иными словами, норма прибыли растет. Когда прибыльность возрастает достаточно для того, чтобы стимулировать оживление инвестиций, экономический рост возобновляется до тех пор, пока следующее заметное понижение общей нормы прибыли не приведет к очередному нисходящему витку в этом адском круговороте.

Теория Маркса о тенденции к понижению нормы прибыли особенно важна, потому что, как это бывает, крупные капиталистические экономики в конце 1960-х годов начали переживать серьезный кризис прибыльности. Однако начало этого

кризиса лежит в основе перехода, которому мировая экономика подверглась в эпоху медленного роста, перемежающегося глобальными спадами и продолжающегося по сей день. Предложенное Марксом описание механизмов, ответственных за такие кризисы прибыльности, оказалось весьма спорным: по правде говоря, оно было отвергнуто большинством традиционных экономистов, хотя их доводы зачастую обнаруживают скорее их непонимание такого особого теоретического подхода к капиталистической экономике, которого он придерживался, нежели отдельные изъяны аргументации, вызывающие множество сложных вопросов.⁴⁰ Здесь не место рассматривать эти вопросы, хотя я вполне мог бы это сделать. Более важно предложенное Марксом общее описание капитализма как системы, в которой процесс конкурентного накопления побуждает индивидуальные капиталы предпринимать действия, которые, хотя и способны в краткосрочной перспективе повысить их норму прибыли, в долгосрочной перспективе ведут к ослаблению жизнестойкости всей системы. Индивидуальная погоня за наживой приводит к губительным глобальным последствиям. В оставшейся части этого раздела и в следующем я рассмотрю два современных аспекта этого парадокса: первый — узко экономический, второй — намного более широкий.

Во-первых, одна из основных причин кризиса в современной мировой экономике заключается в выраженной тенденции к переинвестированию. Такой, к примеру, была основная особенность восточно-азиатского кризиса в конце 1990-х. Конкуренция за внешние рынки, усилившаяся вследствие девальвации китайского ренминби и японской иены в середине десятилетия, побуждала фирмы увеличивать свои мощности гораздо быстрее, чем могла вырасти соответствующая им прибыль. Следствием стали значительное переинвестирование и возникновение избыточных производственных мощностей. Незадолго до волны финансовых крахов, прокатившейся по Восточной и Юго-Восточной Азии в 1997 году. *Financial Times* сообщила:

При среднегодовых темпах роста более 20% в этом десятилетии инвестиции росли примерно втрое быстрее ВВП. а это говорит о том, что Азия страдает от тяжелого

с тучая переинвестирования. Сейчас... загрузка производственных мощностей держится на очень низком уровне в таких странах, как Китай (ниже 60%), Южная Корея (ниже 70%) и Тайвань (72%).⁴¹

Приток спекулятивного капитала подпитывал этот процесс подъема экономической активности, а затем, как только последствия переинвестирования стали очевидными, его отток способствовал погружению Азии в глубокую рецессию. Точно такое же взаимодействие спекулятивных финансовых рынков и конкуренции между промышленными предприятиями можно было наблюдать при взлете и падении американской «новой экономики» во время великого американского бума 1992-2000 годов.⁴² Этот бум стал возможен вследствие восстановления прибыльности с рекордно низкого уровня, достигнутого в начале 1980-х, восстановления, вызванного, в свою очередь, масштабной экономической реструктуризацией, которая ликвидировала неэффективные капиталы, исторически беспрецедентным снижением реальной заработной платы и девальвацией доллара по отношению к остальным основным валютам в результате Соглашений Плаза 1985 года. Но к концу 1990-х эти средства себя исчерпали. В середине десятилетия администрация Клинтона переключилась на политику сильного доллара (нацеленную отчасти на помощь японской экономике в выходе из состояния застоя, в котором она находилась с начала 1990-х годов). Нормы прибыли в обрабатывающей промышленности начала падать в конце 1997 года, а устойчивое снижение безработицы позволило немного повысить реальную заработную плату. Причиной того, что бум продлился еще три года, была реакция Федерального резервного управления на панику, охватившую мировые финансовые рынки после того, как российский крах в августе 1998 года, казалось, стал предвестием цепной реакции на «развивающихся рынках», способной распространиться на центры глобального капитализма. Федеральная резервная система под руководством Алана Гринспена уменьшила процентные ставки и предприняла другие шаги (например, оказав помощь хеджевому фонду «Долгосрочное управление капиталом»), направленные на укрепление доверия.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Такая политика, названная Робертом Бреннером «биржевым кейнсианством» (свидетельство того, что национальное государство по-прежнему играет важную роль в эпоху глобализации), оказалась весьма успешной.⁴³ Американские финансовые рынки, частично подпитываемые притоком капитала, ищущего надежности Соединенных Штатов, продолжали парить в заоблачных высотах до марта 2000 года. По вышине стоимости их биржевых инвестиций побуждало американские фирмы и зажиточные домохозяйства сокращать свои сбережения и совершать широкие заимствования, что привело к гигантским финансовым диспропорциям — в частности, к беспрецедентному уровню задолженности частного сектора и дефициту платежного баланса.** Та же обстановка побуждала предприятия увеличивать свои инвестиции в ожидании того, что их прибыль будет продолжать расти и сделает эти решения оправданными. Такие ожидания оказались ошибочными: прибыль после удержания налогов в национальном доходе Соединенных Штатов сократилась с более чем 12% в 1997 году до 8% тремя годами позже.⁴⁵

В результате ключевые сектора американской и мировой экономики столкнулись с возникшими проблемами переинвестирования и избытка производственных мощностей. Во многих случаях в худшем положении находились те отрасли, которые были наиболее тесно связаны с «новой экономикой», особенно технология, средства массовой информации и телекоммуникации. Именно этим было обусловлено падение котировок акций в данном секторе весной 2000 года. Примерно два года спустя *Financial Times* сообщала:

Согласно Европейской информационно-технологической службе наблюдения, инвестиции в телекоммуникации выросли в период с 1997 по 2000 год приблизительно до 20% в США и 50% в Западной Европе.

Значительная доля этих инвестиций, по-видимому, выброшена на ветер. По некоторым оценкам, в одной только телекоммуникационной отрасли за прошедшие четыре года приблизительно 1000 миллиардов долларов (690 миллиардов фунтов стерлингов) были, по сути, потрачены впустую, например на укладку оптоволоконного кабеля, который никогда не будет использоваться.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

плобше в информационной технологии наследие пере-
Жирования прошлых лет встречается повсеместно.
Макнили, исполнительный директор «Сан Микро-
* * * стемз», сказал, что он вынужден конкурировать со сво-
1 же собственной продукцией при распродаже имущества
^ состоятельных должников, когда она продается по цене,
вставляющей до 10% от прейскурантной.⁴⁶

Юк и в случае японской «дугой экономики» конца 1980-х,
-гот оставшийся после бума перерасход неприбыльных инве-
стиций может затруднить проводимую Федеральной резервной
системой политику снижения процентных ставок, направлен-
ную на стимулирование возобновления быстрого роста. Но ди-
намика, раскрывающаяся в развитии американского бума
1990-х, интереснее любого непосредственного прогноза разви-
тия мировой экономики. Та же логика присутствовала и в ази-
атском кризисе: финансовые спекуляции, гарантированные го-
сударством, побудили конкурирующие капиталы увеличивать
свою производительность гораздо быстрее роста прибыли, не-
обходимой для оправдания этих инвестиций. Именно этот про-
цесс неуправляемого накопления, подстегиваемый конкурен-
цией и спекуляцией, несет ответственность за упадок двух из
трех крупнейших зон развитого капитализма в течение послед-
него десятилетия. С этой точки зрения финансовые рынки игра-
ют роль не столько автономного источника нестабильности,
сколько одного из измерений совокупности взаимосвязанных
процессов, толкающих капиталистические экономики к кри-
зису. Здесь кажется уместным предложенный самим Марксом
анализ того, что он называл «кредитной системой»: развитие
кредитных денег и возможность их получения при помощи бан-
ков и финансовых рынков позволяют поддерживать процесс
накопления дольше, чем это было бы возможно при иных усло-
виях, и в итоге основные экономические противоречия выхо-
дят наружу с опозданием и часто оказываются более острыми.⁴⁷
Финансовые рынки при поддержке Федеральной резервной си-
стемы помогли американскому буму продлиться еще какое-то
время, но этот бум не был продуктом одних лишь спекуляций:
он зависел от реального, хотя и ограниченного восстановления
прибыльности, а когда норма прибыли начала понижаться,
обвал бума был лишь вопросом времени.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

НАКОПЛЕНИЕ И КАТАСТРОФА

Но та же логика конкурентного накопления действует и в других областях. Несравнимо более важно ее влияние на природную среду, от которой зависит вся жизнь на планете. В своей выдающейся работе по истории окружающей среды в двадцатом веке Джон Макнейл проводит различие между двумя эволюционными стратегиями — приспособляемостью к меняющейся среде, которой следуют, например, некоторые виды крыс, и «наибольшей адаптацией к существующей среде», представленной акулами, зависящими от обилия других морских существ, на которых можно охотиться и которыми можно питаться. Макнейл продолжает:

В двадцатом веке общества часто следовали стратегии акулы в условиях беспрецедентно нестабильной — и потому лучше всего подходящей для крыс — глобальной экологии. Мы всеми силами стремились адаптироваться к постоянно меняющейся среде. Возможно, четверть из нас живет в условиях устойчивого климата, дешевой энергии и воды, а также быстрого роста населения и экономики. Большая же часть остальных стремится достичь такой жизни. Наши институты и идеологии также до сих пор основываются на тех же посылках.

Такие посылки не столь уж необоснованны, но они преходящи. За 10000 лет после завершения последнего ледникового периода климат изменился незначительно; теперь же он стремительно меняется. Дешевая энергия — это особенность эпохи ископаемого топлива, начало которой датируется приблизительно 1820 годом. Дешевая вода для тех, кто ею пользуется, относится к девятнадцатому веку, за исключением некоторых благодатных районов. Быстрый рост населения датируется серединой восемнадцатого столетия, а быстрый экономический рост ← примерно 1870 годом. Считать такие условия устойчивыми и нормальными и находиться в зависимости от их сохранения — предприятие рискованное.⁴⁸

Условия эти взаимозависимы: прирост населения может поддерживаться, только если сельскохозяйственное производство — вопреки предсказаниям Мальтуса — растет

достаточно быстро, чтобы прокормить дополнительные рты, и до сих пор сделать это удавалось.⁴⁹ Но они не обязательно совместимы друг с другом: возьмем наиболее показательный пример — повышение температуры на планете в результате накопления парниковых газов вследствие человеческой деятельности (например, сжигания ископаемого топлива и вырубки лесов, приводящих к повышению уровня углекислого газа в атмосфере), скорее всего, в двадцать первом веке окажет глубокое влияние на жизнь людей и остальных видов. Рассматривая причины таких перемен, Макнейл проводит различие между «кластерами» — «одновременными сочетаниями технических, организационных и социальных инноваций»:

Ранние индустриальные кластеры создавались вокруг текстильных предприятий, использовавших энергию воды, а затем фабрик и паровых двигателей. Со второй половины девятнадцатого века основной кластер составили уголь, чугун, сталь и железные дороги: отрасли тяжелого машиностроения сконцентрировались в задымленных городах. Назовем его «кластером Кокстауна» в честь Кокстауна у Чарльза Диккенса... Следующий кластер сложился в 1920-1930-х годах и преобладал с 1940-х (не без помощи Второй мировой войны) по 1990-е годы: конвейер, нефть, электричество, автомобили и самолеты, химикаты, пластмассы и удобрения — все было организовано крупными корпорациями. Я назову его «кластером Мотауна» в честь Детройта, мирового центра автомобилестроения. Кластер Кокстауна и кластер Мотауна способствовали возникновению гигантских корпораций в Северной Америке, Европе и Японии, а относительная эффективность и прибыли, получаемые этими корпорациями, в свою очередь способствовали развитию каждого из этих кластеров; технологические системы и структуры бизнеса тесно переплелись между собой.⁵⁰

Макнейл полагает, что в 1990-х могло произойти возникновение нового кластера, в центре которого, возможно, находятся генная инженерия и информационные технологии.⁵¹ Однако кажется бесспорным, что этот рассказ о социо-технических кластерах представляет собой еще один способ изложения истории капитализма в ее последовательном переходе

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

от промышленной революции к современной эпохе неолиберальной глобализации. Сам Макнейл больше предпочитает наделять объяснительной ролью идеи, утверждая, например, что экологические катастрофы, приведшие к краху Советский Союз, имели идеологические корни: «В марксизме укоренена вера в то, что природа существует для того, чтобы труд ее использовал». ⁹² Следующие замечания Энгельса говорят о куда более сложном отношении к природе, проявляемом основателями марксизма. После утверждения о том, что человек при помощи своего труда *"господствует"* над окружающей средой, Энгельс продолжает:

Не будем, однако, слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую такую победу она нам мстит. Каждая из этих побед имеет, правда, в первую очередь те последствия, на которые мы рассчитывали, но во вторую и третью очередь совсем другие, непредвиденные последствия, которые очень часто уничтожают значение первых. Людям, которые в Месопотамии, в Греции, в Малой Азии и в других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их, вместе с лесами, центров скопления и хранения влаги. Когда альпийские итальянцы вырубали на южном склоне гор хвойные леса, так заботливо охраняемые на северном, они не предвидели, что этим подрезывают корни скотоводства в своей области; еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей эти источники могли изливаться на равнину тем более бешеные потоки. Распространители картофеля в Европе не знали, что они одновременно с мучнистыми клубнями распространяют и золотуху. И так на каждом шагу факты напоминают нам о том, что мы отнюдь не властвуем над природой так, как завоеватель властвует над чужим народом, как кто-либо находящийся вне природы, — что мы, наоборот, нашей плотью, кровью и мозгом принадлежим ей и находимся внутри нее, что все наше господство над ней состоит в том, что мы, в отличие от всех других существ, умеем познавать ее законы и правильно их применять. ⁵³

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Энгельс описывает здесь действие диалектики непреднамеренных последствий в процессе разрушения окружающей среды (глобальное потепление, например), которые теперь становятся очевидными. Отношение самого Маркса к миру природы было не менее сложным: помимо представления о господстве человека над природой, можно встретить и другие темы: например, постоянную озабоченность местом человечества в материальном мире и растущую обеспокоенность вредом, наносимым окружающей среде капиталистическими методами ведения сельского хозяйства.⁵⁴ Что побудило правителей СССР выбрать из этого разнообразного и, быть может, неоднозначного наследия те аспекты классического марксизма, которые, по-видимому, подтверждали идею о том, что природа — это то, что должно быть покорено и подчинено? Ответ, скорее, имеет отношение к власти и интересам, нежели к идеологии, рассматриваемой в качестве самостоятельной силы. Чем больше сталинистская система отходит в прошлое, тем более очевидным становится то, что она воспроизводила — в крайней форме, вызванной глубокими внутренними противоречиями и геополитическим соперничеством, — отношение к природе как к неистощимому источнику сырья и энергии, предполагавшееся кластерами Кокстауна и Мотауна.⁵⁵

В любом случае, в нынешней ситуации основные формы разрушения окружающей среды представляют собой результат логики накопления капитала. С одной стороны, кластер Мотауна вовсе не ушел в прошлое. Напротив, гигантские корпорации по добыче ископаемого топлива — компании, которые во всем мире господствуют в нефтяной, газовой, угольной, автомобильной, дорожно-строительной и резиновой промышленности, — образуют чрезвычайно влиятельную констелляцию экономических интересов. Резко выступив против неопределенной задачи сокращения парниковых выделений, согласованной в 1997 году в Киотском протоколе, американские корпорации в области добычи ископаемого топлива благополучно поддержали кандидата в президенты, Джорджа Буша-младшего, одним из основных постановлений которого после прихода в Белый дом была денонсация протокола. Проведенное конгрессом расследование скандала,

связанного с «Энрон», показало, что компания манипулировала дерегулированной энергетической промышленностью» Калифорнии, например закрывая предприятия и занимаясь экспортированием электроэнергии, создавая тем самым искусственный дефицит, который вел к росту цен и прибыли. «Энрон» и другие продавцы электроэнергии также были вовлечены в махинации с полными расходами по сделке, совершая фиктивные продажи, которые увеличивали оборот и вели к повышению цен. Администрация Буша использовала возникший в конечном итоге калифорнийский энергетический кризис для того, чтобы потребовать уменьшения контроля над состоянием окружающей среды при нефтяном бурении на северо-западе Тихого океана. С другой стороны, кучка многонациональных корпораций во главе с пятью «генетическими гигантами» — «АстраЗенека», «Дюпон», «Монсанто», «Новартис» и «Авентис» — использует новейшие технологии для широкомасштабного введения генетически измененных организмов, способного привести к непредсказуемым и, возможно, катастрофическим последствиям, включая распространение пищевых аллергий, осложнение и без того серьезной проблемы видов, стойких к антибиотикам, и развитие новых вирусов. Иллюстрацией грязного стремления биотехнологических корпораций контролировать всю пищевую цепь служит развитие технологий «герминатор», благодаря которым из генетически измененных семян вырастали бы бесплодные растения, что поставило бы фермеров в постоянную зависимость от поставщиков этих семян.⁵⁶

Рассмотрение капитализма как источника современных угроз окружающей среде не означает, что природа считается простым социальным конструктом, результатом человеческих манипуляций. В своем шедевре «Поздневикторианские холокосты» Майк Дэвис очень точно реконструирует взаимосвязь южных колебаний Эль-Нино — периодических колебаний температур Тихого океана и вызываемого ими чередования дождливой и засушливой погоды — со все более интегрированной либеральной мировой экономикой конца девятнадцатого века. Он показывает, как в сочетании с разрушением традиционных механизмов решения проблемы

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

голода под влиянием западных колониальных держав и растущей зависимости сельского хозяйства от ритмов мирового рынка засуха Эль-Нино привела к страшным людским катастрофам в Азии и Латинской Америке: в одной только Индии во время засухи 1876-1879 и 1896-1902 годов умерло от 12 до 30 миллионов человек. В то же самое время «великий викторианский голод возник и усилился в результате действия тех социально-экономических сил, которые в первую очередь и обеспечили его появление»: вызванное голодом массовое обнищание великих азиатских цивилизаций способствовало возникновению глобального неравенства в доходах и богатстве между «первым» и «третьим» мирами, которое теперь считается самоочевидным, но вряд ли было заметно два века назад. «С точки зрения политической экологии. — пишет Дэвис, — уязвимость тропических земледельцев перед стихийными бедствиями усугублялась одновременной подстройкой семейных и сельских связей под нужды региональных производственных систем, мировых товарных рынков и колониального государства». Южные колебания Эль-Нино — это совокупность естественных процессов, которые существовали задолго до возникновения капитализма и, возможно, еще переживут его: лишь в особом социальном и историческом контексте, созданном интеграцией крестьянских обществ в капиталистический мировой рынок, разрушительным воздействием имперских держав и гегемонией либеральной идеологии, эти процессы привели к таким ужасным последствиям.⁵⁷

Человеческое вмешательство в природный мир в основе своей зависит от диалектики непреднамеренных последствий, описанной Энгельсом.⁵⁸ Он полагал, что при помощи естествознания людям удастся совладать с этими вредоносными последствиями. Но этот процесс сильно заторможен нынешним господством капиталистических производственных отношений, которые поощряют применение научного знания по отношению к материальному миру (включая такие абстрактные свойства, как гены), считая его полностью обратимым и только и дожидаящимся того, чтобы его использовали. Таким образом, логика конкурентного накопления не просто вызывает глубокие экономические кризисы;

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

она представляет собой основную силу, стоящую за все более возрастающей угрозой разрушения окружающей среды. Пойманные в ловушку конкурентной борьбы за получение преимущества перед своими конкурентами, капиталы все вместе движутся к итогу, предвещающему планетарное бедствие. Сьюзен Джордждалаубедительное описание этой логики:

Также бесполезно рассчитывать на то, что транснациональные корпорации и богатые страны как-то изменят свое поведение, когда наконец поймут, что они могут уничтожить жизнь на планете, где приходится жить всем нам. На мой взгляд, им не удалось бы остановиться, даже если бы они захотели этого, даже ради будущего своих же детей. Капитализм похож на пресловутый велосипед, который должен постоянно ехать вперед или упасть, а фирмы конкурируют, чтобы выяснить, кому удастся быстрее надавить на педаль перед тем, как врезаться в стену.⁵⁹

МЕЧ ЛЕВИАФАНА

До сих пор аргументация развивалась так, как если бы капитализм считался простой экономической системой, хотя последствия ее, как мы только что видели, имеют куда более широкое значение. Однако после 11 сентября стало ясно, что такая перспектива совершенно неадекватна, что существующая система включает в себя геополитику и экономику и что конкурентные процессы, которые угрожают такими разрушительными последствиями, связаны не только с экономической борьбой за рынки, но и с военным и дипломатическим соперничеством между странами. Точка зрения, изложенная идеологами «третьего пути» вроде Энтони Гидденса и Упъриха Бека, согласно которой глобализация сделала либерально-демократическое государство «государством без врагов», теперь кажется просто смехотворной в свете объявленного Джорджем Бушем-младшим 20 сентября 2001 года глобального состояния войны: «Американцам следует быть готовыми не к одному сражению, а к длительной кампании, непохожей ни на одну из тех, что мы когда-либо ви-

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

дели... Каждая нация в каждом регионе теперь должна принимать решение, что делать. Либо вы с нами, либо вы с террористами».⁶⁰

Один из более вульгарных сторонников глобализации, обозреватель *New York Times* Томас Фридмен, оказался куда большим реалистом, чем Бек и Гиденс, когда провозгласил в часто цитируемом пассаже:

Невидимая рука рынка никогда не будет работать без невидимого кулака.

Рынки работают и процветают только тогда, когда существуют и соблюдаются права собственности, что, в свою очередь, требует политической основы, защищенной и поддерживаемой военной силой... И вправду, Макдональдс не может процветать без Макдоннелла Дугласа, создателя истребителя "F-15" для военно-воздушных сил США. И невидимый кулак, который делает мир безопасным местом для Силиконовой долины и дает ее технологиям возможность процветать, — это армия США. ее военно-морские силы и морская пехота.⁶¹

В последнее время этому кулаку становится все труднее оставаться невидимым. Скорое свержение американской военной мощью режима талибов в Афганистане в октябрь-ноябре 2001 года потрясло мир этой демонстрацией американского господства (хотя последующие боевые действия показали, что Талибан и его союзники из Аль-Каиды не были уничтожены, но покинули города, чтобы вести партизанскую войну в горах Афганистана и Пакистана). *Financial Times* подсчитала, что 379 миллиардов долларов, запланированные на оборонные расходы США в 2003 году, «превышают общую сумму военных бюджетов следующих за ними 14 крупнейших расточителей, включая Японию, Западную Европу, Россию и Китай».⁶² Историк Пол Кеннеди в конце 1980-х написал бестселлер, в котором предсказывалось, что «Соединенные Штаты теперь подвергаются риску, так знакомому историкам взлета и падения великих держав, того, что грубо можно было бы назвать "имперским перенапряжением"», поскольку стратегические обязательства США опережали их экономические возможности.⁶³ После падения Кабула Кеннеди едва удалось сдержать свой благоговейный

трепет перед американским военным превосходством. После почти любовного описания важнейшего инструмента, олицетворяющего могущество Пентагона, — двенадцати авианосных ударных групп, каждая из которых «способна принести смерть и разрушение большей части нашей планеты», — он заявил: «Важный урок [афганской войны], ошеломивший российских и китайских военных, вызвавший озабоченность индийцев и сторонников европейской оборонной политики, заключается в том, что с военной точки зрения на этом поле есть только один серьезный игрок».⁶⁴

Но в чьих интересах осуществляется эта огромная власть? Прочитированный отрывок из Фридмена дает почти вульгарно марксистский ответ на этот вопрос; к тому же предполагается, что американские военные могут служить поддержанию капиталистических отношений собственности независимо от местоположения или национальности капиталистов, извлекающих из них выгоду. Такова, во всяком случае, точка зрения, изложенная Майклом Хардтом и Тони Негри в одном из важнейших текстов антикапиталистического движения — «Империи». По Хардту и Негри, на смену империализму пришла Империя, новая форма капиталистического господства, которая «не создает территориальный центр власти и не опирается на жестко закрепленные границы или преграды... На этом выровненном пространстве Империи нет *локальности* власти — она везде и нигде».⁶⁵ Поэтому, согласно Негри,

нельзя больше говорить об «американском империализме». Просто существуют группы, элиты, которые держат в своих руках ключи от эксплуатации и, следовательно, ключи к военной машине и которые пытаются навязать себя на мировом уровне. Естественно, этот процесс крайне противоречив и будет оставаться таким еще долгое время. А пока это господство осуществляют в основном североамериканские боссы. Сразу же за ними стоят европейцы, русские, китайцы: они должны оказывать им поддержку, или бороться против них, или даже быть готовыми произвести смену лидера, но эта смена остается поверхностной, поскольку в основе по-прежнему и неизменно лежит капитал, коллективный капитал.⁸⁶

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Изложенный марксистским языком анализ Хардта и Негри не менее поразительно напоминает общепринятые теории политической глобализации. Согласно таким теориям, в эпоху, наступившую после окончания «холодной войны», наблюдалось возникновение новых форм «глобального правления», которые вышли за рамки национальных интересов, даже интересов самого сильного государства.⁶⁷ Современное осознание могущества Соединенных Штатов, по-видимому, колеблется между фрустрацией и страхом, вызываемыми американской приверженностью к «односторонним действиям», особенно после того, как в Белый дом вошел молодой Буш, и верой, что власть все чаще становится агентом безличной структуры, независимо от того, как ее называют — формирующейся «космополитической демократией» или глобальным господством «коллективного капитала».

Основная трудность для теоретиков глобального правления заключается в том, что мировое распределение политической и военной власти отличается крайним неравенством и во многом соответствует крайне неравному распределению власти экономической. На самом деле неолиберальные идеологи все чаще открыто признают необходимость односторонних притязаний Запада по отношению к остальному миру, иными словами, империализма. Одно из наиболее четких изложений такой позиции было дано Робертом Купером, чиновником Министерства иностранных дел Великобритании, близким к Тони Блэру:

Имеются все условия для империализма, но спрос и предложение на империализм иссякли. И все же слабый по-прежнему нуждается в сильном, а сильный по-прежнему нуждается в упорядоченном мире. Мир, в котором действенны и хорошо управляемы экспортная стабильность и свобода и который открыт для инвестиций и роста, — все это кажется весьма желательным.

В таком случае необходима новая разновидность империализма, приемлемая для мира прав человека и космополитических ценностей. Мы уже можем различить ее очертания: империализм, который несет порядок и организацию, но который покоится сегодня на принципе добровольности.⁶⁸

Имперские правители и их апологеты всегда утверждали, что несут тем, кто подвластен им, «порядок и организацию» — *'Solitudinem faciunt, pacem appellant'* — «И создав пустыню, они говорят, что принесли мир» — великий римский историк Тацит вложил этот ответ жертв империи в уста шотландского вождя первого века нашей эры Калгака.⁶⁹ Челмерс Джонсон, ведущий американский исследователь современной Азии, недавно в своей книге «Скорый ответ» разразился удивительной современной филиппикой против американской империи. Джонсон — фигура, до настоящего времени твердо придерживавшаяся господствующих академических и политических взглядов, — дает исчерпывающую критику американской внешней политики. Он отвергает «глобализацию» как «понятное лишь посвященным обозначение того, что в девятнадцатом веке просто называлось империализмом», и напрямую связывает восточноазиатский кризис с действиями Вашингтона: «Экономический кризис конца столетия имел в своих истоках американский проект открытия и перестройки экономик их сателлитов и зависимых стран в Восточной Азии. Цель его заключалась в том, чтобы ослабить их как конкурентов и утвердить первенство Соединенных Штатов как державы, установившей глобальную гегемонию».⁷⁰

Развивая всесторонний анализ «скорого ответа» — «непреднамеренных последствий политики, которая хранилась в тайне от американского народа», Джонсон вплотную подходит к предсказанию 11 сентября:

Терроризм по определению бьет по невинным, чтобы привлечь внимание к прегрешениям неуязвимых. Невинным двадцать первого века придется в ответ пожинать непредсказуемые бедствия от империалистических авантюров последних десятилетий. Хотя большинство американцев может почти ничего не знать о том, что делалось и продолжает делаться от их имени, вероятнее всего, им — каждому в отдельности или всем вместе — придется заплатить непомерно высокую цену за постоянное стремление их нации к господству над глобальной сценой.⁷¹

Анализ истоков американской империи у Джонсона полностью противоположен анализу Фридмена. Если последний

близок к точке зрения Хардта и Негри на американское военное могущество как инструмент глобального капитала, то Джонсон сводит экономическое к политическому: «Маркс и Ленин ошибались насчет характера империализма. Не противоречия капитализма ведут к империализму, а империализм вызывает возникновение некоторых наиболее важных противоречий капитализма. Когда эти противоречия созревают до необходимой степени, они порождают разрушительные экономические кризисы». ⁷² Но обе эти крайние позиции ошибочны. Марксистская теория империализма способна предложить нередукционистское объяснение того, как логика конкурентного накопления, рассмотренная в предыдущих разделах этой главы, может быть распространена на геополитические конфликты и военное могущество. ⁷³ Эта теория была сформулирована в начале двадцатого века для объяснения мировой экономики, объединенной промышленным капитализмом. ⁷⁴ Она содержит три основных положения:

1. Это объединение достигнуто на крайне неравной основе (что Троцкий называл «неравномерным и комбинированным развитием») и связано с экономическим и военным господством над миром горстки западных капиталистических держав.
2. Развитие промышленного капитализма в этих государствах вызвало процесс структурного преобразования: с одной стороны, с возникновением крупных корпораций и тенденцией денег и производственного капитала к слиянию в то, что Рудольф Гильфердинг назвал «финансовым капиталом», увеличилась концентрация экономической власти: с другой стороны, эти крупные фирмы тяготели к объединению со своими национальными государствами в «государственно-капиталистические тресты» (определение Николая Бухарина).
3. В результате изменились формы конкуренции: экономическая конкуренция стала неотделимой от военных и территориальных конфликтов, а последующая экономико-политическая борьба ведущих империалистических держав была скрытой движущей силой двух мировых войн.

Насколько эти три положения уместны теперь, спустя столетие после того, как они были впервые сформулированы? Ни одно из них нельзя принять без соответствующих поправок, но они по-прежнему содержат большую долю истины. Рассмотрим их По порядку.

1. Мы все еще живем в мире глубокого глобального неравенства. Колониальные империи давно исчезли, но вследствие их краха глубокая экономическая пропасть между тем, что мы сегодня называем Севером и Югом, не исчезла.⁷⁵ Формальный колониализм был особенностью мира, разделенного на множество конкурирующих национально-имперских блоков, базирующихся преимущественно на евразийском континенте. Окончательный крах старой Европы во время Второй мировой войны привел к появлению нового геополитического разделения между двумя блоками сверхдержав — глобальной империей Соединенных Штатов и ограниченным главным образом евразийской территорией Советским Союзом. Европейские империи оказались нежизнеспособными в этой новой обстановке, но освобожденные колонии по большей части, как и прежде, оставались аутсайдерами в мире, где господствовали западный капиталистический блок и СССР. Потоки прямых иностранных инвестиций после окончания Второй мировой войны были направлены в значительной мере на сам блок ОЭСР. В 1970-х годах в этот золотой круг была включена горстка наиболее преуспевающих «развивающихся» рыночных экономик. Большая часть мира — например, большинство африканских стран южнее Сахары — подвергается тому, что Майкл Манн назвал «остракизирующим империализмом», и считается недостойной даже эксплуатации:

самые бедные страны мира не интегрируются должным образом в транснациональный капитализм, а подвергаются остракизму со стороны капитализма, считающего их слишком рискованными для инвестиций и торговли. Принято считать, что этот экономический водораздел проходит между «Севером» и «Югом», хотя это слишком грубое разделение, причем не вполне справедливое с точки зрения географии. Большая часть России, Китая и центрально-азиатских республик, прежде входивших в Советский Союз, считается «Югом», тогда как Австралия и Новая Зеландия — «Севером».⁷⁶

С другой стороны, в течение двадцатого века процесс накопления распространился, хотя и крайне неравномерно, на «третий мир». Теоретики зависимости 1960-1970-х годов

(например, Андре Гундер Франк, Самир Амин и Иммануэль Валлерстайн) ошибались, когда утверждали, что капиталистическое глобальное господство означало лишь «развитие отсталости» на периферии. Различные сочетания государственного вмешательства и прямых иностранных инвестиций позволили некоторым странам стать значительными экспортерами промышленных товаров в послевоенную эпоху. Но лишь в очень редких случаях этот процесс приводит к полному вхождению обществ в «первый мир»: наиболее показательными примерами служат Испания, Греция, Португалия, южная Ирландия и Южная Корея, которые были преимущественно крестьянскими обществами, пока в 1960-х годах не пережили стремительную индустриализацию. Намного чаще районы капиталистического развития, зачастую высоко интегрированные в мировую экономику, сосуществуют с огромными зонами бедности в городах и сельской местности: такая модель встречается в Латинской Америке, Южной Азии и Китае.⁷⁷ И, как обнаружила в конце 1990-х Южная Корея, даже самые преуспевающие «развивающиеся рыночные» экономики все еще зависят от процессов принятия решений, определяемых США и другими ведущими капиталистическими государствами: в действительности, неолиберальные программы структурного регулирования, проталкивавшиеся в 1980-1990-х годах МВФ и Всемирным банком, были четко нацелены на уничтожение тех особенностей «развивающихся» рыночных экономик (например, довольно высокий уровень государственного вмешательства), которые и сделали возможной их индустриализацию.

2. В структуре капиталистической власти в развитых экономиках также что-то изменилось, а что-то осталось прежним. Организованные на национальной основе капитализмы, преобладавшие в первой половине двадцатого века, явно отходили в прошлое по мере того, как в мировой экономике разворачивался значительный процесс интеграции. Но процесс этот крайне неравномерен: экономическая глобализация зашла намного дальше в интеграции финансовых рынков, чем в торговле или инвестициях. Многонациональные корпорации, базирующиеся преимущественно в странах ОЭСР, стали наиболее влиятельными экономическими

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

игроками, но более резкие утверждения, что глобальный капитализм освободился от национального государства, в значительной степени неоправданны. Возьмем то, что является наиболее важным контрпримером. Ограниченная передача суверенитета Европейскому союзу была средством определенных и иногда, по крайней мере частично, противоречивых национальных проектов, особенно проектов Франции и Германии, и была направлена на то, чтобы предоставить европейским державам общие рычаги воздействия на Соединенные Штаты: наибольших успехов удалось добиться в области торговли, где лоббистские усилия деловых кругов выказывают глубокое понимание непреходящей экономической значимости государства.⁷⁸

3. Единственным наиболее важным изменением в структуре империализма во второй половине двадцатого века стало частичное разделение экономического и военного соперничества. До окончания Второй мировой войны экономическое и геополитическое противоборство подпитывали друг друга. В начале века Британия столкнулась с двумя претендентами на промышленное и военно-морское превосходство — Соединенными Штатами и Германией. С одним из них она неохотно вступила в союз, чтобы победить другого, но так или иначе утратила свою ведущую роль. Экономические и политические интересы также сливались в случае этих двух претендентов: в обеих мировых войнах германский империализм стремился использовать свою военную силу, чтобы захватить Центральную и Восточную Европу для получения привилегированного доступа к рынкам, ресурсам и рабочей силе; США использовали вторую войну, чтобы обеспечить итог, при котором мировая экономика стала бы открытой, а американские товары и капитал могли бы беспрепятственно циркулировать. После Второй мировой войны модели соперничества изменились: Советский Союз был геополитическим и идеологическим соперником США, но, в целом, не представлял экономической угрозы. «Холодная война» дала Вашингтону стимул и средства для объединения остальных крупных капиталистических государств — Западной Европы и Японии — под своим политическим и военным руководством. Продолжительный послевоенный бум наблюдался в

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

домании и Японии, ставших серьезными экономическими конкурентами США, но этот конфликт оставался относительно приглушенным в политическом отношении, в значительной степени из-за зависимости Бонна и Токио от американской военной защиты.

Крах советского блока в 1989-1991 годах привел к еще одному сдвигу в сторону этой модели, хотя определенная преемственность отношений сохранилась. Конечно, то, что можно назвать сверхдержавным империализмом — раздел мира между двумя геополитическими и идеологическими блоками — исчезло. Но частичная самостоятельность экономического и политического соперничества никуда не исчезла: главные геополитические соперники Америки — Россия и Китай — не были серьезными экономическими конкурентами (до сих пор); в то же самое время хронический дефицит платежного баланса США способствовал тому, что борьба за международную торговлю между «четверкой» ведущих экономических держав (США, ЕС, Япония и Канада) по-прежнему продолжается и время от времени становится более острой. Стоит отметить три особенности этой ситуации. Во-первых, как мы уже видели, военное превосходство США над другими державами значительно выросло, отчасти вследствие краха другой (хотя и оставшейся всегда намного более слабой) сверхдержавы, а отчасти — как побочный результат беспрецедентных масштабов и технологической сложности американской экономики. Во-вторых, одна за другой американские администрации предпринимали серьезные усилия для того, чтобы сохранить главенство Америки в экономической и геополитической областях и не допустить превращения какого-либо другого крупного капиталистического государства в политического соперника: именно так клинтоновская администрация использовала балканские войны 1990-х годов и расширение НАТО в Центральной и Восточной Европе для поддержания роли США как ведущей военно-политической державы на европейском континенте.⁷⁹ В-третьих, прогноз развития текущих тенденций говорит о том, что эти две области вскоре могут слиться воедино в Китае. Быстрый экономический рост мог бы превратить региональную державу в стратегического соперника.

Отсюда—двойственное отношение к Китаю американской элит, для которых экономическая динамика страны в отсутствие ее реинтеграции в мировой рынок одновременно служит подтверждением превосходства рыночного капитализма над другими социальными системами и представляет долгосрочную угрозу.

Возникшая в результате геополитическая система была прекрасно описана Сэмюэлем Хантингтоном как «странный гибрид, одно-многополярная система с одной сверхдержавой и несколькими крупными державами. Решение ключевых международных вопросов требует действий со стороны единственной сверхдержавы, но всегда при участии некой комбинации других крупных государств; однако единственная сверхдержава может наложить вето на действия комбинаций других государств по ключевым вопросам». ⁸⁰ Это положение дел помогает объяснить некоторые странности современной геополитики. Как справедливо утверждали теоретики глобального правительства, эпоха, наступившая после окончания «холодной войны», была отмечена беспрецедентно высоким уровнем координации политики ведущих капиталистических государств, нашедшим свое выражение в букете акронимов многосторонних организаций — ООН, МВФ, ВТО, НАТО, ЕС, «большая восьмерка» (G8), «большая семерка» (G7), и идеологическим отходом от превосходства национального суверенитета, предполагавшимся, например, притязанием западных держав на право осуществлять «гуманитарное вмешательство» там, где они считают нужным. Этот институционализированный процесс политической координации выполняет тройную функцию: он позволяет США объединять другие крупные западные державы вокруг своих инициатив; обеспечивает арену, на которой ведущие капиталистические государства могут определить свои разногласия и найти компромиссное решение, и предлагает средства, при помощи которых совместными усилиями можно навязывать свою волю большинству государств, не участвующих в их совещаниях. В конечном итоге это означает не преодоление межгосударственного конфликта, а его продолжение на другой территории.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

Гибридный характер существующей геополитической структуры также помогает объяснить противоречие между односторонними и многосторонними действиями во внешней политике Соединенных Штатов. Опрометчиво было бы связывать это с администрацией Буша-младшего, даже если его советник по национальной безопасности Кондолиза Райе и заявляла, что такая политика «исходит из твердых национальных интересов, а не из интересов иллюзорного международного сообщества». ⁸¹ Здесь, конечно, отразилась смена риторики по сравнению с клинтоновской администрацией, хотя именно госсекретарь Клинтона Мадлен Олбрайт с крайней заносчивостью выступала за использование крылатых ракет против Ирака в феврале 1998 года: «Если нам придется использовать силу, то это потому, что мы — Америка. Мы — необходимая нация. Мы занимаем высокое положение. Мы смотрим в будущее дальше других». ⁸² Хантингтон приводит бомбардировку Ирака как один из множества примеров односторонних действий, предпринятых США при Клинтоне. Он комментирует: «Поступая так, как если бы мир был однополярным, Соединенные Штаты также становятся все более одинокими в этом мире... Хотя Соединенные Штаты постоянно осуждают различные страны, называя их "государствами-изгоями", в глазах многих стран сами они становятся сверхдержавой-изгоем». ⁸³

Противоречие между односторонними и многосторонними действиями является структурным противоречием. США зависят от других государств в достижении своих целей и действительно иногда имеют общие с ними интересы, но они не являются простым инструментом «коллективного капитала» (как утверждают Хардт и Негри), поскольку у них имеются собственные особые интересы и большие, чем у других государств, возможности для того, чтобы их преследовать. Так обстоит дело на экономическом уровне, где США приходится считаться с другими крупными конstellляциями капиталистических интересов, например ЕС и Японии, но и на геополитическом уровне наблюдается аналогичная ситуация. Стратегическое положение США во многих отношениях сопоставимо с положением Великобритании столетней давности. Соединенные Штаты представляют собой обширный

континентальный остров, удаленный от евразийского континента, где сконцентрировано большинство мировых производственных ресурсов. Их основное военное преимущество заключается в военно-морском и воздушном превосходстве, отразившемся в роли авианосных ударных групп, о которых столь хвалебно отзывался Кеннеди, и поддерживаемом сетью баз по всему миру. Относительно небольшой профессиональный корпус сухопутных войск и морской пехоты слишком ценен, чтобы идти на риск высоких потерь (во всяком случае, они все еще вызывают острую политическую реакцию, несмотря на то, что после падения Сайгона выросло новое поколение). Как убедительно доказал Збигнев Бжезинский (помощник по национальной безопасности в администрации Картера), господство Соединенных Штатов над евразийским континентом во многом зависит от создания долго- и краткосрочных коалиций и сохранения потенциальных противников в разделенном и изолированном состоянии.⁸⁴ Но американская самонадеянность и представление, что компромиссы, необходимые для создания коалиций, слишком дорого обходятся интересам США, иногда приводят к серьезному крену в сторону односторонних действий Вашингтона. Так, Пентагон выражал недовольство ограничениями, продиктованными неповоротливостью процедур принятия решения в НАТО во время балканской войны 1999 года.

Ответ администрации Буша на 11 сентября служит иллюстрацией всех этих противоречий.⁸⁵ Непосредственная военная задача нападения на Талибан и Аль-Каиду и уничтожения их опорных пунктов в Афганистане преследовала две главные цели: устранить острую физическую угрозу Соединенным Штатам и показать миру (включая потенциальных геополитических соперников вроде России и Китая), как дорого обходится всякое покушение на американское могущество и интересы. Выполнение этой задачи неизбежно привело к созданию широкой коалиции, отчасти вследствие необходимости получения физического доступа к Афганистану путем сотрудничества с Пакистаном, спонсором Талибана, и Россией, по-прежнему доминирующей в Средней Азии. Но вскоре в администрации Буша возобладала группировка, которая хотела подчинить процесс создания

коалиции приоритетам глобальной войны под руководством Вашингтона. НАТО, которая впервые за свою историю обратилась к статье 5 Североатлантического договора, объявив нападения на США нападением на все ее государства-члены, была отодвинута в сторону. Предложения по оказанию военной помощи даже от близких западных союзников попросту были отвергнуты: победа в афганской войне должна была быть одержана *американским* оружием, что было бы очередным подтверждением *американского* могущества. Во время войны базы США распространились по всей Средней Азии: значительное увеличение американского присутствия в регионе с большими запасами энергии не было, как часто утверждали сторонники теории заговора, скрытой целью нападения на Афганистан, но, безусловно, оказалось существенной побочной выгодой.

Однако важнее всего было значительное расширение целей войны, о котором Джордж Буш-младший заявил во время своего доклада в конгрессе о положении в США 29 января 2002 года. Подтвердив в очередной раз, что «война с террором только начинается», Буш заявил, что, помимо прямого нападения на террористические сети, «наша вторая цель заключается в том, чтобы не позволить режимам, которые поддерживают террор, угрожать Америке или нашим друзьям и союзникам оружием массового поражения», и назвал Иран, Ирак и Северную Корею «осью зла».⁸⁶ Заместитель госсекретаря Джон Болтон впоследствии расширил эту сеть, назвав Ливию, Сирию и Кубу «государствами, поддерживающими терроризм, которые стремятся получить оружие массового поражения или имеют потенциал для его создания».⁸⁷ Такое развитие «доктрины Буша» создало перспективу перманентного состояния глобальной войны. Согласно Николасу Леманну, «все указывает на то, что Буш собирается использовать 11 сентября как повод, чтобы начать проводить новую, агрессивную американскую внешнюю политику, что свидетельствует об изменении общей направленности, а не о ведении конкретной войны с терроризмом». Он относит истоки этой политики к стратегическому документу, подписанному Диком Чейни, когда тот был министром обороны при Буше-старшем в начале 1990-х годов, суть которого была

подытожена одним из советников Чейни таким образом: «Соединенным Штатам важно быть готовыми к использованию силы в случае необходимости», чтобы «помешать возникновению еще одного глобального соперника в неопределенном будущем».⁸⁸

Иными словами, ведущие силы в администрации Буша воспользовались возможностью, предоставленной 11 сентября, чтобы использовать свое огромное военное превосходство для упрочения положения Америки как господствующей глобальной державы. Наверное, военная акция будет проведена против Ирака и, возможно, остальных стран, считающихся «государствами-изгоями», скорее из-за их непокорности, нежели в наказание за несоблюдение ими прав человека или международного права (другим государствам, тесно связанным с Вашингтоном, например Израилю и Пакистану, позволено безнаказанно совершать сопоставимые преступления). Создание прецедента с несколькими изгоями послужило бы предупреждением всем остальным державам. Между тем американские войска развернулись по всему свету. В начале 2002 года газета *Guardian* сообщала:

Сегодня, спустя почти полгода после нападений на Нью-Йорк и Вашингтон, США развертывают сеть передовых баз, простирающуюся от Ближнего Востока на всю территорию Азии, от Красного моря до Тихого океана.

Американские вооруженные силы орудуют в самом большом числе стран со времени окончания Второй мировой войны. Пехотинцы, моряки и пилоты разместились теперь в тех странах, где никогда прежде их не было и в помине. Цель состоит в создании платформ для совершения нападений на любую группу, которая, с точки зрения Джорджа Буша, представляет опасность для США.⁸⁹

По-настоящему опасные следствия стратегического планирования администрации Буша обнаружались, когда вскоре после выступления об «оси зла» стали известны детали «Обзора состояния ядерных вооружений». Этот документ называл Россию, Китай, Северную Корею, Ирак, Иран, Сирию и Ливию потенциальными ядерными противниками и предлагал объединить возможности ядерного и обычного оружия — например, оснастить ядерными боеголовками противобункерное

оружие, предназначенное для уничтожения враждебных лидеров, например Саддама Хусейна.⁹⁰ Такие планы в духе доктора Стрейнджлава — это не просто оригинальность нынешней администрации. В феврале 1997 года Космическое командование США объявило своей задачей «полный спектр господства», то есть американское военное превосходство на суше, воде, в воздухе и космосе, пояснив: «Хотя вызов вряд ли может быть брошен равным по силе глобальным соперником, Соединенные Штаты по-прежнему будут сталкиваться с вызовами на региональном уровне. Глобализация мировой экономики также продолжится, а пропасть между "имущими" и "неимущими" вырастет». Далее в документе описываются случаи, когда «космическое превосходство становится необходимой составляющей успеха сражения и будущей войны».⁹¹

Такое довольно наивное сопоставление высокотехнологичной войны и социально-экономических тенденций раскрывает нечто очень важное о современном мире. Реакция администрации Буша на 11 сентября (объявление постоянного состояния войны неявным образом направлено против потенциальных и действительных соперников) указывает на обеспокоенность высшего руководства крупнейшей державы в истории. Соединенные Штаты являются одновременно главным защитником капиталистической системы и агрессивным участником глобального экономического и политического соперничества. Их правители ощущают угрозу со стороны мелких упрямовцев вроде Ирака, которые в каком-то смысле играют роль метонимии куда более серьезных потенциальных соперников, например Китая. Они также боятся «неимущих», число которых растет вследствие проведения неолиберальной политики. Эти опасения отражают логику капитала, системы, которая, как я попытался показать, основана на эксплуатации и движима слепым процессом конкурентного накопления. Теперь мы видим, что этот процесс включает в себя и геополитическую конкуренцию между государствами и что утверждение военного могущества также связано с этой логикой. Следовательно, капитализм — это также империализм: он вооружается до зубов против внешних и внутренних соперников. Его арсенал растет, и вероятность того, что США или какая-либо другая держава

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

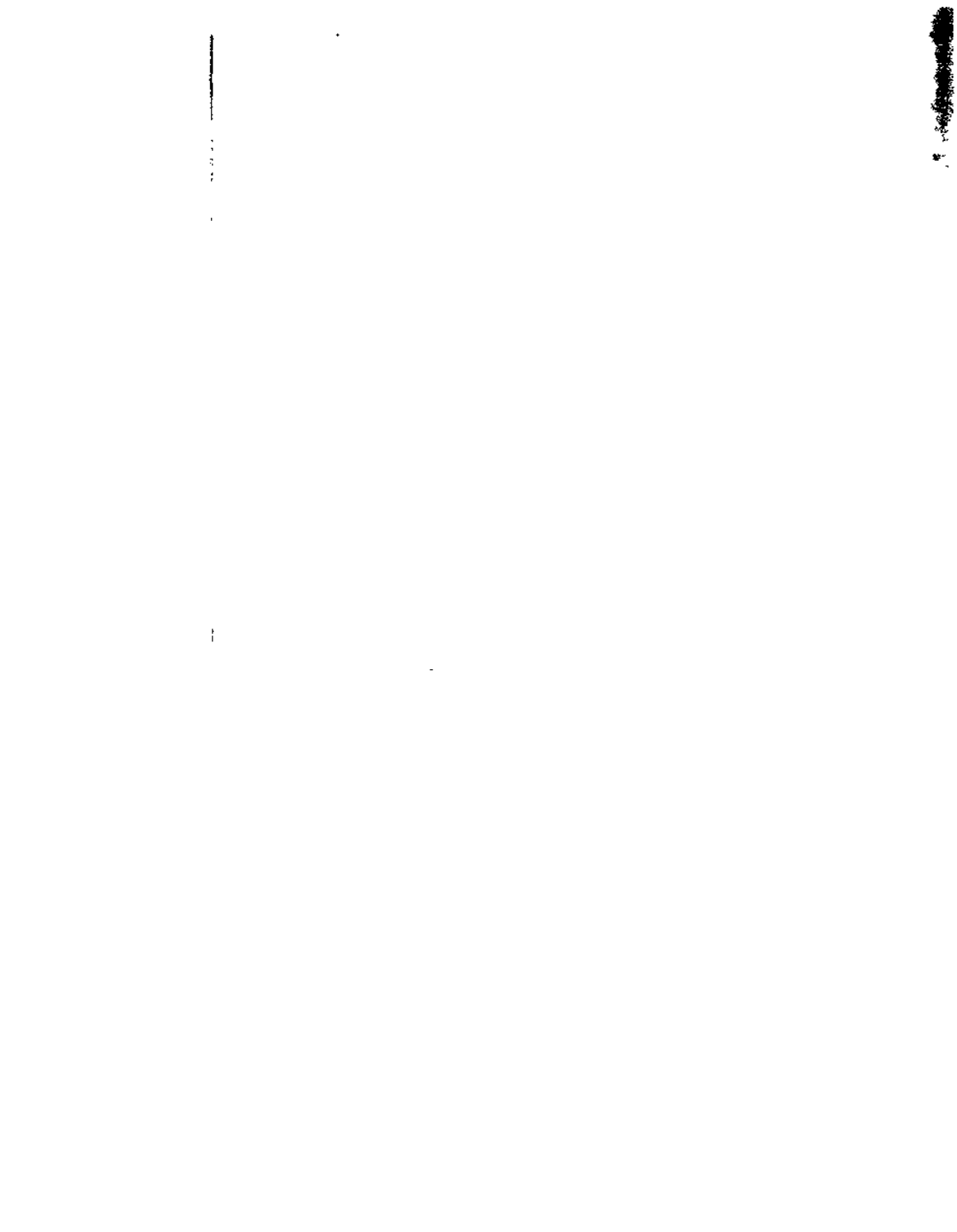
воспользуется ядерным оружием, в последующие годы только увеличится.⁹² Поэтому включение в наш анализ государственной системы вряд ли приведет к обнадеживающим результатам. Мир становится все более пугающим, а источником этого, как и других проблем, служит капитализм. Можно сказать, что в сравнительно короткой геополитической, а также в более длительной экологической перспективе он представляет угрозу для планеты. Что же нам делать с этим?

РЕЗЮМЕ

- Неолиберализму не удалось восстановить даже темпы экономического роста, которые были во время продолжительного бума 1950-1960-х годов, не говоря уже о сокращении бедности и неравенства.
- Хотя финансовые рынки дают наиболее очевидное доказательство иррациональности и бесчеловечности либерального капитализма, они представляют собой скорее симптом, нежели главный источник проблемы.
- Капитализм лучше всего рассматривать в соответствии с логикой, впервые описанной Марксом, как систему, основанную на эксплуатации наемного труда и движимую конкурентным накоплением капитала.
- Процесс конкурентного накопления ответственен за постоянную тенденцию капитализма к кризисам переинвестирования и прибыльности: финансовая спекуляция питает эту тенденцию, но не является ее первопричиной.
- Конкурентная борьба между многонациональными корпорациями, господствующими в современной мировой экономике, также служит основной движущей силой процессов разрушения окружающей среды, которые угрожают жизни человечества и множества других видов.
- Капиталистическая конкуренция принимает форму не просто экономического соперничества между фирмами, но также и геополитических конфликтов между государствами: нынешние усилия американского империализма, направленные на установление превосходства над другими великими державами, грозят миру новой эпохой войн с непредсказуемыми последствиями.

КАПИТАЛИЗМ ПРОТИВ ПЛАНЕТЫ

- Важнейшие проблемы, с которыми сталкивается человечество. — бедность, социальная несправедливость, экономическая нестабильность, разрушение окружающей среды и война — имеют один и тот же источник, коренящийся в капиталистической системе; соответственно решение этих проблем должно быть радикальным.

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

РАЗНОВИДНОСТИ АНТИКАПИТАЛИЗМА

движение против глобального капитализма весьма неоднородно. На самом деле оно даже гордится своим многообразием и способностью вмещать в себя бесконечное множество различий. Во многих отношениях это, бесспорно, является источником силы: многочисленные комментаторы отмечали красочное многообразие сил, представленных на крупных выступлениях, наподобие тех, что прошли в Сиэтле, Генуе, Порту-Алегри и Барселоне, — члены профсоюзов и панки, революционные социалисты и автономисты, активисты неправительственных организаций и коммунисты, националисты и защитники «третьего мира», сторонники движения за мир и «Черный блок», а также множество молодых людей, олицетворяющих все многообразие культуры и образа жизни своего поколения. Все это предполагает существование нескольких различных политических подходов к проблемам стратегии и принципам, которые определяют облик антикапиталистического движения. Поэтому может быть полезным перед непосредственным обсуждением некоторых из этих проблем вкратце рассмотреть некоторые основные политические подходы, которые подпадают под категорию антикапитализма. Нижеследующий перечень далеко не исчерпывающий: кроме того, хотя я старался избежать карикатурного изображения, мне, возможно, не всегда удавалось добиться в этом успеха. Также важно отметить, что, поскольку реалии идеологии и политики всегда запутаны, конкретные люди и организации на самом деле могут и не ограничиваться только одной из перечисленных ниже позиций.

РЕАКЦИОННЫЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

С момента возникновения промышленного капитализма в конце девятнадцатого века многие выступили против этой

социальной системы во имя некоего более раннего положения вещей. Дьердь Лукач назвал это «романтическим антикапитализмом».¹ Эта идеологическая конструкция довольно сложна: часто тоска по идеализированному прошлому становилась основой борьбы за достижение нового общества, которая не просто отвергала современность — в британской социалистической традиции наиболее показательна эволюция Уильяма Морриса от прерафаэлитов к революционному марксизму. В том же духе бразильские художники вынесли на демонстрацию в Порту-Алегри И транспарант с лозунгом «Заколдуем мир обратно!» Но критика капитализма с точки зрения органического досовременного порядка также была одним из основных идеологических импульсов крайне правых. В очень ценном исследовании довоенного французского фашизма Зеев Стернхелл описывает фашистскую идеологию как «синтез органического национализма и антимарксистского социализма, революционную идеологию, основанную на одновременном отказе от либерализма, марксизма и демократии». Его целью была

общинная и антииндивидуалистическая цивилизация, способная обеспечить выживание человеческой общности, где прекрасно будут сосуществовать все страты и все классы. Естественная структура этой гармоничной органической общности — Нация. Нация очищается и возрождается, когда индивид представляет собой клеточку общего организма; нация обладает моральным единством, которого никогда не удастся обеспечить либерализму и марксизму, факторам разобщения и вражды.²

Такая разновидность реакционного ответа на капитализм — увы! — во многом так никуда и не исчезла. Угроза, которую представляют современные фашистские движения, приобрела особое значение после успеха Жана-Мари Ле Пена, который в первом туре президентских выборов во Франции в апреле 2002 года вытеснил премьер-министра от Социалистической партии Лионеля Жоспена на третье место. Реакционный антикапитализм также горячо выступает против экономической глобализации: в Америке крайне правые громко протестовали против обсуждения и ратификации Североамериканского соглашения о свободной торговле в

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

1992-1993 годах и уругвайского раунда переговоров о свободной торговле, приведших в 1995 году к созданию Всемирной торговой организации. В своем интересном исследовании, посвященном этому движению, Марк Руперт пишет:

Крайне правые идеологии американской исключительности представляют транснациональную интеграцию в виде коварной угрозы особой идентичности Америки как (белой, мужественной, христианской) нации. Именно так идеологии американизма оправдывают сопротивление глобализации, а также поиск козла отпущения и потакание враждебности к тем, кто кажутся чуждыми, непохожими или не отвечающими их представлениям о национальной идентичности.³

Поскольку современное антикапиталистическое движение в Северной Америке также возникло из выступления против НАФТА и ВТО, некоторые его противники пытались дискредитировать его связью с крайне правым антиглобализмом. Это с трудом походит на правду: одна из основных движущих сил движения — интернационализм и — в особенности — солидарность с бедным и угнетенным Югом. Кроме того, развиваемая им критика капитализма, как я попытался показать в предыдущей главе, представляет собой структурную критику, направленную на логику *системы*; напротив, американские крайне правые придерживаются разновидности классической фашистской теории заговора, согласно которой клика (естественно, главным образом еврейских) международных финансистов успешно манипулирует глобальной политической экономией для построения «нового мирового порядка» под своим господством. Руперт отмечает: «Вследствие такого ориентированного на поиск виновных мировоззрения патриоты не в состоянии представить, объяснить или выступить с критикой взаимосвязанных структур и процессов, которые, по мнению левых сторонников прогресса, определяют взаимосвязь между США и глобальной экономикой».⁴

Используемые крайне правыми объяснения в духе теорий заговора указывают на узость и поверхностность смысла, в котором их идеологии могут называться антикапиталистическими. Стернхелл отмечает, что, «если фашистская идеология

стремилась к победе духа и воли над материей, она нападала на буржуазное общество и его "материалистические" ценности, но не на капитализм или частную собственность». Точно так же Генри Эшби Тернер пишет о Гитлере: «Его приверженность к экономической конкуренции и частной собственности проистекала не из рационального расчета, а скорее из его фанатичной социал-дарвинистской веры в природу человечества и человеческого общества... Гитлер был антисоциалистом по убеждению, а не из приспособленчества». ⁶ Псевдореволюционные обвинения нацистов в адрес «еврейского финансового капитала» позволили им создать массовое движение, а антима르크сизм сделал их подходящими (хотя и подозрительными) союзниками для немецких элит. Национал-социалистический режим был связан с конфликтным партнерством с крупным капиталом, в котором мобилизованные им революционные импульсы, так и не получившие воплощения на практике, были подменены истреблением расового врага. ⁷ Очевидно, что схожие процессы подмены происходят в европейских фашистских движениях и среди американских правых противников глобализации. И хотя они пока что, к счастью, действуют в намного меньших масштабах, чем в довоенной Германии, существование крайне правой критики капиталистической глобализации служит предвестием того, что могло бы развиваться, если бы более универсалистские и действительно радикальные выступления потерпели провал.

БУРЖУАЗНЫЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

Это может показаться чем-то вроде нулевой категории, подлинным выражением противоречия в терминах. Но идеологии не подчиняются закону непротиворечия. Маркс в «Манифесте Коммунистической партии» с издевкой говорит о «консервативном или буржуазном социализме», сторонники которого «хотят сохранить условия существования современного общества, но без борьбы и опасностей, которые неизбежно из них вытекают. Они хотят сохранить современное общество, однако без тех элементов, которые его революционизируют и разлагают». ⁸

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Сторонников подобных взглядов можно встретить и в современном антикапиталистическом движении. Показательный пример — Норина Херц. «Я не считаю свои идеи антикапиталистическими», — пишет она, делая вслед за этим утверждение, которое критиковалось в начале предыдущей главы: «Капитализм — это, несомненно, лучшая система для производства богатства, а свободная торговля и открытые рынки капитала привели к беспрецедентному экономическому росту если не во всем мире, то в большей его части».⁹ И все же Херц осторожно, при помощи мастерской кампании в средствах массовой информации, связывает себя с движением против корпоративной глобализации, участвуя в выступлениях протеста в Праге и Генуе и выставляя напоказ брючный костюм «антикапиталистической» Боудикки, в который она была одета как член «прогрессивной группы» на деловом Всемирном экономическом форуме в Нью-Йорке.¹⁰

Очевидно, антикапитализм нуждается в своем Томе Вулфе, чтобы препарировать современные формы радикальной моды. Но Херц представляет более широкую точку зрения. Она недовольна не тем, что капитализм существует, а тем, что он стал слишком сильным:

За последние два десятилетия баланс сил между политикой и коммерцией коренным образом изменился, все более и более подчиняя политиков колоссальному влиянию крупного бизнеса... И, поскольку значение бизнеса выросло, он фактически стал определять корпоративную публичную сферу. Корпоративное государство стало определять политическое государство.¹¹

Средств, предлагаемых Херц, естественно, достаточно, чтобы исправить эту диспропорцию. В действительности, корпорации пытаются заполнить этот вакуум, оставшийся после того, как политики умыли руки. Она говорит что «бизнес теперь во многих отношениях лучше любого другого института может играть роль основного носителя справедливости в большинстве развивающихся стран мира», и приветствует приватизацию социального обеспечения, считая ее «весьма привлекательной», если «все делать правильно». Но большинство низовых инициатив также должно оказывать давление на корпорации и правительства, чтобы они выполняли

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

свои обязательства. Херц придает особое значение результатам активной деятельности потребителей, но неоднозначно ^{ути-}сится к прямому действию: «Протест действует как уравнивающая сила по отношению к молчаливому поглощению, хотя из-за своей недостаточной открытости он столь же неза-конен, как и его противник... Молчаливое большинство рискует лишиться своей власти в пользу крикливого меньшинства». Действительно, рост апатии избирателей, который сам по себе в значительной степени является результатом упадка власти избранных правительств, может завершиться «концом самой политики—поглощением политики протестом».¹²

Вопрос о том, является или нет протестное движение открытым, представляет собой довольно серьезную проблему, и ниже я к ней вернусь. Предложенная Херц критика весьма банальна и вызывает интерес только по двум причинам. Во-первых, она иллюстрирует в особенно чистом виде склонность критиков корпоративной глобализации соглашаться с одним из основных тезисов ее наиболее вульгарных сторонников, а именно с тезисом о том, что длительная международная интеграция лишила национальные государства всякой возможности влиять на экономическое развитие. Невозможно постоянно повторять, что этот тезис ложен и приводит к опасному заблуждению.¹³ Во-вторых, Херц, несомненно, озвучивает стихийную идеологию широкого спектра деловых кругов, включающую, к примеру, растущую индустрию корпоративной социальной ответственности (КСО), феномен, который в какой-то мере сам является реакцией на протест. *Observer* заметил: «Руководство компании, вынужденное ежиться за полицейским оцеплением, не может не пойти навстречу, пораженное эмоциональностью и организационными способностями людей, которыми можно было бы пренебречь, если бы они ограничились скромным протестом».¹⁴ «Публичный договор», инициированный генеральным секретарем Организации Объединенных Наций Кофи Аннаном вместе с рядом ведущих многонациональных корпораций, представляет собой подобную попытку объединения крупного бизнеса и «гражданского общества». *Financial Times* цинично раскрыла реальные причины того,

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

почему директора компаний любят КСО. Понятно, что они не осмелятся нанести вред своим брэндам и сделать ^{так} чтобы их считали враждебными людям или планете. Но не менее важно и то, что КСО дает им возможность наполнить свои брэнды позитивными, популярными ценностями, включающими заботу об окружающей среде и правах человека. Вся прелесть в том, что она, по сравнению с дорогостоящими попытками построить такой же брэнд при помощи рекламы и связей с общественностью, обходится достаточно дешево.¹⁵

Как и попытки МВФ и Всемирного банка вступить в диалог со своими критиками, инициативы наподобие КСО представляют собой прагматический ответ на внешнее давление. Но некоторые капиталисты искренне поддерживают движение против корпоративной глобализации. Например, «Общество по поднятию шума», которое обучает активистов методам гражданского неповиновения, получило в 2001 году от «Юнилевер» 100000 долларов. Но здесь нашло свое отражение не обращение ведущих многонациональных компаний к антикапитализму, а условия, на которых «Юнилевер» завладела компанией по производству мороженого «Бен энд Джерри»: корпорация согласилась предоставить 5 миллионов долларов фонду «Бен энд Джерри» (из которого «Глобальный обмен» — одна из основных коалиций активистов — в течение трехлет получил 1 миллион долларов) и жертвовать не менее 1,1 миллиона долларов в год «группам, выступающим за социальные перемены». По словам Бена Коэна, одного из двух основателей «Бен энд Джерри», во время переговоров о поглощении «мы объяснили "Юнилевер", что ценности «Бен энд Джерри» были бы антиглобалистскими, а они сказали, что они — горячие сторонники глобализации». Интересно было бы побывать на этих переговорах. Бен и Джерри — не единственные капиталисты поколения 1960-х, оказывающие поддержку движению. Согласно Джеймсу Хардингу, Анита Роддик, основатель «Боди Шоп» и член правления «Общества по поднятию шума», «с нетерпением ожидает увеличения поддержки активистов движения против потоконок, независимых средств массовой информации, групп диссидентов и местных инициатив в сфере окружающей среды, социально ответственных начинаний и много другого».¹⁶

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

ЛОКАЛИСТСКИЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

Намерения этих деловых кругов, симпатизирующих антикапиталистическому движению, несомненно, искренни и благородны. Но их позиция поднимает вопрос, который красной нитью проходит через всю эту книгу: совместимы ли определенные ценности, поддерживаемые движением (в следующей главе я докажу, что они включают как минимум справедливость, эффективность, демократию и приемлемость), с какой бы то ни было разновидностью капитализма? Еще больший интерес этот вопрос вызывает в той части, что касается совокупности установок, которую я за неимением лучшего названия называю «локалистским антикапитализмом». Под ним я подразумеваю тех активистов и интеллектуалов, которые для преодоления недугов современного капитализма выступают за реформированную и децентрализованную рыночную экономику. Сюда входят сторонники взаимовыгодной торговли, среди которых наиболее заметна организация «Глобальный обмен», одна из движущих сил выступлений протеста в Сиэтле, и множество разновидностей «зеленой» мысли. Взаимовыгодная торговля — это, в сущности, представление о том, что потребители на Севере должны способствовать установлению более справедливых торговых отношений с производителями на Юге. Дебора Джеймс из «Глобального обмена» пишет:

Взаимовыгодная торговля означает справедливое и взаимовыгодное сотрудничество между продавцами в Северной Америке и группами производителей в Азии, Африке, Латинской Америке и других частях света. Участники взаимовыгодной торговли соглашаются подчиняться следующим требованиям:

- выплата справедливой заработной платы в местных условиях;
- предоставление работникам возможностей продвижения по службе;
- обеспечение равных возможностей для всех;
- использование приемлемых для окружающей среды методов;
- подотчетность обществу;

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

- построение долгосрочных торговых отношений;
- обеспечение здоровых и безопасных условий труда в местном контексте;
- оказание всей необходимой финансовой и технической помощи производителям.¹⁷

Взаимовыгодная торговля является локалистской в том смысле, что она ищет справедливости (по крайней мере, в первую очередь) не в преобразовании системы, а скорее в развитии честных микроотношений между рядом участников рынка, начиная с непосредственных производителей через альтернативную систему распределения до общественно-сознательных потребителей. Но этот подход позволяет без особых трудностей перейти к системной альтернативе глобальному капитализму. Колин Хайнс описал, как могла бы выглядеть эта альтернатива, называемая им «локализацией»:

Все, что можно произвести в рамках нации или региона, должно производиться. Тогда дальняя торговля сократится до поставок того, что нельзя получить из одной страны или группы сопредельных стран. Это позволило бы усилить на местном уровне контроль над экономикой и сделать ее более справедливой. Технология и информация развивались бы там и тогда, где и когда они могли бы укрепить локальные экономики. В этих обстоятельствах направленная на разорение соседа глобализация уступает потенциально более кооперативной и направленной на помощь соседу локализации.¹⁸

Цель Хайнса состоит в том, чтобы передать как можно больше власти небольшим сообществам. По сути, она соответствует целям движения «зеленых», а также критике другого британского активного участника антикорпоративных кампаний и автора Джорджа Монбиота.¹⁹ Но программа, которую пытается построить Хайнс, является грубо интервенционистской. Власть национального государства и крупных региональных групп использовалась бы для гарантии того, чтобы «капитал преимущественно оставался там, где он создан, чтобы финансировать соответствующий уровень развития и создание рабочих мест», тарифы были бы установлены в пользу отечественных товаров, а также были бы предприняты и иные шаги для обезоруживания многонациональных

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

компаний и развития мелких и средних предприятий, чем введение налогообложения ресурсов способствовало защите окружающей среды и созданию рабочих мест.²⁰

Во многом локализм напоминает идеи французского социалиста девятнадцатого века Пьера Жозефа Прудона, который считал, что правильной работе законов рынка помешала концентрация экономической власти, особенно в банковской системе; меры по сокращению этой концентрации и восстановлению влияния мелких производителей — ремесленников и крестьян — ограничили бы рыночную экономику в правах и тем самым способствовали бы достижению социальной справедливости. Это решение вызывало много насмешек и критики со стороны Маркса, который так прокомментировал прудонистское предложение отменить деньги, но сохранить экономику, основанную на производстве и обмене товаров: «С таким же успехом можно было бы стремиться к упразднению папы, сохраняя в то же время католицизм».²¹ И явная близость к прудонизму прослеживается в выводе Хайнса: «Локализация спасет рынок».²² Вопрос о том, можно ли в подобной манере проводить различие между «хорошими» и «плохими» сторонами рынка, является одним из основных вопросов, рассматриваемых в следующей главе.

РЕФОРМИСТСКИЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

Одна из заслуг аргументации Хайнса в пользу локализации заключается в том, что она обнаруживает проблему национального государства. Государство, как правило, считается одной из главных жертв экономической глобализации, но становится ли оно вследствие этого потенциальным союзником антикапиталистического движения? Хайнс отвечает на этот вопрос утвердительно. Еще больший акцент на национальном государстве как агенте желательного социального преобразования ставят те, кто в качестве альтернативы неолиберализму отстаивают возвращение к регулируемому капитализму. Именно эту позицию я предпочел бы назвать «реформистским антикапитализмом». В классическом рабочем движении «реформизм» был связан со стратегией социал-демократии,

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

явленной на достижение социализма парламентскими
твами. Некоторые современные социал-демократы счи-
что социалистическая альтернатива капитализму
Хмьше недостижима. Вместо этого они стремятся регулиро-
капитализм и делать его более человечным. Реформи-
ватские антикапиталисты отличаются от локалистов в том от-
мщении, что они считают основными полями деятельности
национальный и интернациональный уровни.

В сущности, основной вопрос состоит в том, чтобы опи-
сать цель этой разновидности антикапитализма как *возвращение*
к более регулируемому капитализму. Именно в этом
заключается задача основных течений реформистского кры-
ла движения. Патрик Бондутверждает, что в рамках того, что
он называет «новыми социальными движениями», которые
стремятся «способствовать глобализации людей и остановить
или как минимум решительно ослабить глобализацию капи-
тала»,

продолжаются споры о том, следует ли направить силы
на содействие реформам «поствашингтонского консенсу-
са» путем развития возможностей глобального государ-
ственного регулирования, в зародыше содержащихся в
организациях наподобие МВФ и Всемирного банка, ВТО,
ООН и Банка международных расчетов, или же, напротив,
непосредственной задачей должно быть лишение основ и
легитимности нынешних участков международного регу-
лирования для восстановления прогрессивной политики
в национальном масштабе.²³

Как известно, Джеймс Тобин предложил свой знаменитый
налог на валютные операции отчасти для того, «чтобы сохра-
нить и развить автономию национальной макроэкономичес-
кой и валютной политики».²⁴ Бернар Кассен, до недавнего
времени глава АТТАК, который выступает за «налог Тобина»,
и редакция весьма влиятельного ежемесячного журнала
he Monde diplomatique политически близки к Жан-Пьеру
Шевенману, лидеру «Движения граждан» и стороннику
souverainisme, восстановления национального суверените-
та. Другой серьезный лидер антикапиталистического дви-
жения, Уолден Белло, директор организации «В центре вни-
мания — глобальный Юг», открыто выступает за отмену ВТО

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

и других международных финансовых учреждений и врат к некой разновидности Бреттон-Вуддской системы.

Именно при такой относительно плюралистической глобальной системе, когда гегемонистское влияние еще не институционализировалось в ряде всеохватных и влиятельных многосторонних организаций, латиноамериканские страны и многие азиатские страны смогли в 1960-1970-х годах достигнуть маломальского индустриального развития. Именно при плюралистической системе, при Генеральном соглашении по таможенным тарифам и торговле, влияние которого было ограниченным, мягким и благожелательным к особому статусу развивающихся стран, страны Восточной и Юго-Восточной Азии смогли стать новыми индустриальными странами благодаря активной государственной торговле и промышленной политике, которая значительно отличалась от приверженности к свободному рынку, лелеемой ВТО... Именно в таком изменчивом, менее структурированном и более плюралистическом мире с множеством сдержек и противовесов нации и общества Юга смогут завоевать пространство для развития, основанного на их ценностях, их ритмах и стратегиях, избранных ими.²⁵

Но никто в движении не стремится только к такому миру относительно автономных национальных капитализмов. С одной стороны, «налог Тобина» может быть введен только в международном (хотя и не всемирном) масштабе. Наиболее подробное исследование налога, проведенное Хеикки Патомати, ученым, связанным с АТТАК, говорит о том, что он может быть введен только тридцатью государствами при условии, что они охватывают не менее 20% валютного рынка, и предусматривает создание Организации налога Тобина, которая в конечном итоге должна стать всемирным учреждением, подчиненным реформированной Организации Объединенных Наций.²⁶ Как и Тобин, Камаль Малхотра выступает за создание Всемирного финансового управления для «подчинения глобального уровня правления местному, национальному и региональному уровням, но в первую очередь — национальному».²⁷ Реформированный Европейский союз часто считается носителем искомого регулирования. Но международная деятельность необходима не только для

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

звания финансовых рынков: большинство сторонни-
ков «налога Тобина» не предполагает сохранения полученных
этого доходов в развитых экономиках, где совершается боль-
шинство валютных операций, а скорее выступает за их пере-
распределение с Севера на Юг. Одним из основных импульсов
глобалистского движения, объединяющим все его
фланги, является желание исправить глобальную несправед-
ливость. По-видимому, исполнение этого желания совершен-
но невозможно только лишь путем поддержки автономного
национального развития, поскольку люди остались бы уязви-
мыми перед всеми случайностями, проистекающими из ис-
тории и географии, не говоря уже о несправедливостях, кото-
рые способны совершать сами национальные государства.

Поэтому Сьюзен Джордж, вице-президент АТТАК и дав-
ний защитник «третьего мира», предлагает «новую, приве-
денную в соответствие с современными требованиями
кейнсианскую стратегию... не только для Соединенных
Штатов или Европы, но и для всего мира. Мы нуждаемся в
обширных антикризисных вливаниях в глобальную эконо-
мику. Они должны быть связаны с восстановлением окру-
жающей среды, уничтожением бедности и демократиче-
ским правлением». Она предполагает, что это «Планетарное
соглашение» будет проводиться в жизнь новой международ-
ной организацией и финансироваться при помощи таких
мер, как «налог Тобина» и единый налог на прибыли тран-
снациональных корпораций.²⁸ Предложения о создании
картеля международных должников, который угрожал бы
отказом от выплаты долгов «третьего мира» и, возможно,
даже его осуществил бы, в качестве средства давления на
«большую семерку», международные финансовые учрежде-
ния и крупные северные банки во многом следуют той же
логике и могут считаться способом достижения такого гло-
бального кейнсианства.²⁹

Обратной стороной этого стремления восстановить на гло-
бальном уровне разновидность более гуманного и регулируе-
мого капитализма, который процветал (по крайней мере, на
Севере) на национальном уровне в 1970-х годах, является
отказ от революции. Опять-таки наиболее ясно это было оз-
вучено Джордж:

К сожалению, должна признаться, что я больше не думаю, что в начале двадцать первого века означает «свержение капитализма». Возможно, мы готовимся стать свидетелями того, что философ Поль Вирилио назвал «глобальной катастрофой». Если она произойдет, то, безусловно, будет сопровождаться огромными людскими страданиями. Если бы все финансовые рынки и все фондовые биржи рухнули в один момент, миллионы людей оказались бы без работы. банковские крахи намного превосходили бы способность правительств предупреждать катастрофы, ненадежность и преступления стали бы нормой, и мы погрузились бы в ад гоббсовской войны всех против всех. Если угодно, назовите меня «реформисткой», но я не считаю, что такое будущее чем-то лучше неолиберального.³⁰

АВТОНОМИСТСКИЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

Если реформистский фланг движения против капиталистической глобализации характеризуется своей приверженностью к национальному государству, действующему в одиночку или сообща, как средству укрощения рынка, автономизм, напротив, отличается отказом от централизованной власти и озабоченностью особыми методами организации и деятельности движения. Я назвал этот диапазон мнений «автономизмом», потому что один из основных его источников связан с коалицией итальянских крайне левых группировок, которые впервые популяризировали этот термин в 1970-х годах. Тони Негри, соавтор «Империи», — самый известный теоретик итальянского автономизма.³¹ Язык «Империи» пропитан риторикой прославленной итальянской активистской коалиции, известной (из-за белых комбинезонов, скрывавших бронжилеты, которые они одевали на демонстрации) как *tute bianche* или (после Генуи) как *disobbedientt Tide blanche* обладают влиянием в мировом масштабе. Но автономизм во многом черпает свою силу из особого стиля, созданного антикапиталистическим движением, первоначально сформировавшимся в Северной Америке, — стиля децентрализованной «коалиции коалиций», по выражению Кевина Данахера из «Глобального обмена», организующей

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

ления протеста на основе согласия, достигаемого многими различными способами, например в группах единомышленников, ^{на} совещаниях по согласованию действий, в организационных центрах и Индимедиа.³²

Самым известным сторонником такого активистского стиля как новой формы радикальной политики стала Наоми Кляйн:

То обстоятельство, что эти кампании столь децентрализованы, не становится причиной разобщенности и фрагментации. Скорее, это разумная и даже искусная адаптация как к ранее существовавшей фрагментации в рамках прогрессивных организаций, так и к более широким культурным изменениям. Децентрализация — это побочный продукт бурного роста неправительственных организаций, которые стали заметными и влиятельными после саммита в Рио-де-Жанейро в 1992 году. В антикорпоративных кампаниях участвует настолько много неправительственных организаций, что их различные стили, тактики и цели можно согласовать только при помощи модели ступицы и спиц... Одно из главных достоинств этой модели свободной организации заключается в том, что контролировать ее оказалось необычайно трудно во многом из-за того, что она также отличается от организационных принципов институтов и корпораций, которые стали ее мишенями. На корпоративную концентрацию она отвечает беспорядочной фрагментацией, на глобализацию — своеобразной локализацией, на консолидацию власти — радикальным расщеплением власти... В игру включился даже доклад министерства обороны США о сапатистском восстании в Чьяпасе. Согласно исследованию, проведенному корпорацией RAND, сапатисты вели «блошиную войну», которая благодаря Интернету и глобальной сети неправительственных организаций превратилась в «войну целого роя». Сложность, связанная с «войной целого роя», отмечали исследователи, заключается в том, что она не имеет никакого «центрального руководства или командной структуры; у нее множество голов, и все их отрубить невозможно».³³

Как отмечается в этом отрывке, сапатистское движение было одним из основных ориентиров для автономистских антикапиталистов (главная группировка, связанная с *tute*

bianche, взяла название *Ya Basted* вслед за сапатистеками зунгом «Хватит—значитхватит!»). Первый манифест (Сапатистской армии национального освобождения (САНО) призывал к маршу на столицу. Но — возможно, из-за того, что их силы вскоре были окружены и остановлены мексиканскими военными, а выживание САНО стало зависеть от солидарности, к которой они призывали остальную Мексику и весь мир, — на первый план в их программе в основном вышло требование признания коллективных прав коренного населения как составной части более широкой демократизации Мексики, которая до президентских выборов 2000 года была однопартийным государством.³⁴ Макрос дал теоретическое объяснение этого явного отступления, сказав: «Возможно, к примеру, новая политическая мораль будет создана в новом пространстве, когда потребуется не взятие или удержание власти, а противовес и противодействие, которые ограничат и обяжут власть "править, повинуюсь"».³⁵

Но вместе с тем Макрос подчас делает заявления, близкие к *souverainistes* АТТАК и *Le Monde diplomatique*: «Сапатисты полагают, что в Мексике восстановление и защита национального суверенитета являются частью антилиберальной революции... защита национального государства в условиях угрозы глобализации необходима».³⁶ Это заметно отличается от основной идеи другого важнейшего ориентира автономистов — «Империи». В ней Негри и Майкл Хардт заявляют не просто о том, что национальный суверенитет безвозвратно заменяется имперским суверенитетом, а о том, что даже в своем наиболее прогрессивном виде, в движениях за колониальное освобождение, национализм, как правило, подавлял различие, присущее «массе» — эксплуатируемой антитезе капитала, чтобы создать однородный «народ» как воображаемое дополнение национального государства. «Стремление масс к территориальным перемещениям является мотором, приводящим в движение весь процесс капиталистического развития, и капитал должен постоянно пытаться сдерживать это стремление».³⁷ Так Хардт и другие автономисты заявляют: «Империя — враг массы, но это не означает, что прежние национальные государства — наши друзья».³⁸

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

двонормистские интеллектуалы редко обращают внимание на такие явные противоречия, отчасти из-за того, что они склонны одобрять иносказательный, метафорический язык, которым Маркое так искусно владеет. Кляйн, например, популяризируя представление об антикапиталистическом движении как о децентрализованном «рое», недавно позаимствовала еще одну метафору у Луки Казарини, одного из основных лидеров итальянских *disobbedienti*, на втором Всемирном социальном форуме:

«Вот—как же вы называете его по-английски? — оно», — сказал он. И, пользуясь эсперанто исковерканных вторых языков и жестов, распространенным среди активистов форума, он вывернул рукав своей футболки и показал мне шов.

Правильно, швы. Быть может, на самом деле изменение не имеет отношения к тому, что говорят и делают в центрах. Оно в швах, в промежуточных пространствах с их скрытой силой.³⁹

Стремительное распространение метафор, превозносящих децентрализованные формы организации, отнюдь не всегда способствует прояснению стратегии, предполагаемой этим дискурсом. Концепция массы Хардта и Негри получила широкое признание, но она скорее походит на заявление о благих намерениях, чем на серьезную аналитическую концепцию. В Порту-Алегри II Хардт в какой-то мере согласился с этим, назвав ее «политическим понятием», которое относится «не к тому, что есть, а к тому, что могло бы быть». Оно было «предназначено для демонстрации того, что классовым концепциям не нужно выбирать между единством и множественностью». Хардт назвал массу «сингулярностями, которые действуют сообща». Он сказал, что это понятие охватывает «всех тех, кто трудится под властью капитала» и что оно «аналогично классическому марксистскому понятию пролетариата, но без того обесмысливания, которое произошло с этим понятием в девятнадцатом и двадцатом веках».⁴⁰ Политическая задача идеи массы заключается в отграничении автономистов от классических левых. После Порту-Алегри II Казарини, Хардт и другие опубликовали текст, осуждающий «буржуазный левый и белый социализм рабочих европейского

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

происхождения» и приветствующий аргентинское восстание декабря 2001 года как подтверждение их альтернативного подхода:

только деятельность массы кажется единственным правомочным принципом. Не будучи проблемой, разобщенность рабочего класса и представляющих его профсоюзов создает условия для утверждения социальной множественности, способной [sic] разжечь кризис государства (включая его вооруженные силы), поскольку она может превратить провал демократии финансовых техник в беспрецедентный процесс радикальной демократии.⁴¹

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ АНТИКАПИТАЛИЗМ

На протяжении большей части двадцатого века социализм и антикапитализм были в значительной степени пересекающимися категориями. То, что ситуация коренным образом изменилась, есть следствие длительного кризиса левых, который начался в середине 1970-х годов со спада движений, возникших после 1968 года, а затем серьезно усилился после краха сталинистской системы в 1989-1991 годах. Даже антисталинистские левые были ослаблены в результате исчезновения основного режима, который, казалось, был воплощением альтернативы, хотя и бюрократической и искаженной, рыночному капитализму. Особый характер современного антикапиталистического движения отражает обстоятельства его возникновения в идеологическом климате, определенном бесспорным триумфом либерального капитализма и уходом в тень марксизма. Особенно это было заметно в Соединенных Штатах, где организованные левые занимали относительно маргинальные позиции на всем протяжении двадцатого столетия. Однако в Европе движение развивалось в заметно ином контексте. Хотя и ослабленные наступлением неолиберализма и идеологическими кризисами, наступившими после 1989 года, рабочее движение и основные организации реформистских и революционных левых все же уцелели. Принимая во внимание закат сталинизма и правую эволюцию социал-демократии, остается признать, что идея социалистической

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Альтернативы капитализму должна в значительной степени обратиться к революционным левым, преимущественно к движениям, принадлежащим к троцкистской традиции, особенно в Западной Европе.

Хотя некоторые троцкистские течения отреагировали на появление антикапиталистического движения догматически и сектантски, два основных международных троцкистских течения — IV Интернационал и Международная социалистическая тенденция — быстро осознали его потенциал.⁴² Активисты ведущей европейской организации IV Интернационала, Революционной коммунистической лиги, с самого начала играли важную роль в АТТАК; сторонники IV Интернационала из Латинской Америки и Европы активно участвовали во Всемирных социальных форумах в Порту-Алери. Между тем три крупнейших европейских филиала Международной социалистической тенденции — Социалистические рабочие партии Великобритании, Ирландии и Греции — сыграли решающую роль в развитии движения в этих странах. Но в Италии социалистическая версия антикапитализма была подхвачена куда более значительной организацией — Партией коммунистического возрождения (ПКВ). Основанная меньшинством, которое отвергло трансформацию старой Коммунистической партии в некое образование «третьего пути», левых демократов, ПКВ сумела избежать погружения в сталинистское болото и утвердилась как массовая партия, имеющая представительство в парламенте и поддержку со стороны мощных профсоюзов. Летом 2001 года ПКВ активно участвовала в выступлениях протеста в Генуе и извлекла пользу из последующей радикализации. Ее лидер, Фаусто Бертиноцци, открыто заявил о поддержке ПКВ движения против неолиберализма и войны.

Но хотя эти и другие социалистические организации прочно отождествляли себя с антикапиталистическим движением и принимали участие, иногда заметное, в его выступлениях протеста, они по-прежнему остаются в значительной степени силой меньшинства. Идея о том, что социализм является альтернативой капитализму, пока не получила широкого распространения в движении, по крайней мере на Севере. Патрик Бонд писал накануне Сиэтла: «Учитывая

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

характер кризиса (перенакопления), логично было бы совершить переход от Марковского анализа к революционной социалистической стратегии. Но степень организации тех, кто ставит перед собой такую цель, столь мала, что все усилия были бы тщетными». ⁴³ Социалистический голос в движении становится все громче. На заключительной встрече социальных движений в Порту-Алегри И бразильское «Движение безземельных крестьян», лидер которого в прошлом был маоистом, развернуло транспарант «Иной мир возможен — только как социализм». Но (несмотря на восторженный отклик, который он тогда получил) такая точка зрения по-прежнему еще очень далека от того, чтобы стать преобладающей среди противников капитализма. И именно социалисты должны показать, часто несмотря на некоторую враждебность со стороны более консервативных неправительственных организаций и автономистов, что их концепция мира подходит этому новому движению, что социализм представляет собой вероятную и осуществимую альтернативу капитализму и что организованный рабочий класс по-прежнему является решающим фактором социального преобразования. Оставшаяся часть этой книги среди прочего способствует решению этой задачи.

РЕФОРМА ИЛИ РЕВОЛЮЦИЯ?

Антикапиталистическое движение — это, бесспорно, движение новое. Но по мере своего развития оно стало сталкиваться с некоторыми старыми проблемами — проблемами, в той или иной форме встававшими перед всеми крупными движениями за социальное преобразование на протяжении последних двух столетий. Во многом в основе всех этих проблем лежит давняя дилемма реформы или революции: состоит ли цель движения в том, чтобы постепенно сделать систему более человеческой, или же необходимо полностью ее заменить, и, если ее целью является последнее, можно ли этого достичь, не прибегая к тому, что не приемлет Сьюзен Джордж, — насильственному свержению основных институтов капиталистической власти? На тот случай, если это кажется похожим

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

на диагноз, поставленный движению извне в соответствии с устаревшей повесткой дня, рассмотрим, что этот вопрос неявно говорит о ряде более конкретных проблем.

ДИАЛОГ

Существующие власти могут ответить на серьезные угрозы снизу двумя способами—подавлением и поглощением. Иными словами, они могут просто уничтожить движение, выступающее за перемены, путем использования принуждения и юридических полномочий или ослабить его, пойдя на ограниченные уступки, нацеленные на то, чтобы расколоть движение, в частности путем привлечения на свою сторону относительно умеренных элементов и изоляции радикалов. На сегодняшний день антикапиталистическое движение столкнулось с обоими вариантами ответа. Репрессивная реакция была наиболее очевидной в полицейском насилии в Генуе; антитеррористическое законодательство, принятое Соединенными Штатами, Великобританией и другими ведущими государствами после 11 сентября, представляет очень серьезную длительную угрозу всем тем, кто участвует в прямом действии. Но различные группы того, что можно было бы в широком смысле назвать международным капиталистическим истеблишментом, также предприняли усилия, направленные на установление диалога с движением.

Одним из проявлений этого служат попытки Международного валютного фонда и Всемирного банка вступить в дискуссию со своими критиками, особенно после лавины нападков, которая обрушилась на международные финансовые учреждения в конце 1990-х годов. Такой подход никак не повлиял на снижение накала антикапиталистического движения; напротив, дебаты, организованные между представителями глобального капитализма и представителями движения перед годичным общим собранием МВФ/Всемирного банка в Праге в сентябре 2000 года и на первом Всемирном социальном форуме в январе 2001 года, укрепили в движении ощущение того, что его противники несостоятельны в моральном и интеллектуальном отношении. Однако значительное число более представительных неправительственных организаций хотело вести серьезный диалог со Всемирным

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

банком и МВФ относительно предложений по их реформированию. Патрик Бонд выступил с осуждением того, что он называет «страшно опасной тенденцией среди более консервативных... неправительственных организаций и групп, выступающих в защиту окружающей среды, — кое-кто даже насмешливо называет их кооптированными неправительственными организациями — вести прагматичные, хотя в конечном итоге абсурдные и несостоятельные, переговоры с истеблишментом».*

Кто-то идет еще дальше и осуждает «неправительственные организации на службе империализма».⁴⁵ Не нужно выступать с такого рода общим осуждением всех неправительственных организаций, чтобы увидеть, что многие из них находятся в весьма двусмысленном положении. Банально считать неправительственные организации ключевой составляющей «гражданского общества». В либерально-демократическом дискурсе, который стал очень модным в 1980-1990-х годах, это словосочетание используется для описания общественных организаций и учреждений, которые занимают сферу, отличную от государства и экономики, и потому способны действовать независимо.⁴⁶ Но как раз независимыми многие неправительственные организации и не являются. Масштабная приватизация помощи в неолиберальную эпоху превратила неправительственные организации в агентства по распределению государственных средств. Одновременно относительное сокращение на Западе средств, выделяемых для оказания помощи, вынудило многие неправительственные организации бороться за частные пожертвования, побудив их использовать для получения известности мелодраматические стратегии средств массовой информации. Одним из результатов этого процесса было проведение такими неправительственными организациями, как «Врачи без границ», кампаний в поддержку западного военного вмешательства для обеспечения своей деятельности в Африке и на Балканах.⁴⁷

Эти сложные взаимоотношения с западными правительствами резко ограничили возможности ведения крупными неправительственными организациями кампаний за принятие радикальных мер для облегчения положения бедных

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

слоев населения в «третьем мире». Примером реальной зависимости многих неправительственных организаций от государства служит умение, с которым Клэр Шорт, министр по делам международного развития при Тони Блэре, вертела неправительственными организациями, иногда убаюкивая их уступками, говоря им то, что они хотели слышать о предполагаемом участии правительства в деле развития, иногда — когда они осмеливались критиковать официальную политику, как поступили многие после провала серьезного рассмотрения проблемы бедности «третьего мира» на встрече «большой восьмерки» в Генуе, а также после американских бомбардировок Афганистана, — называя их исполненными благих намерений, но глупыми невинными либералами.

Тем не менее усилия международных финансовых учреждений оказались бесплодными главным образом потому, что Всемирный банк, в частности, предложил почти ту же самую старую неолиберальную политику, приукрасив ее языком «учтенных наказов». Переименование программ структурного регулирования в «стратегии сокращения бедности» — вполне в духе Оруэлла, поскольку в действительности они привели к увеличению бедности, правда, те, кто хотели быть обманутыми, смогли ими стать.⁴⁸ Уолден Белло, быть может наиболее влиятельный стратегический мыслитель антикапиталистического движения, легко нашел подтверждение своей идеи, изложенной, например, в совместной с Никола Баллардом статье, о том, что «кризис легитимности теперь охватывает институты глобального экономического правления». Он предупреждал о «мягком корпоративном контрнатуплении» с целью «повторной легитимации глобализации». Чтобы выдержать его, необходимо бойкотировать попытки установления диалога между крупными корпорациями и «гражданским обществом». Кроме того, «самое время нажать самим и начать глобальную кампанию за нейтрализацию или роспуск международных финансовых учреждений» и «продлить кризис легитимности с многосторонних институтов глобального правления на двигатель самой глобализации — транснациональные корпорации». Участники кампании должны подчеркивать «сходство между мафией и ТНК».⁴⁹

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Другие круги предпринимали более изощренные и тонкие поглосшения. Противостояние в Генуе в июле 2001/ вызвало неоднозначную реакцию со стороны социал-демократических партий, которые в то время в значительной степени преобладали в Европейском союзе. Как и ожидалось, правительство Блэра в Великобритании осталось выжидательным по отношению к протестующим. Вскоре после встречи «большой восьмерки» *Financial Times* сообщила: «Господин Блэр сказал друзьям, что, хотя события в Генуе были «вполне допустимыми», на самом деле они могут оказаться «полезными» для тех, кто борется за дело свободной торговли и экономической либерализации». ⁵⁰ Планы Блэра начать идеологическую атаку на антикапиталистическое движение были отложены на время после 11 сентября, когда он стал играть роль представителя администрации Буша и его «войны против терроризма» во всем мире, а его правительство по-прежнему оставалось одним из самых не критичных сторонников «Вашингтонского консенсуса» на Западе.

Ответ на события в Генуе французского премьер-министра Лионеля Жоспена был совершенно иным: «Франция осуждает насилие со стороны крошечного меньшинства под предлогом высвечивания зол глобализации; но она восхищена возникновением движения граждан в масштабах всей планеты, большинство участников которого требует совместного использования потенциальных выгод от глобализации богатыми и бедными странами». ⁵¹ Другой социал-демократ, немецкий канцлер Герхард Шредер, выдвинул лозунг *die neue Mitte* (нового центра) и заигрывал с «третьим путем» Блэра, но в сентябре 2001 года он призвал к обсуждению «слабых мест» международных финансовых рынков и того, «как мы можем повлиять на эти относительно независимые финансовые потоки». ⁵² Вслед за этим французское и немецкое правительства создали рабочую группу по контролю над международными финансовыми рынками на высшем уровне — шаг, который *Financial Times* назвала «еще одним предметом гордости протестующих против глобализации». ⁵³ Заигрывание Жоспена с антикапиталистическим движением не прекратилось и после 11 сентября. Имел место ряд встреч между руководством АТТАК и членами команды премьер-

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

«стра, а в ноябре 2001 года Национальное собрание «щи приняло поправку, поддерживающую «налог Тоби-
^Порту-Алегри II наводнили французские политики, в том
не Шевенман и шесть министров Жоспена. Анри Вебер,
^ввший революционер поколения 1968 года, близкий ныне
^Лорану Фабиусу, министру финансов в правительстве Жос-
пена и лидеру правой Социалистической партии, назвал Все-
иирный социальный форум «историческим социальным дви-
жением, тесно взаимодействующим с правящими левыми».⁵⁴

Несомненно, такое внимание официальных властей оказа-
ло определенное влияние на антикапиталистическое
движение. Тем не менее оно не отражало сколько-нибудь серь-
езного намерения со стороны европейской социал-демократии
изменить курс. Несмотря на заботу, с которой Жоспен на пер-
вых порах пытался культивировать социалистический образ,
его правительство «множественных левых» проводило неоли-
беральную политику с куда большим успехом, нежели прави-
тельство его консервативного предшественника. Как отмеча-
ет Филип Х. Гордон из Института Брукинга, «Жоспен, как глава
коалиции социалистов, коммунистов и "зеленых", может, и со-
чувствовал государственной экономике, но в действительности
провел приватизацию государственных предприятий, сто-
ившую 240 миллиардов франков (36,4 миллиарда евро, 22,5
миллиарда фунтов стерлингов)—больше, чем шесть последних
французских правительств вместе взятых».⁵⁵ Нетрудно понять,
почему Жоспен и Шредер стремились сблизиться с движени-
ем, которое показало свою способность мобилизовать массовую
поддержку, незадолго до весьма ожесточенных выборов во
Франции и Германии. Неудачи наподобие унижительного по-
ражения Жоспена на президентских выборах 2002 года, ско-
рее всего, приведут к тому, что отдельные европейские социал-
демократы будут прилагать еще большие усилия, чтобы
объединиться с антиглобалистским движением. Однако для
движения опасность заключается в том, что в результате этого
процесса оно может оказаться беззубым.

НАСИЛИЕ И ГОСУДАРСТВО

Другая ответная реакция истеблишмента — подавление —
также создает трудности для антикапиталистического

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

движения. Как мы видели, особенно среди автономистов, общим местом стало прославление рассеянной, фрагментированной структуры «движения движений» как стратегического достоинства, которое позволяет ему обходить централизованную власть его противников. Наоми Кляйн одобритительно цитирует Мод Барлоу из Совета канадцев: «Мы стоим перед валуном. Мы не можем сдвинуть его, поэтому мы попытаемся проползти под ним, обойти его и перелезть через него».³⁶ Но что если валун — в виде капиталистического государства — не смиренно стоит на месте и дает противникам себя обойти? Что если он начнет давить их? Один из наиболее драматичных эпизодов выступлений протеста в Генуе произошел 20 июля 2001 года, когда различные группы начали проводить акции прямого действия по всему городу. *Tute bianche*, которые специализируются на ненасильственной уличной тактике, объявили войну «большой восьмерке» и пообещали прорваться в охраняемую «красную зону», где проходила встреча на высшем уровне. Их личный состав, располагавшийся на стадионе Карлини, был оцеплен значительными силами вооруженных до зубов карабинеров. И в результате последующих уличных столкновений полицией был застрелен Карло Джулиани. Вскоре после этого лидер *tute bianche* Лука Казарини сказал в своем интервью:

Полиция была настроена агрессивно. Мы дали отпор, я считаю наш ответ политическим фактом. Тем не менее для нас было бы безумием и политическим самоубийством придерживаться милитаристской тактики. В Генуе были все силы правопорядка, армия, спецслужбы восьми самых мощных — как в экономическом, так и в военном отношении — наций на планете. Наше движение не может сравниться с таким типом военной силы. Нас раздавили бы за три месяца... Два-три года назад мы много думали о том, как действовать в конфликте, не становясь деструктивными. Наши методы были другими: мы открыто заявляли, что мы намеревались сделать, давая знать, что, если полиция нападет на нас, мы сможем защититься только с помощью щитов и другой экипировки. Таково было наше правило, потому что было важно, чтобы мы установили и преодолели разногласия относительно целей, которые мы перед собой ставим. Мы думали, что в Генуе все пройдет как обычно. Они

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

обманули нас... Полицейские использовали огнестрельное оружие, хотя они уверяли нас, что они не пойдут на это. Право на проведение демонстрации, которое [итальянский министр иностранных дел Ренато] Руджеро признал неотъемлемым правом, было раздавлено под колесами полицейских бронемашин.⁵⁷

Правое правительство Сильвио Берлускони неожиданно изменило правила игры. При этом оно привлекло внимание к истине, давным-давно отмеченной классическим марксизмом, что государство, как сконцентрированное и организованное насилие, играет роль последнего оборонительного рубежа капиталистических отношений собственности. После Генуи в рамках антикапиталистического движения начались активные споры о том, стоит или нет отказаться от массовых выступлений протеста из страха, что они могут привести к насилию как со стороны полиции, так и со стороны «Черного блока» (который, как полагали многие, был наводнен агентами-provокаторами).⁵⁸ Но еще более остро после Генуи встал вопрос о том, каким образом движение может противостоять централизованной власти капиталистического государства, не воспроизводя иерархических и авторитарных структур, которым оно пыталось бросить вызов. Решению этой проблемы прославление фрагментации и рассеивания ничем помочь не может.

ИМПЕРИАЛИЗМ И ВОЙНА

Если Генуя обнажила облик государственного насилия во внутренней политике, то война в Афганистане показала, как оно выглядит в политике внешней. 11 сентября повергло в замешательство даже самых воинственных реформистских лидеров. В спорах после Генуи 20-21 июля 2001 года Белло был одним из тех, кто настаивал на том, что движение не должно отказываться от улиц.⁵⁹ Тем не менее он оценил Геную как «триумф», который был «почти испорчен» насилием «Черного блока». 11 сентября заставило движение уйти в оборону, тогда как успешная встреча ВТО в Дохе в ноябре 2001 года показала, что «другая сторона поумнела»: «война против терроризма» позволила глобальному истеблишменту

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

сколотить единый фронт и вынудила ее противников бороться. Движению оставалось «бороться за то, чтобы перехватить инициативу».⁶⁰

Этот анализ был не столько ошибочным (11 сентября вызвало замешательство у североамериканских активистов, а Доха была безусловной победой сторонников неolibеральной глобализации), сколько односторонним. В нем было упущено то, что на фоне радикализации, последовавшей за Генеуей, неприятие войны в Афганистане и солидарность с народом Палестины привели к расширению движения в Европе и перерастанию его в движение против империализма и войны, а также глобального капитализма. Не выраженным явно в анализе Белло (с которым согласилась Сьюзен Джордж и другие представители руководства АТТАК) было представление о сопротивлении корпоративной глобализации как о деле, отличном от кампании против милитаризма и войны. Но, как мы видели в предыдущей главе, эти проблемы не так-то легко отделить друг от друга. В своей более серьезной аналитической работе Белло продемонстрировал глубокое понимание взаимосвязи между империализмом и капиталистической глобализацией; для будущего антикапиталистического движения жизненно важно, чтобы это понимание стало еще и практикой.⁶¹ Возможно, осторожность, проявленная руководством АТТАК, которое не перевело, по крайней мере сразу, свое формальное неприятие «войны против терроризма» в активную деятельность, стала отражением довольно традиционной склонности реформистов считать политику и экономику самостоятельными практиками, а не сторонами единого целого.⁶²

КЛАСС И ВЛАСТЬ

Стремление администрации Буша к войне делает еще более острой проблему, поставленную выступлениями протеста в Генеуе. Вызов, брошенный развивающимся движением неolibерализму и войне, приводит к конфликту с глобальными структурами экономической и военной власти. Безотносительно к альтернативе, предлагаемой этим структурам, каким образом можно противостоять широким возможностям принуждения и разрушения, которые они в себе заключают? Автономистский ответ, по сути, равнозначен уклонению от

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

I проблемы. Тони Негри открыто описывает свою политическую стратегию при помощи метафор уклонения и массового бегства:

когда мы говорим «уклонение», мы не обращаемся к негативному лозунгу. Он был негативным, когда уклонение выражалось только в терминах коллективного отказа: когда капитал и только капитал один мог распоряжаться всеми средствами производства, тогда коллективный отказ, уклонение могло быть только негативным. Сегодня, если кто-то уклоняется, сопротивляется властным отношениям или узам знания, властным отношениям или узам языка, он делает это с силой [*puissante*], возникающей в самый момент отказа. В условиях этого производства — не только субъективности, но и материальных товаров — уклонение становится важнейшим краеугольным камнем борьбы. Чтобы обнаружить такую модель, следует рассмотреть мир хакеров. Дело в моделях или создании сообществ, использующих этот самый момент «удаления», то есть тот самый момент, когда кто-то отвергает или уклоняется от капиталистической организации производства, капиталистического производства власти.⁶³

Вряд ли это можно назвать ясным изложением стратегии, но здесь, по-видимому, происходит сближение с локалистской идеей создания сообществ альтернативного производства и распределения, не зависящих от господствующих экономических отношений. Очевидная сложность этой стратегии уклонения заключается в том, что в ней ничего не говорится об огромной концентрации производственных ресурсов в руках капиталистических классов и связанных с ними государств. В конечном счете, именно этому крайне неравному распределению пытается бросить вызов антикапиталистическое движение, ибо оно служит источником многих проявлений несправедливости и страданий в сегодняшнем мире. Кроме того, это распределение означает, что любая попытка развития альтернативных экономических отношений происходит в крайне неблагоприятных условиях и подвержена постоянной опасности поглощения. К чести Колина Хайнса, нужно отметить, что, отстаивая локализацию как альтернативу неолиберальной глобализации, он открыто озвучивает эту проблему:

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

ТНК ... будут использовать всю свою финансовую и политическую мощь для противодействия этой форме локализации, поскольку она в значительной степени подрывает основу их могущества. Однако если бы движения граждан попытались склонить влиятельные правительственные группы в Европе и/или Северной Америке использовать свою политическую власть для внесения необходимых изменений в правила торговли, оказалось бы, что способность политиков влиять на эти предприятия часто недооценивается. Властные центры международного бизнеса по-прежнему имеют национальную основу, хотя филиалы многих из них разбросаны по всему миру. Поэтому контроль над их деятельностью отнюдь не недостижим для национального и экономического блока регулирования.⁶⁴

Стратегия Хайнса, по сути, ничем не отличается от стратегии большей части умеренного руководства АТТАК. Но это возвращает нас к проблеме, поставленной ранее: что должно заставить национальные государства отказаться от их нынешней приверженности к политике «Вашингтонского консенсуса»? На этот вопрос невозможно ответить, не рассмотрев социальную структуру современного капитализма. Движение против корпоративной глобализации представляет собой не что иное, как ответ на сохранение и рост структурного неравенства на глобальном и национальном уровнях. В прошлом это неравенство осмыслялось при помощи различных теорий класса. Но серьезные поражения, понесенные организованным рабочим классом на Севере в последней четверти столетия, способствовали укреплению убежденности в том, что современные общества — по крайней мере в развитом капиталистическом мире — не могут быть поняты при помощи классовых концепций. Постмодернизм был, возможно, наиболее влиятельной попыткой теоретического обоснования этой убежденности, предложив образ фрагментированного мира, в котором мобильные индивиды образуют множественные и меняющиеся идентичности, оторванные от производственных отношений.⁶⁵ Концепция массы Хардта и Негри представляет собой своего рода компромиссное образование, попытку приспособить эту тематику множественности и сложности к системе взглядов, признающей, что различные субъективности могут действовать сообща.

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Вера в то, что классу пришел конец, всегда была ложной, а сейчас она окончательно похоронена. С одной стороны, как правило, признается, что богатство и власть все больше и больше концентрируются наверху глобальной социально-политической иерархии. С другой стороны, процессы пролетаризации, которые Маркс и Энгельс описали в «Манифесте Коммунистической партии», продолжают в мировом масштабе. Следствием произошедшей глобализации капитала должно было стать увеличение числа наемных работников во всем мире. По оценкам исследования, проведенного в 1995 году Всемирным банком, из общемирового числа работающих, составляющего 2474 миллиона человек, 880 миллионов человек работали по найму, по сравнению с 1000 миллионов человек, работающих на себя на земле, и 480 миллионами человек, работающими на себя в сфере промышленности и услуг.⁶⁶ Численность наемных работников здесь занижена, поскольку в последнее время имел место значительный приток людей из сельской местности в города «третьего мира», отразивший то обстоятельство, что многие крестьяне и многие экономические участники, относящиеся к неформальному сектору, не в состоянии выжить без периодической и неполной занятости по найму.

О чем говорят эти статистические данные? По Марксу, значение класса заключается в его отношении к *власти*. Капитал, настаивал он, — это не некая самостоятельная сущность, а отношение: прибыль капиталистов происходит из эксплуатации наемного труда. Это давало рабочим возможность, когда они действовали сообща, нанести капиталистическому классу тяжелый удар, забрав свою рабочую силу и, следовательно, перекрыв поток прибавочной стоимости; но, утверждал Маркс, у рабочих были совместные возможности и интересы, требующие свержения капиталистических производственных отношений и замены их новой формой общества, в котором больше не существовало бы ни классов, ни эксплуатации.⁶⁷ Именно эта прочная взаимосвязь между классом и властью, по-видимому, служит главной причиной того, почему многие из тех, кто придерживаются традиционных левых взглядов, больше не придают серьезного значения классовому анализу: они не считают рабочий класс силой социального преобразования.⁶⁸

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Как я уже говорил, этот скептицизм в значительной степени является откликом на относительную маргинализацию профсоюзов в развитых экономиках с конца 1970-х годов. Но этот бесспорный факт необходимо рассматривать в соответствующем контексте. Понесенные поражения, особенно отдельными авангардными группами промышленных рабочих — например, автомобилестроителями предприятий «Фиат» в 1979-1980 годах британскими шахтерами в 1984-1985 годах, — были составной частью масштабного процесса реструктуризации капитала в ответ на вступление мировой экономики в эпоху кризисов в начале 1970-х годов. Это связано с резким «сокращением» традиционного производства и добывающей промышленности на Севере и переносом некоторых трудоемких производств в более развитые области Юга. Но даже там, где промышленная рабочая сила сократилась в абсолютном выражении (что ни в коей мере не является общей тенденцией развитых экономик), рост производительности означает, что промышленные рабочие обеспечивают намного больший выпуск продукции на душу населения, чем прошлое поколение. Хотя доля промышленного производства в национальном доходе в целом сократилась, этот сектор продолжает играть стратегическую роль в экономике, особенно по экспортным показателям и рентабельности. Между тем масса работников сферы услуг в частном и государственном секторах оказывается зависимой от того же гнета эффективного производства, который испытывают и промышленные рабочие. Спрос правительств и работодателей на большую трудовую гибкость, безусловно, создал общий климат ненадежности, но не превратил рабочую силу во временных работников: в 2000 году 92% работающих в Великобритании имели контракты на постоянную работу по сравнению с 88% в 1992 году.⁶⁹ Точно так же прямые иностранные инвестиции, как мы уже видели, были направлены в более развитые области «третьего мира»: многонациональные корпорации приходили туда, где они могли найти высококачественную инфраструктуру и стабильную ихоршо подготовленную рабочую силу. Эти последние качества опять-таки дают этим рабочим стратегические экономические позиции, которыми, как показало развитие рабочих движений в странах «третьего мира», они не замедлили воспользоваться.⁷⁰

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Это обычное краткое описание основных социальных сдвигов последней четверти прошлого века говорит о том, что проблема рабочего класса не является структурной, никакого исчезновения рабочего класса из производственных отношений не произошло. Скорее произошло исчезновение общности, то есть той ее степени, в которой разнородные группы наемных работников могли успешно превращаться в коллективного актора.⁷¹ Разбитый, разобщенный, сведенный к отдельным своим членам организованный рабочий класс в развитых экономиках отказался от самостоятельной центральной роли, которую он играл во время крупных социально-политических потрясений конца 1960-х — начала 1970-х годов. Как стали осознавать некоторые профсоюзные лидеры, возникновение антикапиталистического движения позволяет профсоюзам пойти в наступление в составе широкой коалиции против неолиберализма. Одновременно масштабное участие профсоюзов придает антикапиталистическим выступлениям социальную значимость, которой в противном случае им бы недоставало. Присутствие профсоюзов было важной особенностью самых значительных до сего дня выступлений протеста — Сиэтла (ноябрь 1999 года), Квебек-Сити (апрель 2001 года), Генуи (июль 2001 года), Барселоны (март 2002 года), Севильи (июнь 2002 года).

Признание стратегической роли организованного рабочего класса ни в коей мере не угрожает по праву высоко ценящему многообразие антикапиталистического движения. Оно не подразумевает признания морального превосходства требований рабочих над требованиями других групп, угнетаемых глобальным капитализмом. В своих зрелых экономических сочинениях Маркс не утверждал, что рабочий класс *страдал* больше других: он прекрасно осознавал, что материальное положение большинства промышленных рабочих в целом было лучше положения большинства крестьян (в наши дни, как и тогда, крупнейшей группы непосредственных производителей на планете). Требование справедливости означает равный для всех доступ к ресурсам, необходимым им для жизни, которую у них есть основания ценить: таково требование, основанное на потребности, а не на производственном вкладе.⁷² Значение рабочего класса проистекает из

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

возможностей, которыми он располагает для осуществления требований справедливости: поскольку его эксплуатация жизненно важна для функционирования капитализма! Рабочий класс совместными усилиями способен прервать, парализовать и реорганизовать производство, а следовательно, направить экономическую жизнь на иной набор прискорбностей. Чтобы рабочие действительно начали играть эту роль, необходимо коренное изменение политической культуры профсоюзов. Это означало бы отказ от того, что Грамши называл «экономико-корпоративным» подходом, выдвигающим на первый план исключительно непосредственное улучшение материального положения рабочих и стремление к «социальному партнерству» с капиталом, которому профсоюзные лидеры преданы целиком и полностью, в ущерб интересам членов профсоюзов. Точнее, рабочим необходимо выработать осознание себя как составной части гораздо более широкой глобальной общности угнетенных, которая на Юге включает в себя огромное число полупролетарских городских слоев, крестьян и батраков. Не менее важным следствием участия рабочих в антикапиталистических выступлениях в «первом» и «третьем» мирах является то, что оно может способствовать возникновению такого осознания, трогательно описанного работником Единой пересылочной службы Дутом Сэбином во время выступлений протеста в Сиэтле: «Я привык думать, что те дети, говорившие об окружающей среде, были просто чокнутыми. Теперь я думаю, что они — часть большого "Мы", которое столкнулось с необходимостью изменить мир».⁷³

Но также необходимо, чтобы изменились и антикапиталисты. Ким Муди проникательно писал об «относительной неподвижности рабочего класса», отмечая: «Само положение в производстве и накоплении, которое позволяет этому классу остановить жизнь общества, привязывает его к определенному месту. Его многочисленность и ограниченный доход не позволяют ему быстро перемещаться на большие расстояния». Муди противопоставляет этому «высокомобильное, непропорционально молодое ядро глобального движения за справедливость», влияние которого связано с «мобильностью его активистов — по всему миру и на улицах — и его

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

«ческой смелостью». ⁷⁴ Этот контраст не обязательно являет вред. Тони Блэр пренебрежительно назвал антикапиталистическое движение «бродячим цирком анархистов». На самом деле точнее было бы назвать бродячим цирком глобальную элиту участников встреч на высшем уровне. Крупнейшие антикапиталистические выступления отразили своеобразную диалектику локального и глобального, когда сообщества активистов действительно перемещаются по континенту или даже с одного континента на другой, но когда большую часть демонстрантов составляет местный рабочий класс. Рабочее движение на северо-западе Соединенных Штатов сыграло решающую роль в выступлениях протеста в Сиэтле; большую часть протестующих в Квебек-Сити составляли члены профсоюза французской Канады, в Генуе — итальянские рабочие и молодежь; в Барселоне — молодежь и члены профсоюзов города и остальной части Каталонии. Точно также второй Всемирный социальный форум в Порту-Алегри в феврале 2002 года был поддержан прежде всего молодежью, рабочими и сельскими жителями из города и прилегающих территорий Рио-Гранде-До-Сул. В такие моменты старый добрый лозунг «зеленых» — «Думай глобально, действуй локально!» — приобретает реальное значение.

Политический стиль некоторых антикапиталистов может стать серьезным препятствием для участия в движении представителей профсоюзов. Метод организации в виде групп единомышленников и принятия решений на основе консенсуса, цель которого состоит в обеспечении максимальной открытости, может привести к обратному эффекту. Решения, основанные на единогласии, могут быть отражением реальных усилий, направленных на достижение согласия, но они также могут способствовать упразднению дискуссий и принятию решений в ходе закулисных переговоров между сильными участниками, которые при демократии на самом деле не учитываются. Итогом может стать множество раздельно организованных и руководствующихся различными мотивами выступлений протеста, что может привести к распылению сил и возникновению неразберихи. Часто такому стилю организации присуще представление о протесте как о форме самовыражения, а не политического действия.

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

нацеленного на достижение определенных результатов, разительные аспекты крупных антикапиталистических выступлений протеста действительно соблазнительны, но могут также привести к демонстрации эгоистических, иногда опасных форм индивидуализма. Приравнивание некоторыми антикапиталистами демократии к индивидуальной независимости кажется более близким к либерализму, нежели к какой-либо альтернативе, основанной на солидарности. В сочетании с горячей враждебностью к профсоюзам, выказываемой время от времени автономистами, такое поведение может вызвать у обычных рабочих чувство неприязни. Демократия, основанная на принципе большинства, имеет свои недостатки (прежде всего, способность большинства отвергать инакомыслие), но когда она работает так, как надо, она способствует всестороннему обсуждению, поскольку весомость аргументации действительно может повлиять на итог, и ведет его участников к принятию ответственности за решения, выработке которых они содействовали. До сих пор эти проблемы были относительно несущественными — масштабы, участие молодежи и накал выступлений протеста являются силой притяжения, а не отталкивания, вызванного эгоизмом и высокомерным поведением отдельных активистов, но развитие движения потребует куда более серьезного и рефлексивного рассмотрения природы собственной демократии, нежели то, что имело место до настоящего времени.

Эти соображения важны со стратегической точки зрения, а не только вследствие того значения, которое могут иметь этические принципы, лежащие в основе движения. Главными социальными силами, участвовавшими в декабре 2001 года в восстании против неолиберализма в Аргентине, были безработные и те, кого расплывчато называют «средним классом» (преимущественно обеспеченные служащие). Соседские народные собрания, оказавшиеся основной формой организации восстания и массового движения, повсеместно превозносились как рождение новой разновидности прямой демократии.⁷⁵ Однако они были не представительными органами, а собраниями активистов. Организованный рабочий класс Аргентины по-прежнему остается во власти перонистской

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Федерации профсоюзов, которая из-за националистической приверженности ее руководства к партнерству с политиками истеблишмента наподобие перониста Эдуарде Дуальде, приведенного к власти восстанием, почти не участвовали в массовом движении. Это состояние фрагментации, как мы видели раньше, открыто приветствовалось автономистами, которые считают его «условием утверждения социального многообразия» для прихода массы. Но, скорее всего, оно приведет к ситуации, когда народные собрания, испытывая нехватку социальных сил для проведения коренных преобразований, уменьшатся в размерах и станут изолированными, позволив неоллибералам и популистским правым и, может быть, даже военным перехватить инициативу.⁷⁶ Антикапиталистическое движение, которое не стремится завоевать поддержку рабочего большинства, в конечном итоге потерпит поражение.

НЕИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕВЫЕ?

Существование в рамках движения таких различных точек зрения по сложным вопросам само по себе является стратегической проблемой. Витторио Аньолетто, например, опирается на такое многообразие в попытке создания того, что он называет «неидеологическими левыми»: «Наше движение не считает мир классическим полотном, которое мы должны только копировать, чтобы смочь что-то изменить... Если бы мы придерживались какой-то идеологии, мы не были бы плюралистическим движением».⁷⁷ За подозрением в «идеологии», озвучиваемым Аньолетто, часто стоят горькие воспоминания о догматизме традиционных левых организаций. Многие старшие активисты — это ветераны движений 1960-1970-х годов, привыкшие называть себя «марксистско-ленинским» авангардом. Последовательное стремление отдавать приоритет социальным движениям, а не политическим организациям отразилось в запрете на формальное представительство политических партий на Всемирном социальном форуме.⁷⁸

В действительности этот запрет чаще нарушался, чем соблюдался. Соседство формально независимых всемирных парламентского и муниципального форумов наводнило

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

Порту-Алегри II политическими деятелями европейской социал-демократии. К тому же даже самым наивным наблюдателям было очевидно, что временами Всемирный социальный форум использовался Бразильской рабочей партией (которая была правящей в Порту-Алегри и Рио-Гранде-Ду-Сул) в предвыборных целях. Но намного важнее эксплуатации антикапиталистических форумов избранными политиками наличие различных идеологических политических течений в самом движении. Различные тенденции, описанные мною ранее в этой главе, предлагают противникам неолиберализма различные анализы, стратегии и программы. В сущности, они представляют собой политические партии, называют они себя таковыми открыто или нет. Аньоетто справедливо подчеркивает плюрализм антикапиталистического движения, но это означает не отсутствие идеологии, а скорее присутствие соперничающих идеологий.

Существование такого противоречия между различными позициями признается все чаще. Майкл Хардт, например, выделяет два основных подхода, представленных в Порту-Алегри II. — тот, что я назвал реформистским антикапитализмом, который противопоставляет неолиберализму национальный суверенитет, и альтернативу, которая «более открыто выступает против самого капитала, регулируется он государством или нет», и которая «выступает против каких бы то ни было национальных решений и стремится к демократической глобализации». Но, продолжает Хардт,

было бы ошибкой... пытаться объяснить это разделение в соответствии с традиционной моделью идеологического конфликта между противостоящими сторонами. Политическая борьба в век сетевых движений больше не ведется таким образом. Несмотря на очевидную силу, занявшие центр сцены и обладающие наибольшим представительством на Форуме в конечном счете могут оказаться теми, кто проиграет борьбу... В конечном счете они также будут сметены массой, которая способна превращать все установленные и централизованные элементы во множество узлов своей бесконечно обширной сети.⁷⁹

Несмотря на то, что Хардт обращается здесь к новизне «сетевых движений», идея о том, что политические разногласия

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

или иначе стихийно решатся благодаря логике самой борьбы, имеет долгую историю. Например, она преобладала во времена II Интернационала (1889-1914) в реформистской версии, предложенной Карлом Каутским, или в революционном подходе, отстаивавшемся Розой Люксембург. Все различные версии в действительности отрицают всякую специфику политики, и соответственно они не в состоянии осознать степень, в которой успех движений зависит от действительного озвучивания идеологий и организованного следования политическим стратегиям.⁸⁰ Само возникновение стратегических проблем, описанных выше, достаточно отчетливо свидетельствует о том, что антикапиталистическое движение не так уж свободно от этих с трудом завоеванных истин. При этом существование систематически различных подходов к данным проблемам не является тем, о чем следует особенно сожалеть. Это, напротив, признак развития движения. Подлинным испытанием станет сохранение как можно более широкого единства движения (особенно во время постоянно возникающих различных массовых выступлений и форумов) и одновременно открытое обсуждение вопросов анализа, стратегии и программы, вызывающих в нем разногласия.⁸¹

РЕЗЮМЕ

- Антикапиталистическое движение далеко от идеологической однородности: оно охватывает множество политических течений.
- Буржуазный антикапитализм соглашается с неолиберальным утверждением, что рыночный капитализм предлагает решение проблем человечества, но заявляет о том, что он должен стать более восприимчивым к критике со стороны «гражданского общества».
- Локалистский антикапитализм стремится установить микротношения между производителями и потребителями, которые способствуют социальной справедливости и экономической самодостаточности и тем самым позволяют рынкам функционировать должным образом.

РАЗНОВИДНОСТИ И СТРАТЕГИИ

- Реформистский антикапитализм отстаивает возврат к регулируемому капитализму послевоенной эпохи путем изменений на международном уровне (например, «налога бина»), которые вернули бы большую экономическую власть национальному государству.
- Автономистский антикапитализм видит в децентрализованных сетевых формах особенностей организации движения* стратегический и этический ресурс, на основе которого возникнет альтернатива капитализму.
- Социалистический антикапитализм (позиция, подробно описанная в следующей главе) утверждает, что единственной альтернативой капитализму, отвечающей требованиям современности, является демократическая плановая экономика.
- Идеологическая разнородность антикапиталистического движения проявляется в ряде противоречий и споров, в основе которых лежит старая дилемма реформы и революции: необходимо разработать общую структуру, в рамках которой эти различия могут осмысляться и обсуждаться, не ставя под угрозу единство движения.

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

АНТИКАПИТАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ

Во время первомайской демонстрации в Лондоне в 2001 году группа велосипедистов везла транспарант, гласивший: «Избавимся от капитализма и заменим его чем-то получше!» Лозунг был намеренно ироническим, чтобы обратить внимание на неопределенность представления антикапиталистов об альтернативе существующей системе. Оно охватывает смесь мотивов, способствующих развитию движения с момента его возникновения в 1990-х—сильное отвращение к существующему и пока что довольно неясная надежда на то, что может быть создано нечто лучшее. Чем большие усилия будут предприниматься для того, чтобы дать этой надежде более четкое выражение, тем яснее будет становиться, что в рамках антикапиталистического движения уже имеется множество соперничающих концепций альтернативы. Было бы удивительно, если бы этого не произошло. В этой главе я приведу доводы в пользу одной из таких концепций, а именно — формы социалистической демократии. Но прежде чем выдвигать такую концепцию, представляется важным предложить определенные критерии, в соответствии с которыми должны оцениваться различные альтернативы. В частности, каких этических принципов и представлений придерживаются антикапиталисты?

На мой взгляд, всякая альтернатива капитализму в его существующей форме по возможности должна отвечать требованиям (по меньшей мере) справедливости, эффективности, демократии и приемлемости. Я считаю все эти четыре ценности важными и, по крайней мере в существующем контексте, оправданными. Тем не менее концептуальный контекст, в котором артикулируется и отстаивается конкретная ценность, помогает определить ее содержание: так, возьмем, вероятно, самую спорную из выдвинутых здесь четырех

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

ценностей—эффективность. Считать ее необходимым требованием *наряду* со справедливостью, демократией и *при-*емлемостью—значит наделять ее содержанием, по крайней мере частично отличным от того, которое она имела бы в контексте таких, скажем, ценностей, как индивидуальная свобода, частная собственность и экономический рост. Суть в том, что, взятые вместе, эти ценности взаимно ограничивают друг друга. Поэтому между ними могут возникать противоречия: в какой степени, например, совместимы демократия и эффективность? Наконец, я утверждаю, что всякая альтернатива капитализму в *его нынешней форме* должна отвечать этим необходимым требованиям, чтобы избежать вопроса о том, способна ли какая-либо иная версия господствующей экономической системы удовлетворить указанным требованиям. Рассмотрим все эти ценности по очереди.

Во-первых, представляется бесспорным, что движение против капиталистической глобализации стремится к достижению справедливости. В действительности, одно из альтернативных его названий звучит как «глобальное движение за справедливость». Рассмотрим вкратце содержание и границы справедливости. Мы располагаем намного более ясным пониманием того, что требует справедливость, благодаря работам последнего поколения таких эгалитарных либеральных философов, как Джон Ролз, Рональд Дворкин и Амартья Сен. Как я говорил в другом месте, они сформулировали принципы справедливости, которые неявным образом ставят под сомнение логику капиталистической системы (хотя Ролз, Дворкин и Сен полагают, что их принципы совместимы с определенной версией капитализма и могут даже нуждаться в ней).¹ Как всегда бывает у философов, существует множество разногласий по вопросу о правильной формулировке эгалитарных принципов справедливости. Тем не менее многие соглашались с мыслью о том, что люди должны быть обеспечены ресурсами, необходимыми для обеспечения равного доступа к благам, в которых они нуждаются, чтобы прожить жизнь, которую у них есть основания ценить, и что привилегии должны распределяться в равной мере. Стоит обратить внимание на довод, который выдвинул против Ролза Дж. А. Коуэн, в частности, что общество нуждается не

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

только в социальной структуре: оно также включает в себя Асоциальный этос, побуждающий индивидов справедливо (вноситься друг к другу. Он важен, поскольку здесь на первый план выходит ценность солидарности, нечто, что антикапиталисты пытаются продемонстрировать в своей организации и за нехватку чего они критикуют капитализм.²

Поэтому справедливость включает в себя *свободу, равенство солидарность*. Также она обладает в буквальном смысле глобальным охватом. Этот вопрос вызывает споры среди эгалитарных либералов. Ролз, например, сформулировал свои принципы справедливости в контексте национального государства и противится распространению своего принципа различия (согласно которому социальное и экономическое неравенство допустимо только тогда, когда оно позволяет избежать худшего) на весь мир.³ Это кажется неправильным. Во-первых, одним из наиболее сильных мотивов эгалитарной концепции справедливости является желание по мере возможности исправить последствия того, что Дворкин называет «горьким невезением», иными словами, случайностей, за которые люди не несут ответственности, но которые могут серьезно ограничивать их жизненные шансы.⁴ Глобальное распределение природных ресурсов—это, конечно, особенно показательный пример этих случайных обстоятельств, но они отнюдь не являются продуктом одних лишь физических процессов. Глобальное потепление, вероятно, повлияет на жителей Юга особенно болезненно, хотя образование парниковых газов сосредоточено преимущественно на Севере: 25% жителей Земли на Севере потребляют более 70% товарных энергоресурсов всего мира.⁵ Во-вторых, даже если отбросить крайние суждения о глобализации, за последние несколько десятилетий наблюдалось значительное увеличение международной экономической взаимозависимости, которая была важнейшей особенностью капитализма с момента возникновения современной мировой экономики. Если мы живем в одном мире, как нам постоянно твердят, тогда нормативные принципы, определяющие наше общежитие, должны действовать на глобальном уровне. Как сказал Чарльз Бейтц, «принципы дистрибутивной справедливости теперь применяются в первую очередь к

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

миру в целом, а затем уже к национальным государствам. Справедливость сегодня может быть только космополитической.⁷

Эффективность—это второе требование, которому должно отвечать всякая альтернатива капитализму в его нынешней форме. Она может показаться чем-то неуместным. Безусловно, эффективность — это не та ценность, к которой обычно обращаются антикапиталисты. И можно понять почему. Одним из основных оправданий капитализма является высокая экономическая эффективность, которая ему приписывается. Кроме того, теоретическое рассмотрение устанавливает наличие компромисса между справедливостью и эффективностью: так, часто утверждается (даже такими эгалитарными либералами, как Ролз), что равное распределение ресурсов может способного лишить стимулов к полному использованию своих способностей и соответственно к максимально эффективному производству. Эти утверждения спорны: как мы знаем, Коуэн утверждает, что эгалитарное общество состояло бы из индивидов, справедливо относящихся друг к другу, а не использующих свои возможности, чтобы взять лучшее друг у друга.⁸ Кроме того, когда эффективность рассматривается в контексте политики, как правило, она более или менее ясно выражается в терминах, которые позволяют деятельности рыночного капитализма устанавливать критерии успеха: издержками считается то, что отражается в ценовой системе, а мерилom служит соотношение прибыли и этих издержек. С ростом экологического сознания неадекватность этих критериев в последние десятилетия становится все более очевидной: рыночные цены не учитывают издержки, вызванные истощением конечных ресурсов, или последствия методов производства, загрязняющих окружающую среду.

Все эти возражения, на мой взгляд, вполне обоснованы. Тем не менее, даже когда учитываются требования приемлемости, по-прежнему оправданно задать вопрос о том, насколько хорошо данная экономическая система использует имеющиеся в ее распоряжении ресурсы, то есть ресурсы, представленные окружающей средой, способностями — врожденными и благоприобретенными — людей, от деятельности которых

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

лент воспроизводство системы, и совокупностью материального имущества, произведенного данной деятельностью. Это — важное требование, потому что человеческие потребности пластичны и сложны и возникли с развитием производительных способностей человеческого общества. Возможно, приемлемое развитие несовместимо с рядом существующих потребностей, приобретенных людьми за последние два века промышленного капитализма. Этот вопрос остается открытым, и я вернусь к нему ниже. Тем не менее мне кажется, что, при прочих равных, есть серьезные основания предпочесть экономическую систему, которая способна удовлетворять более широкий спектр потребностей, чем какая-либо другая. Чем больше производительность системы, тем больший диапазон выбора доступен людям и, следовательно, перед индивидами и сообществами открываются более широкие возможности по-своему прожить свою особую жизнь, что так высоко ценится антикапиталистическим движением. Капитализм значительно расширил производительные способности человечества, но ценой крайне неравного распределения созданных таким образом возможностей и масштабного уничтожения биологического и социального разнообразия. Правильный ответ заключается не в возвращении к будто бы более примитивной форме общества, основанной на значительно более низком уровне производительности, открывающей намного более узкий диапазон возможностей для выбора. Правильный вывод заключается в том, что мы должны предпочесть экономическую систему, основанную на максимальном расширении производительных способностей человеческого общества (максимальном все время, а не только в какой-либо конкретный момент), отвечающем требованиям справедливости, демократии и приемлемости. О такой эффективности идет речь.⁹

Третье требование — демократия — в принципе, вызывает значительно меньше вопросов. Одной из основных мишеней антикапиталистического движения была эффективная экономическая диктатура, установленная совместными действиями многонациональных корпораций, финансовых рынков, международных финансовых учреждений и ведущих капиталистических государств. Средством против такой

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

концентрации непостижимой власти, по-видимому, ~~должно~~ быть расширение демократии. Но что именно это означает? В критической литературе прослеживаются три темы—необходимость восстановления существующей либерально* демократии с ее пассивными, атомизированными избирателями и политиками, которые всеми силами стремятся сохронить поддержку со стороны империй корпоративных средств массовой информации и устойчивый поток субсидий со стороны деловых кругов; необходимость демократизации экономики и предпочтительная децентрализация власти. До сих пор нет никаких соображений о том, как эти и другие стремления могли бы осуществиться институционально. Как я отметил в предыдущей главе, в движении существует организационное противоречие между самовыражением отдельных активистов и необходимостью привлечения к участию в нем как можно большего числа людей. Здесь также подразумевается проблема взаимоотношений между прямой и представительной демократией. Эти вопросы очень широки: здесь сосредоточу внимание на проблеме того, как демократия может быть распространена на экономику.

Последнее требование—приемлемость—для своего включения также нуждается в небольшом обосновании. После Сиэтла разрушение окружающей среды глобальным капитализмом стало одной из главных тем выступлений протеста. Джон Беллами Фостер говорит, что приемлемое развитие предполагает следующие условия: «1) темпы использования возобновляемых ресурсов должны быть приведены в соответствие с темпами их восстановления; 2) темпы использования *невозобновляемых* ресурсов не могут превышать темпов развития альтернативных приемлемых ресурсов; и 3) загрязнение и разрушение среды обитания не может превышать "способности окружающей среды к ассимиляции"». ¹⁰ В соответствии с этими критериями нынешнее развитие, конечно, весьма далеко от приемлемого. С точки зрения альтернативной экономической системы, быть может, наиболее важными являются шаги, необходимые для противодействия глобальному потеплению. Стабилизация доли углекислого газа в атмосфере на уровне, который не приводит к серьезным климатическим изменениям, потребовала бы резкого сокра-

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

«ения его выделения во всем мире до уровня 1990 года (возможно, до 70% доиндустриальной концентрации углекислого газа в атмосфере в 280 промилле) и отказа от использования 75% известного ископаемого топлива. Воздействие, которое эти изменения могли бы оказать на производительность и уровень жизни, зависело бы от скорости перехода к крупномасштабному применению известных в настоящее время технологий, использующих чистые и возобновляемые источники энергии, например энергию солнца и ветра, биомассы и водородного топлива.¹¹ На первый взгляд, такая энергетическая революция в конечном итоге не потребовала бы от общества резкого сокращения потребления, о котором говорят некоторые «зеленые» (хотя издержки от временного сокращения жизненного уровня оценить труднее). Однако сложно понять, как такое могло бы произойти в рамках капиталистической системы. Существующая экономическая система не просто действует подобно акуле, если воспользоваться предложенной Джоном Макнейллом аналогией (см. первую главу), зависящей от наличия ограниченного набора условий наподобие устойчивого климата, дешевой воды и энергии, а ее собственные процессы уничтожают эти условия, тем самым вынуждая нас находить новые способы выживания.

ЗАМЕЧАНИЕ О МНОГООБРАЗИИ

Все четыре ценности—справедливость, эффективность, демократия и приемлемость—были представлены в предыдущем разделе так, как если бы причины для их избрания обладали всеобщей значимостью. Может показаться, что это противоречит приоритету, тесно связанному с различием и многообразием в рамках антикапиталистического движения. Такая установка наиболее убедительно была озвучена Маркосом: «Необходимо строить новый мир. Мир, который мог бы вмещать в себя множество миров, мог бы вместить в себя все миры».¹² Фоном такого утверждения служит возникновение движений, выступающих против разного рода притеснений—например, гендерного, расового, национального,

сексуального, и движения за списание долгов «стремления». В 1980-х годах это осознание различия выразилось в политике идентичности, то есть вере в то, что обладана» особой идентичностью заменяет все иные основания коллективного действия и зачастую оправдывается своеобразной версией культурного релятивизма, согласно которой универсальные принципы — это не что иное, как рационализация мировоззрения особой группы. Политика с такой точки зрения сводится к столкновению соперничающих партикуляризов. ¹³ Стремясь создать новую форму интернационализма, антикапиталистическое движение вышло за рамки политики идентичности. Но в почти гегельянской манере в ходе такого процесса произошло поглощение многого из того, что содержалось в политике идентичности, хотя и включенной теперь в по-настоящему универсальный контекст. Акцент на внутреннем многообразии движения — это не просто прагматическая уловка при создании коалиции: это основополагающая ценность, особенно заметно проявившаяся в осуждении разрушения неевропейских культур колониализмом и капитализмом. Именно поэтому сапатисты придают такое значение правам коренных народов. ¹⁴

Все это замечательно, но иногда бывает трудно открыто выдвигать универсальные требования: активисты, например, предпочитают говорить о «трансверсальности» движения, как будто путем выдвижения на первый план горизонтальных сетей, в которых участвуют они сами, им удастся избежать обвинений в навязывании другим интеллектуальной иерархии. Такая установка выглядит излишне оборонительной. Создавать глобальное движение против глобального капитализма его характера — значит обращаться ко всем. Такие документы, как «Призыв социальных движений», принятый в Порту-Алегри II, не имеют определенного адресата. Говорить, как говорит Маркое, о «лшре, который мог бы вмещать в себя множество миров, мог бы вместить в себя все миры», — значит сражаться за универсальную систему, в которой может цвести разнообразие. Правильно понятая, эгалитарная концепция справедливости состоит не в навязывании единообразия, а в предоставлении каждому равной возможности жить жизнью, которую *им* — как определенным

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

ддивидам с особыми способностями, жизненной историей, культурным фоном и набором потребностей — есть за что пенить. Равенство и различие — это не противоположные, а взаимозависимые ценности.¹⁵ Понятно, что не все образы жизни совместимы с эгалитарной справедливостью: она вступает в противоречие с иерархическими, авторитарными и эксплуататорскими социальными отношениями. Но было бы ошибкой считать, что обладающие всеобщей значимостью принципы обязательно ведут к всеобщему согласию. Исторический опыт говорит, что требования справедливости не столько объединяют, сколько разделяют. Но это не обязательно означает, что они несостоятельны. Антикапиталистическое движение не должно бояться отстаивать универсальные принципы.

ЧТО НЕ ТАК С РЫНКОМ?

Возможно, самый важный вопрос, возникающий при рассмотрении альтернатив капитализму в его нынешнем виде, заключается в том, может ли какая бы то ни было версия рыночной экономики отвечать требованиям справедливости, эффективности, демократии и приемлемости. Амартья Сен предложил соблазнительный для рынка пример:

Выступать против рынка *вообще* было бы столь же странно, как и быть вообще против всех разговоров между людьми (хотя некоторые разговоры явно отвратительны и создают сложности для других — или даже для самих собеседников). Свобода обмениваться словами, или товарами, или дарами не нуждается в специальном оправдании с точки зрения благоприятных, но отдаленных последствий; они являются неотъемлемой составляющей жизни и взаимодействия людей в обществе (если не помешать распоряжением или постановлением). Вклад рыночного механизма в экономический рост, конечно, важен, но он появляется только после признания непосредственного значения свободы обмена словами, товарами, дарами.¹⁶

Здесь Сен защищает рынок, основываясь на его связи со свободой: данная экономическая форма считается

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

равнозначной праву участвовать в добровольных экономических сделках. Он ссылается на то, что Маркс поддерживал Север во время Гражданской войны в Америке, как на пример того, что получение свободы участвовать на рынке в данном случае получение черными рабами свободы стать наемными работниками — означает освобождение от принудительного труда.¹⁷ Здесь Сен пытается слегка пустить пыль в глаза. Конечно, Маркс считал, что капитализм, при котором рабочие обладают свободой выступать на рынке труда на условиях юридического и политического равенства со своими потенциальными нанимателями, стоит выше таких экономических систем, как рабство и феодализм, при которых непосредственные производители физически принуждаются к труду на своих эксплуататоров. Но он также утверждал, что отсутствие у рабочего доступа к иным производственным ресурсам, кроме своей собственной рабочей силы, означает, что он вынужден работать на капиталиста на условиях, которые ведут к его эксплуатации. Так, одобрив освобождение американских рабов, Маркс пишет на следующей за странице, что, как только рабочий подписал трудовой договор, «оказывается, что он вовсе не был "свободным агентом", что время, на которое ему вольно продавать свою рабочую силу, является временем, на которое он вынужден ее продавать, что в действительности вампир не выпускает его до тех пор, пока можно высосать из него еще одну каплю крови, выжать из его мускулов и жил еще одно усилие».¹⁸ При капитализме формальная свобода сосуществует с реальной несвободой.

Если серьезно, Сен, в сущности, утверждает, что «право на экономическое взаимодействие друг с другом» должно обрести выражение в рыночной экономике.¹⁹ Это делает ограничение — не говоря уже об отмене — рыночных отношений неизбежным нарушением человеческой свободы. Кроме того, сравнение рыночного обмена с разговором приводит к (близкой к защите капитализма) натурализации рынка. Человеческое общество невообразимо без языка: если рынок столь же важен, как и язык, то его ограничение или отмена угрожает самому функционированию человеческих обществ. Но Сен здесь умалчивает о некоторых важных различиях. Есть

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

к и рынок. Карл Поланьи в своей классической работе «Великая трансформация» (1944) утверждал, что на протяжении человеческой истории экономические практики были встроены в более широкие социальные отношения и регулировались в соответствии с одним или несколькими следующими принципами — взаимностью, перераспределением домашнего хозяйства (то есть производством для собственного потребления). Там, где существовали рынки, они принимали форму местной торговли (ярмарки, базарные дни и т.п.) и дальней торговли:

как внешняя, так и местная торговля связаны с расстоянием: первая ограничена товарами, способными его преодолеть, вторая — исключительно теми, которые сделать не могут. Данный вид торговли справедливо называют дополняющим. Местный товарообмен между городом и деревней, внешняя торговля между странами разных климатических зон основываются именно на этом принципе. Подобная торговля не обязательно подразумевает конкуренцию.²⁰

Эти разновидности рынков подчинены более широкому социальному механизму. Развитие рыночной экономики требует одновременно освобождения рынков от более широкого контекста, который ограничивал их деятельность, и их радикального расширения:

Рыночная система — это экономическая система, контролируемая, регулируемая и управляемая единственно лишь рынками: порядок в производстве и распределении товаров должен всецело обеспечиваться этим саморегулирующимся механизмом. ... Саморегулирование означает, что все производится для продажи на рынке и что источником любых доходов являются подобные акты продажи. Следовательно, существуют рынки для всех факторов промышленного производства, т.е. не только для товаров (сюда мы неизменно включаем и услуги), но также для труда, земли и денег; их цены именуются соответственно товарными ценами, заработной платой, рентой и процентом.²¹

Земля, труд и деньги, согласно Поланьи, представляют собой «фиктивные товары» — они не являются естественными движимыми товарами, которые могут покупаться и

продаваться. Согласованное государственное вмешательство потребовалось, чтобы реорганизовать общество на основе рынков земли, труда и денег (важным этапом в этом процессе Поланьи считает принятие в Великобритании в 1834 году Нового закона о бедных), а также ограничить и подчинить потенциально разрушительные влияния рынка, однажды превратившегося в саморегулирующуюся систему. История Европы девятнадцатого века, утверждает Поланья, была историей борьбы между двумя принципами — «экономического либерализма» («тремя классическими принципами» которого были «рынок труда, золотой стандарт и свободная торговля») и «социальной защиты», отражающей соответственно стремление «торгово-промышленного класса» расширить империю рынка и борьбу «рабочих и землевладельцев» за ее ограничение.²²

Поланья дает нам полезную возможность взглянуть на современный неолиберализм в исторической перспективе: политические попытки перестроить общество, в соответствии с логикой, установленной «Вашингтонским консенсусом», поразительно напоминают попытки викторианских либералов подготовить британское общество к *laissez-faire*. Различия, которые он проводит между разными видами рынков, позволяют нам по-новому сформулировать вопрос, поставленный Сенном. Наша задача состоит не в том, чтобы установить наличие чего-то по сути своей ненормального в людях, участвующих в добровольном обмене товаров или услуг. Скорее, она заключается в выяснении того, совместима ли рыночная экономика в смысле Поланьи, которая равнозначна пониманию капитализма у Маркса (саморегулирующаяся экономическая система, где максимальное количество товаров и услуг производится для продажи на рынке и где существуют рынки труда, земли и денег), со справедливым и порядочным обществом.

Трудно понять, как такое могло бы произойти. Рассмотрим четыре требования, приведенные выше. Во-первых, рыночная экономика нарушает требования справедливости. Люди при капитализме не располагают равным доступом к благам. Мало того, что доступ к производственным ресурсам и распределению богатства и прибыли является крайне неравным,

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

ашзненные шансы людей испытывают глубокое влияние процессов, не контролируемых ими самими, в частности колебаний рынка. Вспомним о состояниях, созданных финансовым бумом, а также о жизнях, сломанных банкротствами неолиберальной эпохи. Неудивительно, что Фридрих фон Хайек, быть может самый искушенный защитник капитализма, яростно выступал против использования каких бы то ни было концепций социальной справедливости при оценке относительных достоинств экономических систем.²³ Во-вторых, концентрация экономической власти, порождаемая капитализмом, серьезно ограничивает возможности демократии, поскольку большинство граждан лишено всякого права голоса в принятии важнейших решений, влияющих на их жизнь. К тому же такие демократические механизмы в том виде, в котором они существуют, серьезно скомпрометированы коррупцией политических процессов, испытывающих влияние корпораций, и жесткими санкциями (например, бегство капитала), от которых страдают правительства, проводящие политику, считающуюся неблагоприятной для рынков. В-третьих, слепое движение капитализма вперед, подталкиваемое процессами конкурентного накопления, которое я рассмотрел в первой главе, приводит к возникновению формы экономического развития, явно неприемлемой с экологической точки зрения.²⁴

И тогда, когда мы вводим соображения относительно экономической эффективности, капитализм предстает перед нами во всей своей неприглядности (при этом я абстрагируюсь от вопроса о том, что критерии эффективности должны учитывать издержки, связанные с загрязнением окружающей среды, чтобы дать капитализму более справедливую оценку). Крах Советского Союза и большинства других сталинистских обществ в конце 1980-х годов привел многих левых к принятию тезиса, наиболее убедительно сформулированного Хайеком, что рыночная экономика неизбежно превосходит всякий вариант социалистического планирования в разумном распределении ресурсов.²⁵ Более подробно я разберу этот тезис в следующем разделе. А пока я хочу рассмотреть два компромиссных решения, которые пытаются сохранить рынок, но при этом ограничить его деятельность,

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

чтобы он лучше отвечал требованиям, которые, как я предполагал, действительно выдвигаются антикапиталистами. Первое решение — рыночный социализм, гипотетическая экономическая система, получившая значительную поддержку со стороны левых философов и экономистов, хотя их сомнения, насколько я могу судить, не имели никакого отклика в антикапиталистическом движении.²⁶ В сущности, цель состоит в том, чтобы избавиться от капиталистической эксплуатации (внешне добровольного, но в действительности неравного обмена между капиталистом и рабочим, который основывается на отсутствии у последнего какой-либо лучшей альтернативы работе на капиталиста), но сохранить рынок. Предприятия могли бы, например, управляться кооперативами рабочих, конкурирующими при продаже своей продукции на рынке.

Для начала необходимо отметить, что рыночный капитализм не в состоянии устранить все источники несправедливости, поскольку люди по-прежнему будут получать выгоду или страдать от тех факторов, за которые они не могут нести ответственность: распределение врожденных талантов, например, даст одним экономическим субъектам большую рыночную силу, чем другим.²⁷ Более прямой вопрос: может ли рыночный социализм стать прочной альтернативой капитализму? Вряд ли. В конкурентном процессе экономические участники стремятся приобрести преимущество перед своими конкурентами (например, внедряя инновации, ведущие к снижению затрат), которое позволит им получить прибыль, выше средней. Часто такие преимущества суммируются: сверхприбыль позволяет новатору сохранять капиталовложения в постоянные новшества, которые увеличивают разрыв, отделяющий его от конкурентов. Таким образом, конкуренция может увеличивать неравенство в экономике, а не сглаживать его. В то же самое время, воздействие конкуренции также может создать неравенство внутри самих предприятий: стремление увеличить производительность и сократить издержки может способствовать расцвету управленческих иерархий, которые положат конец якобы кооперативному характеру производства. Иными словами, рыночный социализм всегда может скатиться к рыночному

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

-япитализму. Когда проекты рыночного социализма предлагают институциональные гарантии от таких тенденций, они (подходят от рыночной экономики в понимании Поланьи.²⁸

Вторая форма компромисса между рынком и требованиями справедливости, демократии и приемлемости — это просто более регулируемая форма капитализма, чем англо-американская модель *laissez-faire*, созданию которой способствует «Вашингтонский консенсус». Уилл Хаттон, например, является горячим сторонником «капитализма держателей крупных пакетов», соперничающей модели, которая, по примеру послевоенных Германии и Японии, регулирует рынки для поддержания экономической стабильности и социальной гармонии.²⁹ Как мы видели в предыдущей главе, реформистское крыло антикапиталистического движения выступает за такого рода регулируемый капитализм через сочетание восстановления национального суверенитета и более широкого международного сотрудничества. Поланьи рассматривает подобные предложения в длительной перспективе: он утверждает, что губительные последствия экономического либерализма, ставшие наиболее очевидными вследствие Великой Депрессии 1930-х годов, вызвали реакцию в форме различных политических движений, особенно социализма и фашизма, при которых «экономическая система перестает диктовать законы обществу; напротив, общество утверждает свой примат над этой системой».³⁰ Мы можем рассматривать новейший опыт как новый этап того же исторического цикла, когда неолиберальные попытки снять ограничения, наложенные на саморегулирование рынков в период с 1930-х по 1960-е годы, вызвали стремление установить новые формы регулирования в интересах социальной защиты.

Имеются по крайней мере два вида вопросов, на которые необходимо ответить, оценивая осуществимость альтернативных моделей капитализма. Первый касается совместимости этих моделей с существующей стадией капиталистического развития. Глобальная интеграция финансовых рынков, требующая максимизации «стоимости акций», уже помогла подрыву функционирования существующих «капитализмов Держателей крупных пакетов» в континентальной Европе и Японии и способствовала проведению институциональных

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

реформ, приближающих их к англо-саксонской модели.³¹ Это не означает, что национальные правительства не в состоянии бросить вызов «Вашингтонскому консенсусу», как утверждает Лео Панич, заявляя о том, что «безусловно, ни одно государство не может ввести контроль за движением капитала (кроме американского)».³² Контроль Китая за движением капитала позволил ему относительно легко выйти из азиатского финансового краха 1997-1998 годов.³³ Не следует недооценивать возможности, которыми по-прежнему располагают национальные государства. Тем не менее всякий национальный вызов вскоре столкнулся бы с чрезвычайно сильной констелляцией социальных сил, входящих в существующие структуры глобальных финансов и международных инвестиций и поддерживаемых Соединенными Штатами и другими ведущими капиталистическими государствами. Трудно понять, как можно преуспеть в решении этой задачи и при этом обойтись без участия в международном движении и серьезных потрясений. В конечном счете, относительно гуманный капитализм (по крайней мере, на Западе) кейнсианской эпохи был продуктом двух мировых войн, русской революции и последовавшего за ней установления сталинизма, крупнейшего в истории капитализма экономического спада и фашизма.

Во-вторых, предположим, что интернациональная разновидность реформизма так или иначе одержала победу, а мир вступил в новую эпоху регулируемого капитализма. Только глупец станет отрицать, что одни разновидности капитализма гуманнее и справедливее других. По сравнению с низкими стандартами последних тысячелетий классовых обществ, в 1950-1960-х годах либеральные капитализмы Западной Европы и Северной Америки при всей их несправедливости и иррациональности дали большинству своих бедных граждан намного лучшую жизнь, чем можно было бы себе представить в начале двадцатого века, хотя и купив ее ценой постоянной угрозы ядерного уничтожения во время «холодной войны».³⁴ Но это не означало устойчивого положения дел. Столкнувшись с кризисом прибыльности, наступившим в конце 1960-х, ведущие капиталистические классы стали освобождаться от ограничений, которые казались не такими

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

Обременительными в эпоху высоких прибылей и быстрого роста после Второй мировой войны. В итоге на Севере произошел частичный демонтаж систем социальной защиты, которые помогли сделать капитализм более цивилизованным, а на Юге началось восстановление намного более бесчеловечного эксплуататорского капитализма, и оба эти процесса далеки от завершения. Возможно, нам, при помощи каких-то невероятных усилий, вновь удастся наложить на капитализм цивилизованные ограничения. Но насколько прочным было бы такое решение? Иными словами, кажется, что существует внутреннее противоречие между основополагающими чертами капитализма, то есть его зависимостью от эксплуатации наемных работников и его динамикой конкурентного накопления и институциональными структурами, которые, в результате социальных конфликтов и классовых компромиссов, его ограничивают. Вместо того чтобы продолжать колебаться между высвобождением наиболее разрушительных тенденций капитализма и их частичным сдерживанием, не лучше ли было бы заменить капитализм «чем-то лучше»?³⁵

ЗАЧЕМ НАМ НУЖНО ПЛАНИРОВАНИЕ

Обычно считают, что социалистическое планирование — это идея, время которой пришло и ушло. Тем не менее оно нам крайне необходимо. При первом приближении под социалистическим планированием я имею в виду экономическую систему, где распределение и использование ресурсов определяется совместным решением на основе демократических процедур, основное место среди которых занимает принцип большинства. Эта гипотетическая экономическая система противопоставляется докапиталистическим классовым обществам, где распределение также совместно регулировалось посредством механизмов, перечисленных Поланьи (перераспределение, взаимность и домашнее хозяйство), но в них эти механизмы были в целом недемократическими, ключевые решения принимались аристократическими землевладельцами, рабовладельцами, патриархальными главами

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

домохозяйств и т.д. Социалистическое планирование также противопоставляется капитализму, где распределение ресурсов — это непредусмотренный результат конкурентной борьбы между капиталами, которые вместе, но не сообща контролируют экономический процесс. Плановая социалистическая экономика является демократической, но это не означает, что она всегда основывается на принципе большинства. Во многих случаях используются иные процедуры принятия решения: отчасти суть концепции индивидуальных прав заключается в выделении тех областей, где люди должны иметь возможность не допустить участия остальных в принятии решений, которые в основном касаются только их самих. Например, как мы выяснили в предыдущем разделе, одно из достижений капитализма заключается в установлении того, что люди обладают исключительным правом решать, какой работой им следует заниматься (даже если это право неосуществимо в социальной реальности). Мне кажется, что социалистическая экономическая система в целом способна сообразности и даже расширить это право.³⁶

Чтобы быть эффективным, социалистическое планирование должно действовать на международном уровне. Капитализм — это глобальная система: имеется множество свидетельств того, что национальные государства, которые пытаются (по словам Маргарет Тэтчер) встать на дыбы перед рынком, подвергаются жестким санкциям (бегство капитала, другие формы экономической изоляции, подрывная политическая деятельность и — в пределе — вооруженное вторжение) и в лучшем случае идут на компромисс, а в худшем — отказываются от попыток создать альтернативу господствующей системе.³⁷ Поэтому альтернативная экономическая система должна быть построена в международном масштабе. Но в любом случае планирование совершенно необходимо для решения глобальных проблем. Например, одна из основных проблем, вызванных климатическими изменениями, заключается в том, что выгоды и потери, созданные методом использования ресурсов нынешней экономической системы, распределяются крайне неравномерно. Соединенные Штаты, в которых проживает 5% всего населения Земли, потребляют 25% ее ресурсов, тогда как Юг, где душевое

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

потребление ресурсов намного ниже, скорее всего, испытает куда более непосредственное и неблагоприятное воздействие глобального потепления, которое возникло вследствие этой модели потребления ресурсов. Всякая серьезная попытка сокращения парниковых газов, означающая снижение до 50-70% уровня выбросов 1990 года (точка отсчета, установленная в соответствии с «Киотским протоколом»), потребует глобальных механизмов, пригодных для ведения переговоров и проведения в жизнь решений, нацеленных на радикальное изменение господствующего в течение последних десятилетий способа распределения и использования ресурсов. Если это не планирование, тогда я не знаю, что это такое.

Но сама идея планирования в глобальном масштабе вызывает главное возражение против плановой экономики, связанное с тем, что она неизбежно высокоцентрализована и приводит к последствиям, угрожающим эффективности и демократии. Наиболее веские возражения относительно эффективности выдвигались Хайеком в его ставшей уже, вероятно, классической критике планирования. Он утверждает, что рынок—через колебания относительных цен—предлагает весьма гибкий и децентрализованный механизм передачи между экономическими субъектами информации, которая необходима им для получения наиболее эффективных средств, отвечающих их индивидуальным потребностям. Плановая экономика, напротив, передает информацию в единый центр, где принимаются все значимые решения. Поскольку собранная в центре информация слишком обширна, сложна и разнообразна для того, чтобы ее обработать, в результате наступают гипертрофия, паралич и хаос.³⁸ Выражением стремления к децентрализованным и демократическим формам экономического взаимодействия, в противоположность капиталистической глобализации и социалистическому планированию, также можно считать локализм.

Обоим возражениям против планирования — неолиберальному и локалистскому—свойственно предпочтение горизонтальных транзакций экономических участников, которые относятся друг к другу на основе грубого равенства, в отличие от вертикальной модели, которую они считают неотъемлемой чертой плановой экономики. Когда Сен при-

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

равнивает рынок к разговору, то он неявным образом изображает его в виде неиерархических, межиндивидуальных отношений. В ответ необходимо выделить две идеи. Во-первых, существующий капитализм весьма далек от того, чтобы быть кластером горизонтальных транзакций — «сетевым обществом», превосносимым его современными апологетами.³⁹ Лишь горстка привилегированных экономических субъектов (в частности, тех, кто участвуют в реальных сетях, контролируемых многонациональными корпорациями и инвестиционными банками) вовлечена в нечто, отдаленно напоминающее действительно горизонтальные отношения. Большинство людей включено в вертикальные отношения господства и подчинения. Во-вторых, бюрократическая командная экономика, созданная «сталинской революцией» в Советском Союзе в конце 1920-х годов и насаждавшаяся в других сталинистских государствах после Второй мировой войны, бесспорно, во многом походила на всемогущий, но на самом деле некомпетентный центр планирования, описанный Хайеком и его последователями (хотя неоллиберальной критике не удастся объяснить причины возникновения этой специфической системы).⁴⁰ Но из этого исторического опыта ни в коей мере не следует, что плановая экономика обязательно должна принимать такую форму.

Надежды как на осуществимую альтернативу капитализму возлагаются на плановую экономику, основанную не на вертикальных постановлениях центра, а на децентрализованных, горизонтальных отношениях между производителями и потребителями. Высказывая свое мнение о защите Алемом Нове рыночного социализма, Пэт Девин пишет:

Нельзя оставить без внимания поставленный Нове вопрос: «Существуют горизонтальные связи (рынок), существуют вертикальные связи (иерархия). Разве существует еще какое-то измерение?»... Нет никакого другого измерения, но вертикальные связи не должны быть иерархическими в некоем авторитарном смысле, а горизонтальные связи не должны основываться на рынке в смысле их координации *ex post* невидимой рукой рынка. И те и другие могут основываться на координации, достигаемой в ходе переговоров.⁴¹

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

На этой основе Девин разрабатывает «модель демократического планирования... в которой планирование принимает форму политического процесса переговорной координации, когда решения принимаются, прямо или косвенно, теми, на кого они влияют».⁴² Широкие экономические параметры, охватывающие такие вопросы, как макроэкономическое разделение ресурсов между индивидуальным и коллективным потреблением, социальные и экономические инвестиции, энергетическая и транспортная политика, приоритеты в окружающей среде, рассматривались бы в общенациональном масштабе избранным представительным собранием на основе совокупности альтернативных планов, подготовленных экспертами.⁴³ Но в рамках этой системы большая часть экономических решений принималась бы на децентрализованной основе. Экономическая власть покоилась бы на органах переговорной координации отдельных производственно-хозяйственных единиц и секторов, в работе которых участвовали бы представители рабочих, потребителей, поставщиков, соответствующих правительственных органов и групп лиц, объединяемых общими интересами.

В модели переговорной координации относительные цены на товары и услуги устанавливались бы на уровне, который позволил бы производственно-хозяйственным единицам и секторам покрыть свои издержки и получить прибыль, необходимую для соответствующего планового распределения продукции для инвестиций с учетом социальных издержек, выраженных в использовании возобновляемых и невозобновляемых ресурсов. Единицы или сектора, не сумевшие выручить необходимую прибыль, могли бы получать разрешение на продолжение подобной деятельности, если соответствующие органы переговорной координации решат, что для общества предпочтительно такое использование этих средств. Таким образом, «необходимая для эффективного централизованного и децентрализованного принятия решений в социальных интересах информация будет получена без обращения к "рыночным силам"... путем сочетания социально оформленных цен, основанных на спросе и затратах, с одной стороны, и принятия решений на основе интересов,

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

с другой». В результате, утверждает Девин, «органы переговорной координации позволили бы сознательно координировать экономические решения, не обращаясь к центральной власти и, с учетом сложившейся ситуации, эффективно используя знание местных условий на децентрализованной основе».⁴⁴

Однако, согласно Девину, обстоятельно проработанные для национальной экономики, «принципы, лежащие в основе модели переговорной координации, могут быть использованы для международных экономических трансакций», — учитывая то, что я уже говорил, они могут иметь очень большое значение. Наиболее очевидное возражение против этой модели — время, затрачиваемое на принятие решений, особенно если принять во внимание множество интересов в одной стране или во всем мире, которые должны быть согласованы друг с другом. Девин замечает: «В современных обществах значительная и постоянно растущая часть социального времени и так уже тратится на управление, переговоры, организацию и отладку работы систем», хотя «большая часть этой деятельности... связана с коммерческой конкуренцией и улаживанием социального конфликта и последствий отчуждения, возникающих вследствие эксплуатации, притеснения, неравенства и подчинения». Он приходит к выводу, что

нет никаких оснований *a priori* полагать, что совокупное время, потраченное на подготовку работы самоуправляющегося общества, основанного на переговорной координации, превысило бы время, отведенное на управление людьми и вещами в существующем обществе. Однако общее время строилось бы, концентрировалось бы и, безусловно, распределялось бы между людьми иначе.⁴⁵

Эти идеи заслуживают более внимательного рассмотрения. Во-первых, относительно небольшое число людей (*управляющие* корпораций, инвестиционные банкиры, разного рода консультанты) в настоящее время тратят свое высокооплачиваемое рабочее время на проведение встреч, решения которых влияют на жизни большинства людей на планете. Демократическое планирование в духе предложенной Девинем модели переговорной координации положило бы конец этой системе господства и подчинения путем передачи

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

полномочий на принятие решений — и, следовательно, времени — массе производителей и потребителей. Во-вторых, даже если бы это привело к некоторому затягиванию процесса принятия важных экономических решений, то что в этом такого ужасного? Одна из основных особенностей капиталистической машины с вечным двигателем — скорость, с которой она слепо катится к финансовым крахам, экономическим кризисам и — в более продолжительной перспективе — к экологической катастрофе. Здесь мы можем и повременить. Нельзя говорить о том, что введение чего-то наподобие переговорной координации приведет к падению темпов роста в долгосрочной перспективе, не принимая в расчет экономию, которой можно было бы достичь при такой модели производства, избавленной от экономической нестабильности и военного соперничества, и выгоды, которые будут получены от введения методов экономического расчета, должным образом учитывающих экологические издержки. В-третьих, в пользу модели Девина может говорить обеспечение соответствующих возможностей для инноваций: ресурсы могли бы оставаться на местном, региональном, национальном и международном уровне, за которые различные команды могли бы вести соперничество, доказывая необходимость поддержки именно их проектов. В настоящее время эту роль играют инвестиционные банки, действующие на собственный страх и риск предприниматели, а также рынки ценных бумаг. При этом они исходят из будущих прибылей, которые такие планы могли бы принести, а не из социальных выгод, которые можно было бы с их помощью извлечь.

Оценка этих потенциальных выгод неизбежно была бы спорным процессом. У людей есть различные желания, планы и идеалы, которые не всегда легко совместить, и потому возникающий в результате подход окрашен их частными интересами. Девин пишет: «Социальный принцип никогда не бывает четким и ясным. Самостоятельно действующие равные субъекты должны совместно участвовать на каждом уровне принятия решений, чтобы решить для себя, что именно представляет общественный интерес в данной ситуации».⁴⁶ Обязательное условие относительной гармоничности этих

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

процессов и достижения в ходе них согласия или по крайней мере разумного учета требований меньшинства со стороны большинства заключается в том, что граждане пользуются равным доступом к ресурсам, необходимым им для того, чтобы прожить жизнь, которую у них есть основания ценить. Возможно, это дало бы им возможность участия в принятии крайне спорных решений на основе экономической безопасности и обеспечило бы чувство сопричастности к общему делу, в котором распределение блага и обязанности происходило бы по справедливости. Иными словами, равенство — это не просто нормативный принцип, который социалистическое общество должно стремиться осуществить, но и функциональная потребность такого общества.

Вопрос о том, как могло бы начаться осуществление равного доступа к благам, будет рассмотрен мной в следующем разделе. А пока я хотел бы отметить важные следствия, предполагаемые всякой моделью децентрализованного планирования наподобие модели Девина. Функционирование такой модели не просто зависело бы от эгалитарного общества и способствовало его сохранению: она также потребовала бы общественной собственности по крайней мере на наиболее важные неличные производственные ресурсы. Франсуа Шене, Клод Серфати и Шарль-Андре Удри критиковали антикапиталистическое движение за уклонение от вопроса о том, какие формы собственности совместимы с его целями:

Осуществление общественной, коллективной, «гражданской» власти над условиями коммерческих обменов между народами как организации труда и удовлетворения первоочередных социальных потребностей предполагает, что мы перестаем считать вопрос о формах собственности на средства производства, связи и обмена табуированным, вопрос, который был раз и навсегда решен кризисом и крахом государственной собственности, коллективизированной в бюрократической или сталинистской манере.⁴⁷

Как отмечают Шене, Серфати и Удри, ведущие деловые круги демонстрируют четкое понимание важности форм собственности, когда они оказывают давление на международные финансовые учреждения в пользу защиты прав собственности и требуют, чтобы правительства приватизировали

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

государственные и муниципальные службы и способствовали проведению более широкого процесса секьюритизации, который превращает все, что только можно, в свободно обмениваемые финансовые средства. Логика капиталистической глобализации—это логика товаризации, ее результат—разделение мира на участки исключительной частной собственности. Сложно понять, как эту логику можно заменить логикой, основанной на демократическом определении общих нужд, не вводя широкой общественной собственности на неличные производственные ресурсы. Каким образом демократическим путем могут приниматься решения о распределении ресурсов, если эти ресурсы в основном находятся в частной собственности? Сущность частной собственности заключается в том, что она наделяет собственника правом не позволять другим принимать решения об использовании предметов, которыми он владеет. Демократическая плановая экономика должна основываться на общественной собственности.

Чтобы правильно понять эту идею, необходимо сделать две оговорки. Во-первых, ненужно, чтобы все производственные ресурсы находились в общественной собственности. Как уже отмечалось, люди должны быть в праве самостоятельно выбирать то, чем им заниматься. Более того, вопрос о размерах малого предприятия должен решаться в ходе демократических переговоров: печальный опыт принудительных коллективизации в двадцатом веке свидетельствует о том, что земельная реформа часто, по крайней мере на первых порах, принимает форму расширения крестьянской собственности.⁴⁸ Во-вторых, отстаивать общественную собственность не значит защищать бюрократические формы государственной собственности, которые в двадцатом веке обычно считались альтернативой рыночному капитализму. Шене, Серфати и Удри справедливо утверждают: *"Общественная собственность — это обман, если она не сопровождается формами управления и по-настоящему коллективного и демократического контроля"*.⁴⁹ Но тогда главное в описанной здесь модели социалистического планирования заключается в радикальном расширении демократии в двух отношениях: во-первых, экономические процессы отныне будут подчинены

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

коллективному принятию решений, и, во-вторых, само принятие решений будет децентрализовано на основе переговорной координации. Такие перемены наполнили бы новым смыслом лозунг «демократии участия» и тем самым стали бы препятствием для тенденции отхода граждан от политики, которая стала тревожной особенностью современных либеральных демократий.⁵⁰ Естественно, этот краткий набросок лишь в общих чертах описывает основные особенности плановой социалистической экономики и оставляет без ответа множество важных вопросов. Тем не менее он явно превосходит основные альтернативные концепции, распространенные в антикапиталистическом движении, — концепции локализации и взаимовыгодной торговли. Будучи микрореформой, взаимовыгодная торговля может оказаться полезной для отдельных групп производителей в странах «третьего мира», — хотя там, где происходит перепроизводство основных товаров, успех одного фермера будет оборачиваться убытком другого. Кроме того, как отметила Наоми Кляйн. «проблемы глобального рынка труда слишком велики, чтобы их можно было измерять — или ограничивать — только интересами потребителей».⁵¹ Теперь в своем местном универсаме я могу купить бананы и кофе, приобретенные на условиях взаимовыгодной торговли, но мне, как индивидуальному потребителю, не хватает времени или сил удостовериться в том, что эти товары действительно произведены при условиях, определенных движением за взаимовыгодную торговлю. Решение проблем глобальной несправедливости требует коллективного, а не индивидуального решения. В международном масштабе локалистские стратегии могут развиваться в одном из двух направлений. Первое, отстаиваемое Колином Хайнсом например, заключается в максимизации национальной самодостаточности и минимизации дальней торговли.⁵² Это означает разрыв не только с капитализмом, поскольку, как мы видели, дальняя торговля осуществлялась человеческими обществами тысячелетиями. Кроме того, по сути, это означает отказ от производственных мощностей, которыми мы теперь обладаем благодаря развитию мировой экономики. Но почему международные экономические связи должны а priori считаться нежелательными?

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

Безусловно, то, что фермы в Зимбабве выращивают на экспорт цветы и горошек, когда миллионы местных жителей голодают, непристойность. Но почему же производители сельскохозяйственной продукции должны вернуться к незащищенности перед превратностями погоды и болезней, которая была их неотвратимой судьбой в прошлом? Имеющиеся у нас производственные мощности (не говоря уже о тех, которые мы могли бы создать на их основе) дают нам средства для решения вопроса вопиющего неравенства, которое привело современный мир в такое плачевное состояние. И нам не следует бездумно от них отказываться.

В том же случае, когда взаимовыгодная торговля понимается как каркас новой международной системы, она может приближаться к модели переговорной координации, рассмотренную мной в этом разделе. Майкл Барретт Браун, например, говорит об общественных советах, образующих «горизонтальные связи» для обмена товаров и услуг. «Контракты и цены были бы тогда предметом переговоров о качестве и обслуживании между представителями рабочих, объединениями домохозяйств и избранными местными властями на районном уровне». «Общие параметры распределения ресурсов» устанавливались бы национальными и международными представительными органами, а «сообщества и районы формировали бы реальные кирпичики децентрализованной власти», играя роль узловых точек пересекающихся сетей взаимовыгодной торговли. Барретт Браун настаивает, что «сообщества нельзя было бы назвать эффективными конкурирующими торговцами, если бы они не устанавливали собственные цены и не осуществляли собственные капиталовложения».⁵³ Но в рисуемой им картине цены отражали бы процесс переговоров между коллективными субъектами, причем критерием успеха, по возможности, было бы удовлетворение потребностей субъекта, а не максимизация прибыльности. Такая экономическая система коренным образом отличается от саморегулирующейся рыночной экономики, подвергнутой критическому изучению Марксом и Поланьи. Как только рыночный обмен полностью подчиняется процессам демократического принятия решений, исходящим из заявленных потребностей, даже если цены и деньги продол-

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

жают играть роль удобных средств учета, нет смысла называть возникшую систему рыночной экономикой. Зло капитализма можно преодолеть не путем спасения рынка, а путем его замены.

ПЕРЕХОДНАЯ ПРОГРАММА

Социалистическое планирование, рассматриваемое в соответствии с логикой, в общих чертах изложенной Пэтом Девином в его модели переговорной координации, представляет собой осуществимую и желательную альтернативу капитализму. Но мы далеки от него. В действительности, неолиберальная политика «Вашингтонского консенсуса» ведет нас в противоположном направлении, к миру, где все становится взаимозаменяемым, товаром, который покупается и продается для получения прибыли. Поэтому движение, которое стремится повернуть этот процесс в нужном направлении, должно организовать массовую борьбу с требованием принять меры, которые одновременно способствовали бы оздоровлению и положили начало введению иной социальной логики. Следующие предложения предназначены скорее для обсуждения и не являются законченной программой:

- *Незамедлительное списание долгов "третьего мира"*: один из наиболее очевидных признаков несправедливости, преобладающей в настоящее время, заключается в том, что некоторые беднейшие страны мира вынуждены тратить значительную долю своих внешних поступлений на погашение долга перед некоторыми богатейшими учреждениями мира, банками и правительствами Севера. Схема «долговой помощи» «большой семерки», особенно широко пропагандируемая министром финансов Великобритании Гордоном Брауном, представляет собой жестокий обман, так как оказание помощи зависит от нахождения у власти правительств, заинтересованных в дальнейшем проведении «реформ», отвечающих неолиберальной программе. Требование незамедлительного и безоговорочного списания долгов «третьего мира» способствовало возникновению антикапиталистического движения и продолжает оставаться важнейшим приоритетом.

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

- *Введение "налога Тобина" на международные валютные операции:* списание долгов было бы всего лишь первым шагом в решении проблемы тяжелого положения в большинстве стран Юга: оно не в состоянии дать новые ресурсы для того, чтобы способствовать развитию в правильном направлении. Одна из привлекательных сторон «налога Тобина» заключается в том, что его введение могло бы привести к значительному перераспределению средств с Севера на Юг. Для организации этого потребовался бы определенный международный орган, поскольку в противном случае большая часть доходов оставалась бы в развитых экономиках, где совершается большинство валютных операций. Введение налога также положило бы начало восстановлению определенного политического контроля над финансовыми рынками. Однако не следует переоценивать последствия его введения. Бруно Жетан и Сюзанна де Брюнофф отмечают: «У "налога Тобина" имеются два очевидных недостатка: во-первых, он не предотвращает крупные спекулятивные атаки на конкретную валюту и, во-вторых, он не в состоянии решить проблемы, связанные с исчезновением прежней международной валютной системы и тем, что на смену ей ничего не пришло».⁵⁴ Вследствие этих недостатков необходимо куда более глубокое системное преобразование, описанное в предыдущем разделе. Тем не менее «налог Тобина» — это заслуживающая внимания реформа, поскольку она создает потенциальный механизм глобального перераспределения и способствует денатурализации рынка и демонстрации того, что экономическими процессами можно управлять политически.
- *Восстановление контроля за движением капитала:* международное право по-прежнему позволяет государствам вводить контроль за движением капитала по Бреттон-Вудским соглашениям 1944 года, которые лежат в основе МФВ и Всемирного банка, но сейчас эти учреждения делают все возможное, чтобы заставить правительства следовать примеру развитых экономик с конца 1970-х годов и отказаться от средств контроля за движением капитала. Восстановление этих средств позволило бы правительствам установить определенный контроль над притоком и оттоком капитала — движущей силой финансовых крахов «развивающихся рынков» последнего десятилетия. Тем не менее их действенность

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

весьма ограничена: Великобритания, например, за послевоенную эпоху пережила ряд серьезных валютных кризисов несмотря на то что государство имело полномочия для регулирования движения капитала, которые были отвергнуты правительством Тэтчер в 1979 году. Но, как и «налог Тобина», контроль за движением капитала положил бы начало определенному политическому контролю над финансовыми рынками, в данном случае на национальном уровне.

- *Введение всеобщего базового дохода*: основа могущества капитала заключается, однако, в его контроле над производством, а не над финансовыми рынками. Одна из привлекательных сторон идеи, что каждому гражданину должно быть предоставлено право на базовый доход, скажем, на уровне, который позволил бы ему удовлетворить свои социально признанные первоочередные нужды, заключается в том, что он может помочь освободить рабочих от диктатуры капитала. Такой базовый доход коренным образом изменил бы переговорные позиции между трудом и капиталом, так как потенциальные рабочие при этом находились бы в положении, когда они могли бы выбрать альтернативу работе по найму. Кроме того, поскольку все граждане получали бы одинаковый базовый доход (возможно, с учетом таких экономических препятствий, как возраст, нетрудоспособность и наличие находящихся на иждивении детей), его введение стало бы важным шагом на пути к установлению равного доступа к благам.
- *Сокращение рабочей недели*: медленный рост последней четверти века привел к такому положению дел, при котором — даже в большинстве развитых капиталистических стран — сосуществуют сверхурочная работа и вынужденный простой. Для обеих сторон, которых это касается, такая ситуация является разрушительной и непроизводительной. Значительное сокращение рабочей недели — скажем, до тридцати часов в неделю в развитых экономиках — привело бы к более равномерному распределению работы, повысив показатель занятости. Поддержка этого требования не означает согласия с тем, что ортодоксальные экономисты называют «заблуждением о куче работы», согласно которому объем работы ограничен, чтобы его хватило на всех. Сокращение рабочей недели не должно привести к уменьшению производительности и может сопровождаться повышением уровня производства

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

благодаря последовательному падению показателей безработицы. Наемные работники могли бы использовать более короткую рабочую неделю не только для проведения досуга, но и для участия в процессах принятия решений, которых потребует управляемая совместными усилиями экономика.

- *Защита государственных и муниципальных служб и ренационализация приватизированных отраслей:* неолиберальное стремление приватизировать коммунальные услуги невозможно оправдать неким нейтральным стандартом эффективности — «тем, что работает», как не устают повторять Тони Блэр. Приватизация проводится в интересах коалиции политиков, инвестиционных банкиров и управляющих корпораций, которые стремятся получить выгоду из выведения государственных активов на рынок и обеспечения приватизированных услуг с целью максимального увеличения «стоимости акций». ⁵⁵ Катастрофа, произошедшая в железнодорожной системе Великобритании после ее приватизации при тори, служит показательным примером конфликта между частной выгодой и общественным интересом. Даже правительство Блэра, догматически преданное «Вашингтонскому консенсусу», вынуждено было пойти на уступки после широких выступлений общественности за ренационализацию железных дорог, заставив «Рэйлтрэк» (компанию, в собственности которой находилась инфраструктура железной дороги) согласиться на введение внешнего управления. Предполагается, что приватизированные отрасли должны вернуться в государственную собственность. Между тем неолиберальные «реформы» государственных и муниципальных служб, которые обычно нацелены на введение механизмов, воспроизводящих рыночные силы в сфере социального обеспечения, как правило, посредством процессов бюрократической централизации, напоминающей сталинскую командную экономику, должны быть отвергнуты. Защита существующего государственного сектора ни в коей мере не мешает разработке альтернативных форм демократической общественной собственности. ⁵⁶
- *Прогрессивное налогообложение для финансирования государственных и муниципальных служб и перераспределения богатства и прибыли:* одной из особенностей неолиберальной эпохи были переход от прямого налогообложения к косвенному и повсеместное уменьшение налогового бремени на

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

корпорации и богатых. Итогом должно было стать увеличение доли налоговых выплат со стороны бедных, хотя они (из-за сокращения расходов и рыночных «реформ») получают меньшую выгоду от государственных и муниципальных служб, которые они помогают финансировать. Более высокие ставки прямого налогообложения — и прежде всего прогрессивный подоходный налог — помогли бы обеспечить государственные и муниципальные службы средствами, которых они были лишены вследствие неолиберальной политики. Кроме того, требуя от состоятельных лиц внесения значительно большей доли их дохода и богатства, этот сдвиг в налоговом бремени способствовал бы установлению большего экономического и социального равенства.

- *Отмена контроля над иммиграцией и расширение прав гражданства:* одно из наиболее вопиющих противоречий неолиберализма заключается в том, что он способствует глобальной мобильности капитала, ограничивая мобильность труда. Труд куда менее мобилен в международном масштабе, чем во время первой эпохи капиталистической глобализации сто лет тому назад.⁵⁷ В результате мы сталкиваемся с отвратительным зрелищем богатых стран, возводящих невероятно высокие барьеры, чтобы защититься от бедняков со всей Земли, стремящихся найти убежище на Севере от бедствий несправедливости, бедности и войны, основной источник которых кроется в существующей экономической системе. Преследование тех, кто ищет убежища, и заключение их в специальные частные центры в нарушение международного права становится постыдным фактом во многих странах ОЭСР во главе с Австралией и остальными странами, энергично ее догоняющими. Если мы, как принято утверждать, живем в глобальном мире, то всеобщим правом должна быть свобода передвижения, а не относительно неограниченная мобильность, ставшая одной из привилегий граждан богатых стран. Также необходимо, чтобы гражданство перестало вытекать из происхождения и стало правом, предоставляемым после определенного периода проживания в стране. Такой шаг стал бы подтверждением реальности международной мобильности (несмотря на попытки государств ее ограничить), позволив людям участвовать в политическом процессе там, где они хотели бы жить и работать. Он также положил бы конец вопиющей несправедливости, когда в

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

странах наподобие Германии значительное иммигрантское население лишено гражданских прав, несмотря на длительный срок проживания или рождение в них.⁵⁸

- *Программа предотвращения экологической катастрофы*с наиболее серьезная в длительной перспективе угроза человечеству и планете исходит от процессов разрушения окружающей среды, высвобожденных безудержным накоплением капитала. Доклад о перспективах глобальной экологии, опубликованный в мае 2002 года Организацией Объединенных Наций, выделяет четыре сценария для следующего поколения. Два из них, которые тесным образом связаны с нынешними глобальными планами («Рынок превыше всего» и «Безопасность превыше всего»), предполагают ускорение в 2002-2032 годах уже идущих процессов разрушения.⁵⁹ Предотвращение этого мрачного будущего потребует полного изменения приоритетов. Для этого необходима программа, включающая в себя, среди прочих мероприятий, постановку и осуществление в международном масштабе задач по резкому сокращению парниковых выбросов, значительные государственные инвестиции в генерирование и распределение возобновляемой энергии, развитие недорогого общественного транспорта, а также намного более длительное реструктурирование наших все более урбанизированных обществ с целью изменения существующих моделей поселения и распределения, основанного на растущей зависимости от двигателей внутреннего сгорания.
- *Ликвидация военно-промышленного комплекса*: оказалось, что сокращение военных расходов в мировом масштабе после окончания «холодной войны» было лишь кратким штилем. В 1999 году расходы на вооружение впервые повысились после 1988 года. Стремление Джорджа Буша-младшего к войне, вероятно, усилит эту тенденцию: в январе 2002 года администрация внесла предложение об увеличении расходов на оборону до 120 миллиардов долларов за следующие пять лет.⁶⁰ Клод Серфати перечисляет некоторые основные особенности более широкого процесса «вооруженной глобализации», симптомом которого служит эта статистика: «изменение условий производства вооружений и центральная роль, которую играет в нем финансовый капитал, растущая интеграция гражданских и военных технологий, появление новых видов оружия массового поражения (химическое и бактери-

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

ологическое), а также быстрый рост их запасов. Милитаризация планеты на заре двадцать первого века представляет собой грозную опасность». ⁶¹ Эта опасность ни в коей мере не ограничивается действиями развитых капиталистических государств. Одним из следствий войны в Афганистане стало возрастание напряженности в отношениях между двумя ядерными державами Южной Азии — Индией и Пакистаном. Однако *Financial Times* отмечает: «Хотя международное сообщество призывает к сдержанности на индийско-пакистанской границе, правительства во главе с Великобританией и США прибегают к невероятным ухищрениям, чтобы отхватить от растущего военного бюджета Индии кусок пожирнее». Среди гостей Нью-Дели, привлеченных 5 миллиардами долларов, которые Индия ежегодно тратит на военное оборудование, были британский министр иностранных дел Джек Стро и председатель объединенного комитета начальников штабов США генерал Ричард Майерс. ⁶² Военные расходы, вызванные геополитическим соперничеством на глобальном и региональном уровнях, грозят страшными разрушениями; они также отвлекают гигантские ресурсы от возможности их полезного для общества использования. Для решения этих проблем опять-таки требуется специальная программа, включающая роспуск НАТО, всеобщее ядерное разоружение, значительное сокращение военных бюджетов, более широкая демилитаризация планеты и государственная поддержка конверсии военных отраслей для работы в мирных целях.

Защита гражданских свобод: еще до 11 сентября некоторые западные правительства (особенно британское) ввели законодательство, которое могло быть использовано для преследования мирных участников выступлений протеста как террористов. «Война против терроризма» стала использоваться для оправдания более широкого наступления на гражданские свободы, доходящего в США до произвольного задержания и высылки иностранцев без суда, а также их преследования за терроризм военными трибуналами, которым, в соответствии с президентским указом, позволено приговаривать заключенных к смертной казни по куда более низким стандартам, по сравнению с теми, что преобладают в гражданских судах. Поэтому антикапиталистическое движение должно стремиться отстаивать гражданские свободы ради них самих, а также потому, что оно приняло вызов борьбы с

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

размыванием гражданских прав, ставшим столь заметной особенностью нынешней эпохи «демократического правления».

Этот перечень требований призван всего лишь служить ориентиром. Другие могут придумать более широкие и образные программы, а та, что приведена здесь, безусловно, отражает значительную озабоченность этими вопросами интеллектуалов и активистов на Севере. Но было бы глупо и претенциозно сидеть в Лондоне и пытаться придумывать, скажем, программу, которая была бы предназначена для решения проблемы тяжелого положения безземельных крестьян в Бразилии. В приведенной программе наиболее важны две особенности. Во-первых, перечисленные выше требования, как правило, предъявляются государствам, действующим по одиночке или сообща. Здесь отражается то обстоятельство, что, несмотря на воздействие глобализации, государства по-прежнему остаются наиболее действенными механизмами в мире, поскольку перед ними стоит задача мобилизации ресурсов для достижения целей, по которым имеется общее согласие. Признание этого не означает отказа от того, что было сказано мною ранее об ограниченности всякой политической стратегии, которая представляет национальное государство главным противовесом глобальному капитализму. Государства — это часть капиталистической системы, а не сила, противодействующая ей. Но государства, поскольку они, по крайней мере отчасти, зависят от обеспечения согласия их субъектов, оказываются уязвимыми для политического давления снизу. Поэтому массовые движения могут вынудить их на проведение реформ. Однако важно понять, что любых уступок такого рода можно добиться не путем переговоров с якобы сочувствующими правительствами, а путем массовой борьбы. Описанные выше реформы идут вразрез с логикой капитала. Их может добиться только движение, сохраняющее свою политическую независимость и способное, благодаря центральной роли в нем организованного рабочего класса, вырвать у системы уступки. Антикапиталистическое движение не должно бояться предъявлять требования государствам, но оно должно оставаться от них независимым.

Могут сказать: «Легче сказать, чем сделать». Совместная! государством работа по проведению реформ легко могла бы привести к утрате движением своей независимости. Это вполне реальная опасность. Двусмысленность реформизма как политической стратегии заключается в том, что он бросает вызов системе и дает ей средства для сдерживания топ» же вызова. Эту проблему не так-то просто решить. Отказ идти на какие-то частичные улучшения из страха замарать свои руки сохранением статус-кво всегда был одним из основных признаков политического сектантства и догматизма. Но в этом и заключается вторая особенность приведенной выше программы, которую стоит отметить. Как я уже говорил, все перечисленные требования идут вразрез с неолиберальным элитарным консенсусом. Даже самое умеренное — скажем, переход от косвенного к прямому налогообложению — с точки зрения этого консенсуса кажется крайне нереалистичным. Притом, что все эти требования — не список пожеланий, высосанных из пальца. Они представляют собой ответ на реалии современности, и все они были выдвинуты существующими движениями. В то же самое время цель этих требований заключается в том, чтобы подорвать логику капитала. Например, введение всеобщего прямого дохода на достаточно высоком уровне поставило бы под угрозу нынешнее функционирование рынка труда и тем самым устранило бы одно из обязательных условий капиталистической эксплуатации. Иными словами, хотя эти требования не обязательно открыто озвучивают антикапиталистические доводы, в них присутствует антикапиталистическая динамика. Они представляют собой то, что Троцкий назвал переходными требованиями, реформы, которые возникают из реалий существующей борьбы, но осуществление которых в нынешнем контексте поставило бы под вопрос капиталистические экономические отношения.⁶³

Поэтому движение, которое добилось бы успешного выполнения хотя бы части такой программы, скажем, при помощи конкретного национального государства, столкнулось бы с дилеммой. По всей вероятности, даже эти ограниченные успехи достаточно нарушили бы работу капитализма в такой стране, чтобы стать причиной существенного экономического

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

т-щербя вследствие таких механизмов, как утечка капитала, бегство валюты и резкое повышение показателей инфляции, движение могло бы отреагировать, отступив и, возможно, начав сотрудничество в восстановлении «доверия» ценой — через какое-то время — отказа от реформ, которые оно завоевало, и укрепления системы, которую оно стремилось преобразовать. Или же движение могло бы продолжить наступление, столкнувшись с растущим сопротивлением местного и международного капитала, которое все чаще принимало бы форму не только экономических санкций, но и попыток физического его уничтожения. (Иногда выбора не остается: как показывает опыт правительства Народного единства в Чили в сентябре 1973 года, даже движение, которое пытается отступить, все равно может быть уничтожено). В сущности, движение вперед означало бы совершение революции: иными словами, интенсивность сопротивления истеблишмента глубокому реформированию, как только произошел бы частичный разрыв с логикой капитала, сделала бы возможным только один из исходов — либо отмену этих реформ (и, возможно, контрреволюцию, которая повернула бы время вспять, как, например, обстояло дело с неолиберальной реакцией на потрясения 1960-х — начала 1970-х годов), либо введение совершенно иной социальной логики, — другими словами, революцию. Но последний выбор был бы революцией не только в смысле системного преобразования: его можно достигнуть лишь путем преодоления — насильственного, если понадобится, — сопротивления капитала и тех, кого он мобилизует. Движение, которое последовало бы этим путем, могло бы достичь успехов, добившись активной поддержки большинства населения, особенно многочисленных людских резервов, которыми обладает лишь организованный рабочий класс, и призывав к солидарности подобные движения во всем мире.

Сьюзен Джордж не остается в одиночестве, когда в цитате, приведенной мной в предыдущей главе, она говорит о том, что революция сопровождается «глобальной катастрофой», гибельным экономическим крахом, который может повлечь за собой ужасные страдания. Но есть и те, кто думают о революции иначе. Напротив, ее могут считать продолжением демократических процессов самоуправления, которые первона-

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

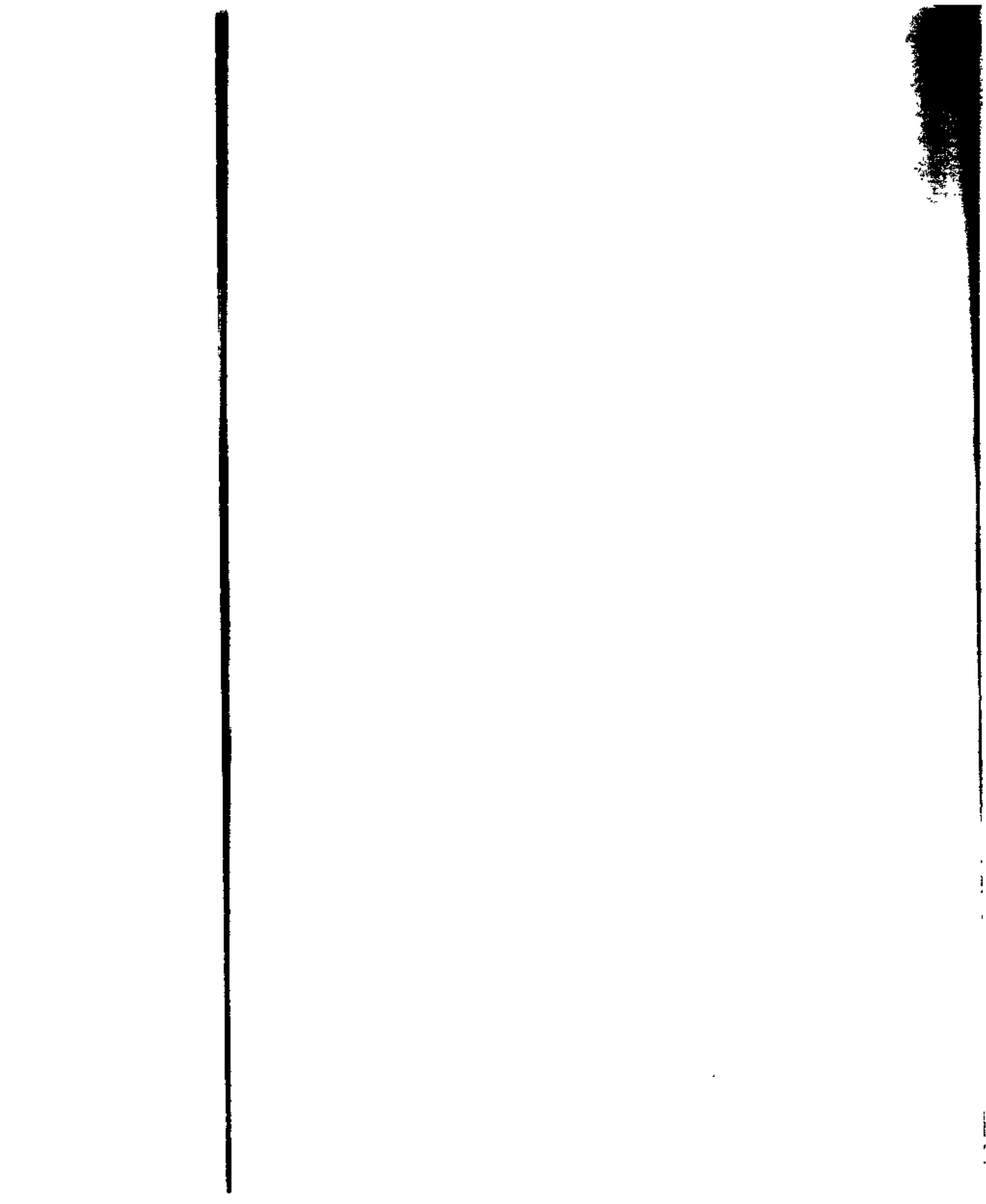
чально развивались в разрозненных попытках борьбы с крайностями рынка. Эти процессы могут иметь различные проявления: в результате правительственных реформ, завоеванных народными движениями; в формах самоорганизации, первоначально созданных для более действенного ведения массовой борьбы снизу, и в средствах борьбы против катастрофического ухудшения материального положения основной массы населения, как в случае современной Аргентины (который напоминает национальную версию «глобальной катастрофы»). В действительности, революционный выбор таков: должны ли эти демократические формы самоорганизации постепенно овладевать управлением экономикой, чтобы заменить логику капитала необходимыми требованиями, или же им следует ограничиться ролью гуманного приложения к рынку, хотя весь исторический опыт говорит о том, что две эти логики не могут сосуществовать бесконечно и что империя рынка рано или поздно восстановится? Если ни одна из сторон не отступит; тогда рано или поздно решающая проба сил будет неизбежна. Осуществление революционного проекта сегодня, в начале двадцать первого века, кажется удивительной задачей, особенно если учитывать разрушительную силу, которой теперь располагают хозяева капитала. Однако таков путь, на который вступило антикапиталистическое движение, — не вследствие осознанной стратегии, но вследствие логики борьбы, в которой оно участвует. Но альтернативой, по-видимому, был бы отказ от всяких стремлений даже к частичному реформированию существующей системы. Если эта дилемма реальна, то — несмотря на потенциальные риски и издержки, связанные с революционным проектом, — он кажется единственным выбором, остающимся для всех, кто не отступает перед несправедливостью, страданиями и разрушениями, на которые существующая система обрекла мир.

РЕЗЮМЕ

- Ценностями, присущими критике капитализма со стороны глобального движения, являются справедливость, эффективность, демократия и приемлемость.

ПРЕДСТАВЛЯЯ ДРУГИЕ МИРЫ

- Эти ценности несовместимы с рыночной экономикой в понимании Поланьи, то есть экономической системой, управляемой саморегулирующимся рынком.
- Скорее всего, ни одна из получивших широкую поддержку стратегий гуманизации рынка — рыночный социализм и более регулируемая версия капитализма — работать не будет.
- Демократическая плановая социалистическая экономика — возможно, построенная по модели переговорной координации, предложенной Пэтом Девином, — открывает прекрасные перспективы для осуществления ценностей антикапиталистического движения.
- В ближайшее время можно разработать программу реформ, которые сами по себе были бы желательны и ставили бы под сомнение логику капитала: хотя эти требования предъявляются главным образом национальному государству, выдвигать их можно лишь в составе международного движения, а достичь — посредством массовой борьбы.
- Борьба за эти перемены, по всей вероятности, вызвала бы такое сопротивление со стороны капитала, которое поставило бы движение перед выбором между отказом от уже имеющихся достижений и осуществлением революционного вызова нынешней системе.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Глобализация — это прекрасный пример того, что У. Б. Гэлли называл по сути своей спорным понятием.¹ Оно спорно в двух отношениях — объяснительном и нормативном. То есть имеются разногласия относительно характера и степени глобализации, а также о том, как было бы сказано в «1066 и все такое прочее», хорошая ли это штука. Нет никаких причин, по которым позиция, занимаемая в одном отношении, должна соответствовать позиции, занимаемой в другом отношении. Например, многие в антикапиталистическом движении соглашались с некоторыми более резкими фактическими утверждениями о глобализации, но осуждают их морально и политически.²

Если мы возьмем сначала объяснительный аспект разногласий относительно глобализации, мы встретим, с одной стороны, утверждение, что произошел необратимый сдвиг по направлению к глобальной экономической, политической и культурной интеграции, которая упраздняет границы и делает национальные государства ненужными. Так утверждают горячие сторонники глобализации, например Кеничи Омае, и критики, например Норина Херц. В частности, среди сторонников присутствует стойкая склонность к телеологии, то есть к представлению о глобализации как о конце государства, к которому неумолимо идет весь мир. Защитники «третьего пути» часто склонны говорить, что противиться глобализации так же глупо, как и погоде (возможно, не такая уж неудачная аналогия, как могло бы показаться, принимая во внимание ту роль, которую человеческая деятельность играет в изменении климата). Даже куда более тонкий и сложный анализ глобализации, предложенный Дэвидом Хелдом, Энтони Макгрю и их коллегами, представляет ее как трансисторический процесс.³

С другой стороны, скептики считают глобализацию намного более случайным и обратимым процессом. В работах исследователей, стоящих на различных политических позициях —

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к примеру, революционных левых (Крис Харман), традиционных социал-демократов (Пол Херст и Грэхем Томпсон), либерального интернационализма (Роберт Гилпин) и правых тори (Найла Фергюсона), отмечается, что последние тенденции к экономической интеграции выглядят менее внушительными, если они сравниваются не с первой половиной двадцатого столетия, а с концом девятнадцатого века, когда международная торговля и инвестиции достигли такого уровня относительно национального дохода, который был недостижимым до последней четверти столетия.⁴ Суть этой аргументации заключается в том, что в современной экономической глобализации нет ничего беспрецедентного и что, кроме того, она не может быть продолжительной.

Выдающийся историк экономики Гарольд Джеймс откликнулся на вызов, брошенный капиталистической глобализации сиэтлскими выступлениями протеста, рассмотрев исторический прецедент «краха глобализма во время межвоенной депрессии». Он утверждает, что распад мировой экономики в начале 1930-х годов, ускоренный финансовой нестабильностью, имеющей сходство с паникой прошлого десятилетия, создал условия, при которых негодование, вызванное первой волной глобализации (1870-1914), могло обрести политическое выражение в националистической реакции: протекционизм, ограничения на иммиграцию и, конечно, такие авторитарные режимы, как национал-социализм в Германии и сталинизм в Советском Союзе. «Век национализма» пришел на смену «веку капитала», ввергнув мир в чудовищную войну. Рассматривая современное противодействие глобализации с точки зрения либерального интернационализма, Джеймс утверждает, что ему не хватает интеллектуальной последовательности и некой успешной альтернативной экономической модели, представленной в 1930-х годах, в частности, советскими пятилетними планами. Но он делает вывод: «Отсутствие этих двух особенностей... объясняет, почему маятник так медленно отходит от глобальности. Но оно не объясняет и не может объяснить, почему он не качнется в обратную сторону».⁵

Историческое сравнение Джеймса вплотную подводит нас к нормативному аспекту споров о глобализации. Он

ПОСЛЕСЛОВИЕ

представляет современное противодействие глобализации непременно националистическим: «В настоящее время начинается создание антиглобалистской коалиции, основанной на враждебности к иммиграции (из-за заботы о рынке труда), вере в контроль над капиталом (чтобы предотвратить потрясения, исходящие из финансового сектора) и скептическом отношении к глобальной торговле».⁶ Теперь не вызывает никаких сомнений существование националистической оппозиции современным формам глобализации. Такие лидеры «третьего мира», как Махатир Мохамад в Малайзии и Роберт Мугабе в Зимбабве, в последние годы стали националистическими критиками «Вашингтонского консенсуса». В ответ на азиатский кризис 1997-1998 годов Махатир вновь ввел контроль над капиталом, что позволило малазийской экономике относительно легко перенести кризис. Сопrotивление неолиберализму со стороны Мугабе носит куда более оппортунистический характер: его возврат к антиколониальной риторике стал прежде всего ответом на социальное и политическое возмущение, вызванное политикой структурного регулирования, которое его же правительство проводило по указке МВФ в начале 1990-х годов. Националистические противники глобализации есть и на Севере: во второй главе я рассматривал феномен реакционного антикапитализма, представленного, например, европейским фашизмом и популистскими правыми в Соединенных Штатах.

Однако абсурдно утверждать, что так называемое (ошибочно) антиглобалистское движение является националистическим. Не говоря уже об интернациональном характере движения, — в вопросах предоставления убежища и беженцев оно занимает левые позиции по отношению к официальному консенсусу. Зачастую именно правительства, стоящие на стороне корпоративной глобализации, приостанавливали действие международных соглашений и закрывали свои границы для участников выступлений протеста из других стран. «Призыв общественных движений», принятый в Порту-Алегри II, требует «права свободного передвижения; права на физическую неприкосновенность и законный статус всех мигрантов». Даже те, кто составляют реформистский фланг антикапиталистического движения, кто стремятся

ПОСЛЕСЛОВИЕ

восстановить в своих правах национальный суверенитет, склонны считать это требование шагом к менее иерархической и более плюралистической мировой системе. Поэтому Даниэль Бенсаид справедливо называет антикапиталистическое движение «интернационалистическим возрождением»:

По сравнению со II и III Интернационалами, интернационализм двадцать первого века непосредственно обнаруживает действительно планетарное измерение. Реагируя на всеобщую товаризацию и приватизацию мира, он оказывается более широким и географически разнообразным, чем его предшественники, а также более сложным. Он должен объединять культуры и собирать различных участников, несводимых к движению традиционных рабочих: феминистские, экологические и культурные движения, молодежные кампании и профсоюзы. После трудного восстановления от травматического опыта двадцатого века начался процесс его осторожного [*avec prudence*] возникновения. Ибо политика угнетенных не обошлась без разочарований и поражений, накопленных в «век крайностей».⁷

Осмотрительность, описываемая Бенсаидом, вполне реальна. Она отражает то обстоятельство, что движение против капиталистической глобализации развивалось в условиях, казавшихся идеологическим вакуумом, но в действительности представлявших собой однородный интеллектуальный климат, искусственно созданный теми самыми поражениями и разочарованиями, о которых говорит Бенсаид, и очевидным триумфом либерального капитализма после 1989 года. Отсюда путаница в том, что касается названия движения. Отсюда и более существенная неопределенность относительно стратегий и альтернатив, которым отведено главное место в этой книге. Бенсаид утверждает, что Порту-Алегри II «возможно, ознаменовал собой апогей первой согласованной волны антиглобализма. События, произошедшие после нападения на Нью-Йорк 11 сентября 2001 года, выдвинули на повестку дня вопросы, политическое значение которых, не разрушая единства, вызывает острые противоречия в самом сердце движения сопротивления либеральной глобализации».⁸ Я попытался рассмотреть эти вопросы с точки зрения того, как можно способствовать дальнейшему развитию

движения, логика которого заключается в том, чтобы бросить вызов самому существованию капиталистического способа производства. Я пришел к выводу, что это движение может достичь успеха лишь посредством революционного преобразования, которое установит новую глобальную экономическую систему, основанную на общественной собственности на основные производственные ресурсы и демократическом планировании.

Но в конце мне бы хотелось вернуться к вопросу о ценностях, которые такое преобразование может стремиться воплотить в жизнь. О «ценностях» постоянно говорится в господствующем дискурсе. Радуюсь тому, что ошибочно считалось упадком антикапиталистического движения после 11 сентября, *Financial Times* говорила о том, что ощущается «резкое снижение охоты после 11 сентября нападать на основополагающие ценности Соединенных Штатов и других индустриальных стран Запада».⁹ Эти ценности будто бы характеризуют «цивилизованный мир», который постоянно изображается главным героем «войны против терроризма». Джордж Буш-младший сказал палестинскому народу в апреле 2002 года: «Каждый должен сделать выбор; либо вы с цивилизованным миром, либо вы с террористами».¹⁰

Видя смерть и разрушение, которые Израильские силы обороны принесли Западному берегу и сектору Газа во имя «борьбы против терроризма», многие люди во всем мире, должно быть, вспомнили знаменитый ответ Ганди на вопрос о том, что он думает о западной цивилизации: «Это была бы неплохая идея». Но кто-то может принять такие заявления всерьез и посчитать эти «цивилизованные ценности» ценностями западных либерально-капиталистических обществ. Сами собой напрашиваются лозунги Великой французской революции — свобода, равенство и братство, или, как мы теперь предпочли бы назвать его, солидарность. Но они также являются по сути своей спорными понятиями.^a В современной политической философии такие теоретики новых правых, как поздний Роберт Нозик, резко выступили против толкования основных либеральных ценностей, предложенного эгалитаристами наподобие Джона Ролза. Неолиберализм — идеология «Вашингтонского консенсуса», которая лежит в

ПОСЛЕСЛОВИЕ

основе стремления администрации Буша к войне, — предлагает весьма избирательное претворение в жизнь этих ценностей. Он сводит свободу к праву покупать и продавать, а равенство — к правовой форме, превращает солидарность в приватизированный индивидуализм и несет угрозу самой планете, от которой зависит осуществление стремлений и планов всех людей. Антикапиталистическое движение предлагает в корне иное толкование свободы, равенства и солидарности, согласно которому их осуществление может быть достигнуто вопреки глобальному капитализму и (я убежден) в результате его замены. Это движение несет в себе реальную надежду современности, выступая за по-настоящему всеобщую эмансипацию, которая сделала бы судьбу планеты и живущих на ней коллективным и демократическим проектом. Именно сейчас приобрести мы должны весь мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВЗЕДНИЕ

1. F. Fukuyama, *The End of History and the Last Man* (New York. 1992). Критику тезиса Фукуямы и вызванных им дебатов см.: A. Callinicos, *Theories and Narratives* (Cambridge, 1995), ch. 1.

2. Новейшую критику такой аргументации см.: S. Zizek, *Did Somebody Say Totalitarianism?* (London, 2001).

3. См.: R. Broad and J. Callaghan, *The Death of the Washington Consensus?*, in W. Bello et al., eds. *Global Finance* (London. 2000). p. 84.

4. S. George, 'A Short History of Neo-liberalism', *ibid.*, p. 27.

5. Этот сюжет изложен, в основном с точки зрения «третьего мира», в работе: W. Bello et al.. *Dark Victory: The United States and World Poverty* (2nd edn, London. 1999).

6. См. особ.: P. Gowan. *The Global Gamble* (London, 1999).

7. J. R MacArthur. *The Selling of Free Trade* (Berkeley and Los Angeles, 2000).

8. A. Callinicos, *Against the Third Way* (Cambridge, 2001).

9. P. Anderson, 'Renewals'. *New Left Review*, (II) 1 (2000). p. 17. Взвешенную критику см.: G. Achcar, *The "Historical Pessimism" of Perry Anderson*, *International Socialism*. (2) 88 (2000).

10. Compare M. Wolf. 'In Defence of Global Capitalism', *Financial Times*, 8 December 1999 и F. Rouleau. 'L'Ennemi, est-ce la "mondialisation" ou le capitalisme?', *Lutte Ouvrière*, 3 December 1999.

11. J. Harding. 'Globalization's Children Strike Back', *Financial Times*, 11 September 2001. Более сочувственные оценки см., напр.: A. Starr, *Naming the Enemy: Anti-Corporate Movements Confront Globalization* (London. 2000) и E. Bircham and G. Charlton. eds. *Anti-Capitalism: A Guide to the Movement* (London, 2001). Прекрасную обзорную статью см.: D. Bensaid. 'Le Nouvel Internationalisme'. in *Encyclopaedia Universalis* (forthcoming).

12. M. Rupert, *Ideologies of Globalization* (London, 2000), pp. 15, 70.

13. *Testimonies of the First Day*. in T. Hayden, ed.. *The Zapatista Reader* (New York. 2002). p. 216.

14. Команданте Маркое. 'Четвертая мировая война уже началась', *Русский Журнал*, 6 сентября 1997. [www — document], <http://www.russ.ru/journal/peresmot/97-09-06/markos.htm>.

15. J. Lloyd, *The Protest Ethic* (London. 2001). pp. 38-39.

16. A. Pettifor, *The Economic Bondage of Debt — and the Birth of a New Movement*. *New Left Review*. (I) 230 (1998).

17. См.: P. Bond. *Their Reforms and Ours*, in Bello et al., eds. *Global Finance*, и R. Wade. 'Showdown at the World Bank'. *New Left Review*. (II) 7 (2001). Либерально-интернационалистский взгляд на эти дебаты